

П. ОЛЬШАНСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ
—+— И —+—
ПОЛЬСКОЕ
НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА-1959

Книга представляет собой оригинальное исследование, посвященное одной из интереснейших, актуальных и малоизученных проблем — истории возникновения революционного союза двух братских народов — русского и польского. Основываясь на документальном материале, извлеченном как из советских, так и из польских архивов и в значительной степени впервые используемом, автор рисует яркую картину связей русских дворянских революционеров с польским национально-освободительным движением.

В работе раскрыты предпосылки возникновения этих связей, показана постановка вопроса о Польше в революционных планах декабристов — в проектах Никиты Муравьева и в «Русской Правде» Пестеля, прослежено установление связей между декабристами и польскими тайными революционными обществами в период 1823—1825 гг. В книге приведен материал, свидетельствующий о влиянии движения декабристов на дальнейшее развитие польского национально-освободительного движения, об укреплении союза между революционными обществами России и Польши после восстания декабристов.

Работа служит наглядным опровержением лживых измышлений буржуазной историографии об отсутствии исторических корней дружбы и традиций совместной революционной борьбы русского и польского народов. Она будет с интересом прочитана широкими кругами как советских, так и польских читателей.

ВВЕДЕНИЕ

В отношениях стран социалистического лагеря важное место занимают советско-польские отношения. Дружба народов Советского Союза и Польской Народной Республики имеет глубокие исторические корни. На протяжении нескольких столетий эти народы сближало не только общее происхождение, близость языка, культуры, соседство, но и совместная борьба против внутренних врагов — царизма и крепостнического строя — и иностранных захватчиков.

Живые и глубокие традиции общей борьбы русских и польских революционеров еще больше окрепли в сражениях с гитлеровским фашизмом в годы второй мировой войны. По примеру Советского Союза польский народ навсегда сбросил иго эксплуататоров и создал у себя народную республику, успешно идущую по пути социалистического строительства. Возникла новая основа для укрепления дружбы народов СССР и Польши. Ныне эта дружба основывается на принципах пролетарского интернационализма, взаимного уважения суверенитета, взаимной братской помощи и солидарности, на общности интересов и стремлений.

Как русский, так и польский народы проявляют большой интерес к изучению истории этой дружбы, к изучению ее истоков и развития братского союза. Настоящая работа посвящается именно этой теме. Она раскрывает историю зарождения первых революционных связей между русскими дворянскими революционерами-декабристами и польскими борцами за свободу — шляхетскими революционерами первой четверти XIX в.

Вопрос о связях русских дворянских революционеров с польским освободительным движением получил освещение сразу же после раскрытия русских и польских тайных революционных обществ. Очевидность этих связей не могли отрицать даже царские следователи. Они же первые дали оценку этому факту с позиций самодержавия. Доклад Петербургского следственного комитета, «высочайше учрежденного» 17 декабря 1825 г. для «изысканий о злоумышленных обществах», характеризовал их как «преступление» русских и польских «мятежников». Так же оценивались русско-польские революционные связи и донесением Варшавского следственного комитета по делу о тайных обществах в Царстве Польском¹. В духе этих донесений, преднамеренно искажавших факты, представлявших правительственную точку зрения, была построена официальная царско-дворянская историография вопроса.

Расправившись с декабристами и деятелями польского национально-освободительного движения первой четверти XIX в., правительство Николая I стремилось предать забвению это неприятное для царизма событие. Но память о подвиге первых революционеров жила в русском и польском народах, сочувствовавших борцам за свободу. Почти каждое революционное движение неизбежно обращалось к их памяти, их подвиг служил вдохновляющим примером для новых поколений революционеров. Царизм вынужден был сказать свое слово с целью еще раз изобразить движение декабристов как заговор кучки бунтовщиков, выступивших против «законного» правительства, не получивших будто бы сочувствия в народе.

В 1848 г. появилась книга статс-секретаря Николая I барона М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Эта книга, написанная «по высочайшему повелению», явилась грязным пасквилем на движение декабристов, подлым произведением «бездушного льстеца»². Корф совсем умолчал о факте существования в Польше тайного революционного общества и о связях декабристов с ним, что как раз и свидетельствует о том, насколько опасался царизм даже упоминать об этом

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке». Сборник, т. I (1825—1876 год), СПб 1906, стр. 14—47, 70—94.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. IX, 1919, стр. 34.

факте перед лицом растущего в Польше и в России революционного движения.

Лишь в 1871 г. официальный историограф М. И. Богданович в VI томе своего обширного труда «История царствования императора Александра I и России в его время», изданном также «по высочайшему повелению», коснулся истории связей декабристов с польским тайным Патриотическим обществом. Царизм считал возможным упомянуть об этом только после того, как польское освободительное движение было разгромлено, Царство Польское уже не существовало, и царская реакция торжествовала полную победу. Богданович дал краткое изложение истории развития польских тайных обществ и связей с декабристами. Характеризуя декабристов не как передовое общественное движение, а как бунт кучки заговорщиков, не имевших сочувствия в русском обществе, он соответственно определил и польское освободительное движение. Его участники, по словам Богдановича, — это «недоучившиеся юноши», которые, «вместо того чтобы приготовить себя трудом на пользу общую, создавали несбыточные теории, в основании которых лежали мнимые равенство и свобода...»¹ Касаясь вопроса о связях и переговорах декабристов с польским Патриотическим обществом, Богданович стремился полностью отрицать как значение переговоров, так и достигнутые результаты. По его словам, между декабристами и польскими представителями господствовало «обоюдное недоверие», переговоры 1824 г. «остались без всяких последствий», точно так же и переговоры 1825 г. «не привели к определенным условиям» и «не имели никаких последствий»².

Буржуазно-либеральная концепция, появившаяся в пореформенной России, по существу в этом вопросе не дала ничего нового. А. Н. Пыпин лишь вскользь упомянул о факте связей декабристов с польским тайным обществом, не дав разбора этих связей и хода переговоров.

В связи с польским восстанием 1863 г. в российской реакционной печати велась бешеная травля борцов за независимость Польши. Особое рвение проявил известный реакционный публицист М. Н. Катков, выразивший

¹ М. И. Богданович, История царствования императора Александра I и России в его время, т. VI, СПб 1871, стр. 163—164.

² Там же, стр. 460, 463, 475, 478.

точку зрения царского правительства. В статьях, опубликованных в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», он выступил против независимости Польши. «Между этими двумя соплеменными народностями, — писал Катков, — история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца... Вопрос между ними был о том, кому из них существовать. Независимая Польша не могла ужиться рядом с самостоятельной Россией. Сделки были невозможны: или та, или другая должна была отказаться от политической самостоятельности...» Искажая истину и желая возбудить у русских ненависть к полякам, Катков писал, что поляку «недостаточно простой независимости, он хочет преобладания; ему недостаточно освободиться от чужого господства, он хочет уничтожения своего восторжествовавшего противника. Ему недостаточно быть поляком; он хочет, чтобы и русский стал поляком или убрался за Уральский хребет». Катков делал нападки на русскую революционную организацию «Земля и воля» за то, что она поддерживала национально-освободительную борьбу польского народа, критиковал ее прокламацию, в которой выдвигалось требование независимости Польши¹.

После революции 1905 г., когда стали доступными для историков материалы следствия по делу декабристов и польских тайных обществ, появился ряд новых исследований.

В 1906 г. вышла работа М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов», в которой автор излагает вопрос о связях Южного общества декабристов с польским Патриотическим обществом. Однако, имея возможность правильно осветить вопрос, располагая следственными материалами и «Русской Правдой» Пестеля, Довнар-Запольский ничего нового не внес. Так же как и Богданович, он пытался преуменьшить значение установления связей между русскими и польскими дворянскими революционерами. Он всячески старался доказать беспочвенность их переговоров о союзе и взаимодействии, сводя все к «мистификации»² с обеих сторон

¹ См. М. Н. Катков, 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, выш. 1, М. 1887, стр. 23, 24, 25—27.

² См. М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов, М. 1906, стр. 113, 121—122.

и якобы отсутствию полномочий для заключения договора. В таком же духе освещает автор этот вопрос и в другой работе — «Идеалы декабристов», вышедшей в 1907 г. Эта работа представляет интерес лишь в том отношении, что в ней автор кратко изложил положения пестелевской «Русской Правды» по вопросу о Польше¹. Работы Довнар-Запольского все же имеют некоторую ценность, так как содержат фактический материал о деятельности Южного и Северного обществ и Общества соединенных славян.

В 1905 г. в Женеве вышли изданные Г. А. Куклиным «Материалы к изучению истории революционного движения в России», в I томе которых освещались деятельность Южного общества декабристов и его связи с польским Патриотическим обществом; кратко дана история польского национально-освободительного движения.

Уделил некоторое внимание постановке вопроса о Польше в декабристских обществах А. Сиротинин. Признавая, что «мысль о самостоятельности этнографической Польши пользовалась среди декабристов общим признанием», Сиротинин считал, однако, борьбу поляков за независимость и самостоятельное государственное существование безосновательной, ибо, как утверждал он, «польский народ в границах Царства Польского пользовался тогда полной свободой народного самоопределения»...² Деятельность Сергея Муравьева-Апостола по установлению связей с польскими революционерами он объясняет лишь «идеалистическим энтузиазмом молодости».

Значительный интерес представляет работа В. И. Семеновского «Политические и общественные идеи декабристов», вышедшая в 1909 г. в Петербурге. Делая попытку исследовать причины зарождения и развития идеологии первых русских дворянских революционеров, автор уделит некоторое внимание вопросу о русско-польском союзе — дал изложение переговоров руководителей Южного общества декабристов с руководителями польского тайного Патриотического общества в 1824—1825 гг.

В 1909 г. появилась первая в дореволюционной историографии специальная работа Н. И. Коробки, целиком посвященная данному вопросу, «Польские общества

¹ См. М. В. Довнар-Запольский, Идеалы декабристов, М. 1907, стр. 384—385.

² А. Сиротинин, Россия и славяне, СПб 1913, стр. 57, 59.

20-х годов и декабристы». Она интересна в том отношении, что автор излагает историю возникновения и деятельности польских тайных обществ и связей Южного общества декабристов с польским Патриотическим обществом. Н. И. Коробка не отошел в оценке переговоров южан с поляками от господствовавшей официальной концепции и старался выпятить разногласия и показать беспредметность и безрезультатность переговоров, которые, по его утверждению, «носили характер дипломатического торга»¹. В другой своей работе — об Обществе соединенных славян Н. И. Коробка на том основании, что поляк Люблинский внес в программу этого общества идею создания федерации славянских народов, утверждает, что создателями общества была воспринята польская, «панславистская идея Люблинского». Н. И. Коробка пошел еще дальше в искажении исторической истины, утверждая, что, столкнувшись с Южным обществом, «Соединенные славяне» легко отказались и от своей идеи².

В дореволюционной историографии польское национально-освободительное движение рассматривалось как единое и преследовавшее лишь цель восстановления польского государства в его прежних границах и завоевания национальной независимости. Дворянские и буржуазные историки игнорировали тот факт, что в общем потоке национально-освободительного движения росло и крепло прогрессивное течение, возглавлявшееся польскими шляхетскими революционерами, которые завоевание независимости страны связывали с осуществлением социальных реформ и прежде всего с ликвидацией феодально-крепостнических отношений. А именно это и представляло собой основу, на которой возник русско-польский революционный союз в борьбе против царизма и крепостничества.

Наряду с дворянской и либерально-буржуазной концепциями существовала и развивалась революционная концепция в освещении истории зарождения русско-польского революционного союза. Первыми выразителями революционной концепции явились сами декабристы. Они первые предприняли попытку разоблачить официаль-

¹ Н. И. Коробка, Польские общества 20-х годов и декабристы. Сборник «О минувшем», СПб 1909, стр. 220.

² См. Н. И. Коробка, Декабристы братья Борисовы и общество Соединенных славян, «Современник», кн. 5, 1911 г., стр. 22.

ную концепцию, изложенную в «Донесениях» следственных комиссий.

С наибольшей последовательностью сделал это декабрист М. С. Лунин, который и в сибирской ссылке не сложил оружия и продолжал борьбу с царизмом. М. С. Лунин в своем «Разборе донесения, представленного российскому императору тайной комиссией в 1826 году» опроверг измышления следственной комиссии о том, что якобы декабристы, вступая в союз с польским тайным обществом, своим согласием на территориальные уступки в пользу Польши намеревались «расчленивать» Россию, ослабить ее мощь. Лунин убедительно доказал, что такого намерения у декабристов не было¹. Лунин высоко оценил благородную деятельность Михаила Бестужева-Рюмина и Сергея Муравьева-Апостола по установлению связи с польскими революционерами, тогда как царское правительство квалифицировало эту деятельность как одно из тяжчайших преступлений. В известной статье «Взгляд на дела Польши 1840 г.» Лунин провел резкую грань между политикой царизма в отношении Польши и настроением прогрессивного революционного лагеря в русском обществе. «Никогда русские не думали о покорении своих братьев, — пишет он, — никогда они не предполагали предписывать им законы и не претендовали на какое-либо социальное или политическое превосходство над ними»².

Лунин высказывал свое горячее сочувствие идее русско-польского революционного союза, направленного на освобождение обоих народов от монархии и феодально-крепостнического гнета. Он восстановил историческую правду об истинных намерениях руководителей Южного общества декабристов в поисках связи с польским национально-освободительным движением, об их благородном стремлении общими силами завоевать свободу для русского и польского народов. Декабристы, пишет он, предлагали польским борцам за свободу «согласованность воли и соединение усилий к одной цели, которую они провозглашают. Это мнение, — продолжает Лунин, — было выражено естественными представителями русских, которых

¹ См. «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма», Пгр. 1923, стр. 72.

² «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, Госполитиздат, М. 1951, стр. 178.

власть... погубила рукой палача или рассеяла в ссылке...» Он был глубоко убежден в необходимости тесного революционного союза как для русских, так и особенно для польских борцов за свободу. «...Союза требуют выгоды обеих земель», — подчеркивал Лунин. Декабристы, пишет он, «предсказывали полякам, что их обособленные усилия будут всегда бесплодны; что их надежды на помощь западных держав будут всегда несбыточны; что их единственный шанс на успех заключается в тесном союзе с русскими». При этом он подчеркивал родство обоих народов, происходящих от одного корня, что благодаря общности социально-политических целей и задач «должно было склонять оба народа к братскому союзу»¹. В своих «Письмах из Сибири» к сестре, далеко выходящих за рамки личной переписки и являвшихся средством пропаганды свободолобивых идей, Лунин неоднократно возвращался к вопросу о русско-польских отношениях.

Смелыми разоблачениями официальной концепции в историографии вопроса явилась работа члена Северного общества Н. И. Тургенева².

Революционная концепция нашла свое отражение и в мемуарной литературе. Декабрист А. В. Поджио назвал захваты и угнетения Польши русским царизмом «хищничеством» и «разбоем». «Всякое нарушение прав народных я считаю разбоем, в каком бы размере оно ни совершалось и какими победами ни освещалось...»³ — писал Поджио, обращаясь к царскому правительству.

Глубокую убежденность в правоте дела русско-польского революционного союза мы находим в «Записках и письмах декабриста И. И. Горбачевского», являющихся единственным свидетельством члена Общества соединенных славян, ставившего целью создание республиканской федерации славянских народов⁴. В записках декабриста Д. И. Завалишина ясно выражена мысль о связи освобождения Польши со свержением царского самодержавия:

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, стр. 178—179.

² См. Н. Тургенев, Россия и русские, т. I, М. 1915, стр. 62—63.

³ А. В. Поджио, Записки декабриста, изд. «Молодая гвардия», М.—Л. 1930, стр. 83.

⁴ См. «Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского», изд. 2, М. 1925, стр. 57, 60.

«Пока абсолютизм существовал в такой державе, как Россия, все права в Польше были только мнимыми, как не имеющие никакой существенной гарантии»¹.

Большая заслуга в восстановлении исторической правды по вопросу о движении декабристов и установлении их связей с польскими борцами за свободу принадлежит А. И. Герцену. Именно Герцен впервые в русской историографии показал Пестеля таким, каким он был на самом деле: бесстрашным революционером, непримиримым и решительным борцом против царского самодержавия, последовательным республиканцем. Излагая вопрос об установлении связей декабристов с руководителями польского Патриотического общества и переговоров о союзе с ним в 1824—1825 гг., Герцен с особой силой подчеркнул выраженное в пестелевской «Русской Правде» желание русских революционеров видеть свободной от самодержавия и крепостничества не только Россию, но и Польшу².

В новых исторических условиях середины XIX в. Герцен продолжил начатое декабристами дело. Благодаря его усилиям этот союз укрепился и расширился. «Колокол» Герцена всячески поддерживал борьбу польского народа за национальное и социальное освобождение. В 1859 г. в письме к польским политическим эмигрантам Герцен обратился ко всему польскому народу с заявлением, что в России, «кроме подлецов, все вам сочувствуют»³. «Независимость Польши — наше собственное освобождение, — писал он в 1866 г. польским борцам за свободу. — В тот день, когда Польша будет восстановлена, мы бросим покров на прошедшее и твердыми шагами пойдем к нашему будущему, разрушая империю, делающую несчастье шестой части земного шара»⁴. Герцен неустанно пропагандировал революционный союз русского и польского народов в борьбе против царизма и крепостничества. Независимость Польши, писал он, «сблизит нас. Мы тогда будем говорить друг с другом, как братья, забывая былые раны и бедствия и глядя вперед...»⁵

¹ См. «Записки декабриста Д. И. Завалишина», СПб 1906, стр. 112.

² См. А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XXII, стр. 99.

³ А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. X, стр. 249.

⁴ А. И. Герцен, Нашим польским братьям, «Литературное наследство», т. 61, кн. 1, АН СССР, М. 1953, стр. 136.

⁵ А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 525.

По словам В. И. Ленина, Герцен «спас честь русской демократии»¹, отстаивая свободу и независимость Польши.

После Великой Октябрьской социалистической революции исследование истории движения декабристов продолжалось и получило широкий размах. Особенно много монографий и статей вышло в связи с 100-летием восстания декабристов, которое отмечалось в 1925 г. Предпринято было издание документов и материалов о движении декабристов, в том числе следственных дел. Однако вопрос об отношении декабристов к польскому освободительному движению до последнего времени монографически не разрабатывался. С 1917 г. до Великой Отечественной войны не появилось ни одной специальной работы по этому вопросу. В общих работах, вышедших за этот период, имеются лишь краткие упоминания по интересующему нас вопросу, да и то не во всех.

М. Н. Покровский, например, совсем не касался вопроса о связях декабристов с поляками. Он, видимо, не принимал всерьез стремления декабристов к союзу и желания предоставить Польше независимость. Об этом можно судить по тому, что Покровский считал «Русскую Правду» Пестеля, в которой как раз и изложена программа Южного общества по вопросу о Польше, «чисто литературным произведением», выражающим «нечто очень индивидуальное, личное»², а не программным документом, принятым съездом общества.

Не получил этот вопрос должного освещения и в работе А. Е. Преснякова. Не вдаваясь в дифференциацию польского освободительного движения и рассматривая его как единое, А. Е. Пресняков пишет, что «польское движение не предполагало ни обязательной союзности с Россией, ни сколько-нибудь глубоких социальных преобразований»³. Автор стремился показать не то, что объединяло русских дворянских революционеров с польскими, а выпятить то, что вызывало разногласия.

Возражение отдельных членов Северного общества против установления связи с поляками А. Е. Пресняков изображает как мнение всего общества.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 13.

² М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. 3, изд. 4, М. 1922, стр. 281.

³ А. Е. Пресняков, Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов, «Каторга и ссылка» № 8(21), 1925 г., стр. 51.

Лишь краткое упоминание о существовании в Польше тайного общества и о его связях с декабристами встречаем в работах В. М. Базилевича¹, Д. И. Багалея. Работа Д. И. Багалея посвящена исследованию Южного общества декабристов, и уже одно это требовало более подробного освещения его связей с польским тайным обществом. Однако Багалея даже склонен подвергать сомнению искренность положений «Русской Правды» и ее автора руководителя Южного общества Пестеля в вопросе о предоставлении независимости Польше. Упомянув, что Пестель для Польши делал исключение, предоставляя ей независимость, Багалея замечает, что Пестель делал это, «кажется, больше по мотивам практического, тактического характера»².

Конец 40-х и начало 50-х годов отмечены появлением специальных работ на эту тему. В 1948 г. появилась статья И. Беккера «Декабристы и польский вопрос»³. В 1954 г. опубликована статья Л. А. Медведской «Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество»⁴, а также статья А. И. Бортникова «Декабристы и польское освободительное движение»⁵. Общим для этих работ является то, что авторы с позиций марксистско-ленинской методологии делают попытку определить место движения декабристов и польских борцов за свободу в истории революционного движения России и Польши. Авторы рассматривают явления не изолированно, а в связи с развитием общественного и революционного движения в обеих странах, указывают на преемственность, на развитие идеи русско-польского революционного союза последующими поколениями революционеров. Статьи основаны на малоисследованных и частично новых архивных материалах.

Значительным вкладом в разработку проблемы является упомянутая статья Л. А. Медведской. В ней использован архивный материал — следственные дела видных руководителей Патриотического общества, делаются

¹ См. В. М. Базилевич, Декабристы. Очерки, Киев 1926, стр. 28, 32.

² Д. И. Багалея, Декабристы на Україні, Київ 1926, стр. 26.

³ См. «Вопросы истории» № 3, 1948 г., стр. 65—74.

⁴ См. «Очерки из истории движения декабристов». Сборник статей, Госполитиздат, М. 1954, стр. 276—319.

⁵ См. «Труды Воронежского государственного университета», т. XXIX, Харьков 1954, стр. 47—77.

сопоставления их показаний с показаниями и мемуарами декабристов, ярко показана инициатива, которую проявляли декабристы по установлению связи с польским национально-освободительным движением для совместной революционной борьбы против царского самодержавия.

А. И. Бортников в своей статье указывает на наличие в польском Патриотическом обществе революционного течения, отражавшего интересы демократических слоев польского народа. Автор отмечает, что именно эти революционные элементы оказывали известное давление на руководителей Патриотического общества, толкая их на установление связи с декабристами.

Однако указанные статьи не исчерпывают вопроса о революционных русско-польских связях и роли декабристов в их установлении. В них рассмотрен вопрос о связях Южного общества с польским Патриотическим обществом, но не освещена история установления этих связей, ничего не сказано о попытках обеих сторон к завязыванию контактов, а также о контактах декабристов с другими польскими тайными обществами.

Значительным событием в исторической науке явился выход в свет в 1954 г. первого тома «Истории Польши», написанного группой советских ученых. В этом труде, охватывающем историю Польши до 40-х годов XIX в., впервые широко и на основе марксистско-ленинской методологии изложена история борьбы народных масс Польши за свое социальное и национальное освобождение. В книге показаны история польской революционной демократии, ее социальные корни, ее борьба с аристократической, магнатской частью польского национально-освободительного движения, кратко освещен вопрос об исторических корнях дружбы польского и русского народов, рассказано о деятельности польского Патриотического общества и его связях с декабристами.

Из общих работ послевоенного периода следует отметить книгу Г. Габова «Общественно-политические и философские взгляды декабристов», изданную Госполитиздатом в 1954 г. Она подверглась серьезной критике за ряд недостатков и общую недоработанность. Тем не менее взгляды декабристов на польский вопрос нашли в ней достаточное и, по нашему мнению, правильное освещение.

Большое место отведено выяснению вопроса о зарождении русско-польского революционного союза в двух-

томной монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов». Здесь шире, чем в упомянутых статьях, изложен вопрос о связях декабристов Южного и Северного обществ с польскими революционными обществами, дается краткая характеристика польского национально-освободительного движения¹. Некоторый материал о русско-польских революционных связях имеется в статье С. Я. Борового «Мицкевич накануне восстания декабристов»².

Вопрос о связях декабристов с польскими тайными обществами нашел некоторое отражение и в польской историографии, главным образом в общих работах, преимущественно мемуарного характера, вышедших во второй половине XIX в. Большинство из этих работ носит характер воспоминаний участников движения. Авторы некоторых из них предприняли попытку дать обобщенное изложение событий. К таким работам относится монография одного из видных деятелей польского национально-освободительного движения первой четверти XIX в., а затем участника польского восстания 1830—1831 гг. — Маврикия Мохнацкого³. Значительная часть первого тома этой монографии посвящена описанию событий, предшествовавших восстанию, изложению истории возникновения и деятельности польских тайных обществ, главным образом Патриотического общества. Мохнацкий, как и другие авторы — его современники, не анализирует социального состава движения, а рассматривает его как единое целое. Он не видит разгоравшейся в Польше борьбы за социальные реформы и, следовательно, реальной основы для объединения сил польских борцов за свободу и русских дворянских революционеров-декабристов. Вместе с тем он не отрицает того, что у русских и у поляков «было взаимное желание союза».

Мохнацкий впервые в польской историографии сделал попытку объяснить причину отсутствия совместного выступления против русского царизма в 1825 г. Он охарактеризовал декабристов как искренних друзей революционной Польши и показал консервативное руководство

¹ См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. II, гл. XI—XIV, АН СССР, М. 1955.

² См. «Литературное наследство», т. 60, кн. I, АН СССР, М. 1956, стр. 409—474.

³ Maurycy Mochnacki, Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831, t. I, II, Poznań 1863. (Далее — М. Mochnacki, т., стр.)

польского тайного общества во главе с графом Солтыком как виновника неудач в установлении прочного союза между обществами. Мохнацкий выразил надежду, что возникший русско-польский революционный союз будет и дальше развиваться и крепнуть и приведет к победе над тиранами¹.

Высказывания Мохнацкого перекликаются с высказываниями выдающегося деятеля польской революционной демократии, одного из самых активных участников национально-освободительного движения первой четверти XIX в., впоследствии вождя польской революционной эмиграции, друга К. Маркса Иохима Лелевеля. Лелевель в своих речах и воззваниях к русским призывал хранить традиции русско-польского революционного союза, крепить этот союз и бороться за освобождение обоих народов от тирании и крепостнического гнета².

Представляют интерес записки Густава Олизара — члена Патриотического общества, лично знакомого с декабристами С. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым, бывшего их близким другом, одного из активных сторонников и инициаторов русско-польского революционного союза³. Значительное место в своих записках Олизар отводит рассказу о связях Патриотического общества с Южным обществом декабристов, встречах с декабристами. Воспоминания эти проникнуты теплотой к его русским друзьям-декабристам.

В некоторой части польской исторической литературы нашли отражение националистические тенденции. К таким относится монография Станислава Бажиковского «История ноябрьского восстания». Автор в период польского восстания 1830—1831 гг. входил в состав сформированного в начале восстания польского временного Национального правительства, возглавлявшегося лидером польской аристократии Адамом Чарторыским. В противоположность Лелевелю, также вошедшему в правительство, но отстаивавшему требование демократических реформ, Бажиковский поддерживал консервативное большинство в правительстве, требовавшее лишь восстановления Польши в прежних границах. Признавая в своей «Истории»

¹ М. Mochnecki, t. I, str. 244, 254.

² См. Joachim Lelewel, Wybór pism politycznych, Warszawa 1954.

³ «Pamiętniki Gustawa Olizara», Lwów 1892.

необходимость соглашения с русскими революционерами, Бажиковский, однако, в искаженном свете изображает причины отсутствия союза. Всю вину он сваливает на декабристов, обвиняя их в хитрости, коварстве и лицемерии¹. Эта ложная концепция поддержана другим деятелем польского национально-освободительного движения того периода — генералом Игнатием Прондзинским, который в своих воспоминаниях пишет, что связи поляков с декабристами якобы были «боязливыми и неловкими». Он сам принадлежал к консервативному кругу членов Патриотического общества и поэтому, разделяя нежелание крепить связи с русскими революционерами, оправдывал действия главы общества Солтыка в этом направлении².

Видный польский буржуазный историк Шимон Аскенази в своей двухтомной монографии «Лукасинский» вопросу о связи декабристов с польскими тайными обществами уделил очень мало места и не внес ничего нового. Он сделал вывод, что переговоры не привели ни к какому позитивному соглашению³. К такому же выводу пришел и Людвиг Кульчицкий, также не внеся ничего нового в выяснение вопроса⁴.

В 1909 г. появилась в Польше статья В. Яблоновского «Декабристы и их отношение к Польше». Яблоновский утверждает, что вопрос о Польше стал «одним из клинов, раскалывавших их внутреннюю спаянность», что все члены первых тайных организаций в России якобы были противниками независимости Польши. Он пишет, что Пестель «хотел лишь использовать поляков для своих целей, не будучи искренне убежденным в необходимости сделать им требуемые уступки». Яблоновский просто клеветает на Пестеля, заявляя, будто бы он «создавал для польского народа неволю, прикрытую видимостью свободы». «Польскому народу, — пишет Яблоновский, — пришлось бы удовлетвориться лишь тенью, лоскутками политической независимости»⁵.

¹ Stanisław Barzykowski, Historia powstania listopadowego, t. I, Poznań 1883, str. 207, 208.

² «Pamiętniki generała Prądzińskiego», t. I, Kraków 1909, str. 69.

³ Sz. Askenazy, Łukasiński, t. I, II, Warszawa 1908, str. 278.

⁴ Ludwik Kulczycki, Rewolucja rosyjska, t. I, Lwów 1909.

⁵ Wł. Jabłonowski, Dekabryści i ich stosunek do Polski. Przegląd historyczny, t. IX, Warszawa 1909, str. 304, 317, 318.

Лишь краткое упоминание о переговорах руководителей Южного общества декабристов с представителями польского Патриотического общества имеются в работе Лимановского о Станиславе Ворцеле—деятеле польского национально-освободительного движения первой четверти XIX в.¹ В другой своей работе, посвященной истории польской демократии², Лимановский отрицает положительные результаты переговоров.

Из исследований польских историков дореволюционного периода представляет значительный интерес статья профессора Генриха Мосцицкого, посвященная совершенно неисследованному до него вопросу о русско-польских революционных связях в отдельном Литовском корпусе и о деятельности виленского Общества филоматов³. Автор использовал для своей статьи материалы следствия по делу о возмущении в Литовском пионерном батальоне, а также по делу филоматов и имеющуюся польскую мемуарную литературу. Он делает ряд смелых предположений — о знакомстве декабриста Бестужева-Рюмина с филоматом Адамом Мицкевичем, о наличии связи декабристов с тайным Обществом военных друзей.

В период буржуазно-фашистской диктатуры в Польше вопрос о возникновении русско-польского революционного союза в польской литературе не разрабатывался. Правительство пилсудчиков, проводившее антисоветскую пропаганду, отравлявшее польский народ ядом шовинизма, стремилось скрывать от народа исторические факты революционного содружества русских и поляков в общей борьбе против эксплуататоров. В этот 20-летний период не появилось почти ни одной работы. Лишь в 1936 г. вышла небольшая работа Г. Батовского «Мицкевич и славяне», в которой автор повествует о связях и дружбе Мицкевича с А. Бестужевым, К. Рылевым и другими декабристами⁴.

С созданием Польской Народной Республики в польской исторической науке наметился резкий поворот

¹ *Bolesław Limanowski, Stanisław Worcel. Życiorys, Kraków 1910.*

² *B. Limanowski, Historia demokracji Polskiej w epoce porozbiorowej, Warszawa-Kraków 1922.*

³ *H. Moscicki, Młodzież litewska i dekabryści, Biblioteka Warszawska, 1910, t. I, zesz. 3.*

⁴ *H. Batowski, Mickiewicz a Słowianie do roku 1840, Lwów 1936.*

в сторону более глубокого изучения истории русско-польского революционного союза и ее правдивого освещения. Появились специальные работы, посвященные этому вопросу. Среди них монография Л. Баумгартена «Декабристы и Польша», вышедшая в 1952 г.¹ В ней впервые в польском декабристоведении дан глубокий анализ социально-экономических причин, породивших польское освободительное движение.

Анализ существующей литературы показывает, насколько противоречиво и неполно освещается вопрос о возникновении и содержании русско-польских революционных связей первой четверти XIX в. Сопоставление уже имеющихся в научном обороте источников, их анализ в свете найденных новых материалов по этому вопросу позволяют осветить этот вопрос более глубоко и полно.

Основными источниками для данного исследования явились материалы следствия по делу декабристов и членов польских тайных обществ. Другие документы ввиду специфических условий, в которых проходила деятельность членов тайных обществ, почти не сохранились. Необходимость строжайшей конспирации не позволяла вести обширную переписку, хранить и накапливать эти документы. А те, что имелись и содержали хотя бы малейший намек на конспиративные связи, были уничтожены в период арестов.

Следственные документы содержат богатый материал, помогающий раскрыть русско-польские революционные связи, проследить историю возникновения русско-польского революционного союза. Это главным образом: а) показания декабристов Петербургскому следственному комитету и официальная переписка по следствию, которые в значительной части опубликованы Центральным архивом СССР в период с 1925 по 1958 г. в сборнике «Восстание декабристов», изданном в 11 томах; б) материалы следствия по делу о членах польских тайных обществ — членов Патриотического общества, а также членов «Союза свободных поляков», Общества филоматов и Общества военных друзей, мало исследованные и не опубликованные совсем. Особенно ценный материал содержится в следственных делах руководителей Южного общества

¹ *L. Baumgarten, Dekabryści a Polska, Warszawa 1952.*

П. И. Пестеля, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина, С. Волконского и др. Их показания раскрывают начало установления связи, ход и результаты переговоров.

Среди источников особую ценность имеет конституционный проект Южного общества декабристов — «Русская Правда», написанный главой Южного общества П. И. Пестелем, утвержденный съездом руководителей общества и представляющий собой официальный программный документ Южного общества. В «Русской Правде» изложены основные положения программы Южных декабристов по польскому вопросу¹. Используются также конституционные проекты Северного общества, автором которых был Никита Муравьев².

В работе широко использованы документы III отделения собственной канцелярии императора Николая I, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ, фонды: 48, 109, 679, 1068, 1165, 1167). В фонде 48, кроме материалов следствия по делу декабристов, хранятся материалы следствия по делу польских тайных обществ, а также протоколы сеймового суда Царства Польского. Большой интерес представляют польские оригиналы этих фондов. Из материалов фонда I экспедиции III отделения (ф. 109) интересна почти совершенно неисследованная рукопись одного из самых выдающихся деятелей польского освободительного движения первой четверти XIX в., основателя польского Патриотического общества — Валериана Лукасинского, написанная им в Шлиссельбургской крепости. Она носит характер мемуаров и позволяет лучше выяснить социально-политические взгляды как самого Лукасинского, так и других шляхетских революционеров — его современников и соратников.

Из материалов Ленинградского центрального государственного исторического архива (ЦГИАЛ) использован фонд 1345 5-го (уголовного) департамента Сената,

¹ «Русская Правда» впервые была издана П. Щеголевым в 1906 г., однако, как отмечалось многими исследователями движения декабристов, эта публикация носит на себе следы небрежности автора, изобилует неточностями. Поэтому мы предпочли пользоваться подлинником, хранящимся в ЦГИАМ, в ф. 48, д. 10. (Этот текст «Русской Правды» опубликован в сборнике «Восстание декабристов», т. VII, Госполитиздат, М. 1958. — *Ред.*)

² См. Н. Дружинин, Декабрист Никита Муравьев, М. 1933, стр. 303—366 (приложения).

в котором отложились документы сенатской комиссии, созданной «по высочайшему повелению» для проверки ведения Варшавской следственной комиссией следствия над членами польских тайных обществ.

Использованы также некоторые материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА). Это фонды 25, 36, 410, 343, 344, содержащие документы главного штаба I армии, где находится переписка, касающаяся некоторых декабристов и членов польского Патриотического общества, лиц, заподозренных в принадлежности к тайным обществам; переписка по поводу членов виленского Общества филоматов и о раскрытии тайного общества в Литовском корпусе. Это документы фонда аудиторiatского департамента II армии (ф. 530 «Л») и особенно фонда аудиторiatского департамента Отдельного литовского корпуса (ф. 9 «Л»). Исключительно ценным источником является военно-судное дело о возмущении в Литовском пионерном батальоне. Это дело под № 45, части 1, 2, 3 (по другой описи — № 648) содержит в себе показания членов Общества военных друзей Игельстрома, Вегелина, Требинского и др. и является единственным документальным источником о деятельности этого тайного общества. Совершенно неисследованное до сих пор, оно позволяет выяснить как подробную историю основания Общества военных друзей, так и его социальную программу; сделать более определенное предположение в вопросе о связи «военных друзей» с декабристами. Материалы следствия по делу виленского тайного Общества филоматов взяты из 567 и 721 фондов Государственного архива Литовской ССР (Вильнюс).

Важным источником исследования данной проблемы являются документы, хранящиеся в архивах Польской Народной Республики; в Варшавском центральном архиве древних актов (Archiwum Głównie akt dawnych); в отделе рукописей библиотеки Польской Академии наук (Краков) и в отделе рукописей Польского национального музея (Muzeum narodowe) в Кракове. Из материалов Варшавского архива наиболее интересные документы по данному вопросу найдены в фондах канцелярии Новосильцева и тайной полиции великого князя Константина Павловича. В этих фондах найдены до сего времени неизвестные донесения агентов тайной полиции, проливающие свет на

деятельность декабриста М. С. Лунина в Варшаве в конце 1825 — начале 1826 г. и его конспиративные связи. Они позволяют по-новому смотреть на вопрос о роли, которую играл Лунин как связующее звено между Южным обществом декабристов и польским Патриотическим обществом. В этих же фондах автором найдены новые документы о принадлежности Юлиана Люблинского к одной из тайных революционных организаций, руководимой тайным революционным польским обществом — «Союзом свободных поляков». Найденные архивные документы, в том числе собственноручное письмо Люблинского, кладут конец спору об участии Люблинского в Обществе соединенных славян и позволяют сделать вывод о наличии связи и взаимного влияния между польским «Союзом свободных поляков» и декабристским Обществом соединенных славян. Некоторые новые данные взяты автором в отделе рукописей Польской Академии наук (ПАН). Из материалов отдела рукописей Польского национального музея исключительную ценность имеет редчайший и еще не известный в литературе документ — подлинное письмо С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина к польскому графу Александру Ходкевичу. Это письмо — единственное в своем роде письменное подтверждение связей русских и польских дворянских революционеров, искренней дружбы декабристов с прогрессивными представителями польского освободительного движения.

Автором привлечены также эпистолярные источники: переписка филломатов, изданная в 1920—1934 гг. в четырех томах и частично вошедшая в собрание сочинений Адама Мицкевича. Из переписки декабристов использованы письма К. Ф. Рыльева, А. Бестужева, М. Лунина и др. Кроме того, в работе использованы мемуары И. Д. Якушкина, А. В. Поджио, Н. И. Лорера, Н. И. Тургенева, Д. И. Завалишина, С. Г. Волконского, С. П. Трубецкого, М. А. Фонвизина, записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. Из мемуаров деятелей польского национально-освободительного движения использованы записки Густава Олизара, Игнатия Прондзинского, Маврикия Мохнацкого, Климентия Колачковского, Станислава Бажиковского, Игнатия Домейко и др.

Анализ всего комплекса указанных источников, а также критический пересмотр имеющейся литературы позволяют более или менее полно показать, что союз русских

и польских революционных сил возник из объективной необходимости совместной революционной борьбы против русского царизма и всего феодально-крепостнического строя; проследить по документам ход и результаты переговоров о союзе между руководителями Южного общества декабристов и польского Патриотического общества; раскрыть наличие революционных связей декабристов не только с Патриотическим обществом, но и с другими тайными польскими организациями. Благодаря новым документам история возникновения и деятельности Общества филломатов, «Союза свободных поляков», Общества военных друзей дополняется сведениями о связи их с декабристами. Все это помогает полнее выяснить значение русско-польского революционного союза в первой четверти XIX в. и в дальнейшем развитии национально-освободительного и революционного движения в Польше и России.

ГЛАВА I
ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ РУССКО-ПОЛЬСКОГО
РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА

1. РОСТ АНТИФЕОДАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ — ВАЖНЕЙШАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И ПОЛЬШЕ

Движение декабристов — первых русских дворянских революционеров — представляет собой одну из славных страниц в истории нашей Родины, в истории русского революционного движения.

В эпоху, когда рабочий класс России еще только зарождался и народные массы, по выражению В. И. Ленина, спали еще непробудным сном, знамя борьбы с царизмом и крепостничеством подняли передовые люди из среды дворянства. Это были дворянские революционеры. Марксистская оценка движения декабристов, их места в революционном движении России принадлежит В. И. Ленину. В статье «Памяти Герцена» он писал:

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»¹.

Движение дворянских революционеров в России было обусловлено обстоятельствами экономического и политического развития России в первой четверти XIX в. В ту эпоху, когда зарождалось и происходило это движение, старые феодально-крепостнические производственные отношения уже становились тормозом для развития новых

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

производительных сил, их оков. В России назревала социальная революция, которая должна была привести к утверждению новой, капиталистической общественно-экономической формации. Этот процесс борьбы нового со старым, развивался в рассматриваемый нами период, быстрыми темпами.

Ведущую роль в промышленности стала приобретать мануфактура. Уже сама по себе замена простой кооперации мануфактурой, основанной на дифференцированном разделении труда, представляла по существу переворот в развитии производительных сил. Весьма важным моментом в этом процессе являлось то, что мануфактуры все более приобретали капиталистический характер, росло применение наемного труда. В 1825 г. наемные рабочие уже составляли 54% занятых в мануфактурах¹. В начале XIX в. на многих предприятиях, особенно в текстильной промышленности, стали применяться паровые двигатели и другие технические усовершенствования, стало развиваться отечественное машиностроение. Предприятия, применяющие вольнонаемный труд, получали несравненно лучший производственный эффект, чем предприятия, основанные на принудительном труде крепостных. Последние не выдерживали конкуренции с капиталистическими, разорялись и гибли.

Однако развитие капиталистических мануфактур наталкивалось на отсутствие рынка свободной рабочей силы, приток которой из деревни сдерживался крепостническими отношениями.

С другой стороны, крепостническое сельское хозяйство находилось в состоянии все углублявшегося кризиса. Его развитие сковывалось теми же противоречиями. Деревня все более втягивалась в рыночные отношения, сельское хозяйство постепенно теряло свой натуральный характер. Стремясь увеличить продуктивность сельского хозяйства и удовлетворить потребности промышленности и торговли в хлебе и сырье, помещики прибегали к усилению и без того невыносимой эксплуатации крепостных крестьян: увеличивали барщину, оброк, расширяли барскую запашку за счет крестьянской земли. Это не давало желаемых результатов, так как крепостное крестьянство

¹ См. М. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, СПб 1907, стр. 89.

не было заинтересовано в повышении производительности труда на барщинных работах и вело лишь к еще большему разорению крестьян. Помещики же, усиливая эксплуатацию крепостных крестьян, подрывали тем самым устойчивость феодального земледелия, так как у крестьян все меньше времени оставалось для обработки собственного надела, и сельское хозяйство все больше приходило в упадок.

Некоторые помещики предпринимали попытки повышения товарности хозяйства путем усовершенствования орудий производства, введения сельскохозяйственных машин, более прогрессивной системы полеводства. Но эти меры требовали больших средств, которых зачастую не хватало. К тому же применение дорогостоящих усовершенствований тормозилось наличием даровой рабочей силы, какой являлись зависимые от помещика крепостные крестьяне.

Выход из кризиса был в ломке феодально-крепостнических устоев, в освобождении крестьян от феодальной зависимости. Но решение этой исторической задачи наталкивалось на яростное сопротивление феодалов-крепостников, верным оплотом которых являлось царское самодержавие.

Нужна была общественная сила, которая бы могла разрушить отживающий строй. Такой силы в России того времени не было.

Такой силой не могла стать русская буржуазия. Вследствие того что Россия сравнительно поздно вступила на путь капиталистического развития, русская промышленная буржуазия была еще слаба. К тому же русские промышленники и купцы сами были тесно связаны с землей и, кроме того, пользовались значительными привилегиями, полученными из рук царского самодержавия, в виде высоких ввозных пошлин, охранявших их от иностранной конкуренции, в виде права на владение посессионными предприятиями, на которых использовался дешевый труд приписанных к ним крестьян. Внешняя политика царского правительства также учитывала интересы буржуазии. Она характеризовалась стремлением к захватам новых территорий и давала возможность русскому капиталу расти «вширь», распространять предпринимательскую деятельность на новые территории. Кроме того, в условиях нараставшего недовольства наемных

рабочих и приписных крестьян, доведенных до отчаяния невыносимой эксплуатацией, владельцы фабрик и заводов получали от царских властей помощь в усмирении недовольных. Все это заставляло русскую буржуазию уживаться с царским самодержавием и феодально-крепостническим строем.

Основной антифеодальной силой являлось крестьянство, которое не раз поднималось на открытую вооруженную борьбу. Наиболее крупными были восстания под руководством Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева. Но крестьянские восстания в силу своей неорганизованности и отсутствия такого надежного руководителя, каким мог быть только пролетариат, не могли сломать старый строй, хотя и расшатывали его.

Антифеодальное движение в первой четверти XIX в. проявлялось главным образом в отказе от выполнения барщины, уплаты оброка и т. д. Причем в ряде случаев к движению примыкали рабочие посессионных мануфактур, приписные крестьяне. Наибольшее количество волнений пришлось как раз на 1816—1820 гг.¹ В общий поток антифеодальной борьбы вливались выступления солдат против жестокого аракчеевского режима. В 1819 г. вспыхнуло восстание в Чугуевских военных поселениях, в конце 1820 г. — восстание в Семеновском гвардейском полку.

Жестoko подавляя антифеодальное движение, проявлявшееся в форме крестьянских и солдатских волнений, царизм с его многочисленным чиновничьим аппаратом и пресловутой аракчеевщиной одновременно душил всякое проявление свободомыслия. В этих условиях формировалась и развивалась антифеодальная идеология, зародившаяся в среде наиболее прогрессивных представителей дворянства, которые сумели подняться выше интересов своего класса и выступили против монархии и крепостничества.

Складывавшаяся в атмосфере растущего недовольства существующим порядком вещей освободительная мысль прошла сложный путь развития, прежде чем была выра-

¹ См. И. Игнатович, Крестьянские волнения первой четверти XIX века, «Вопросы истории» № 9, 1950 г., стр. 49. См. также М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. I, АН СССР, М. 1955, стр. 72.

жена в проектах государственных и общественных преобразований, родившихся в тайных революционных обществах первой четверти XIX в.

Крестьянская война под руководством Е. Пугачева и другие общественные движения второй половины XVIII в. заставляли наиболее прогрессивных представителей русской общественной мысли задуматься над происходящими явлениями и процессами, давали материал и пищу для размышлений о возможных путях разрешения конфликта общественной жизни России.

Наиболее видными представителями русских мыслителей конца XVIII в., поднявших голос против существующего строя, были А. Н. Радищев и Н. И. Новиков. Выступив как открытые враги не только крепостного права, но и его опоры — самодержавия, они сыграли важную роль в формировании революционного мировоззрения у передовой части русского общества. Вслед за Радищевым и Новиковым появилась целая плеяда гневных обличителей феодально-крепостнического строя — Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, Я. Б. Княжнин и др.

Наиболее яркое выражение освободительная мысль получила во взглядах передовых дворянских революционеров — будущих декабристов.

Идеология дворянских революционеров формировалась под непосредственным влиянием русской действительности. Почти каждый из них имел крепостных и в большей или меньшей степени на собственном опыте знакомился с условиями жизни народа и ведения хозяйства. Многие из них учились в передовых учебных заведениях России — Московском университете, в военной школе колонновожатых (будущая Академия генерального штаба), в Царскосельском лицее. Здесь они знакомились с произведениями русских прогрессивных мыслителей, а также с трудами французских просветителей и идеологов французской буржуазной революции — Дидро, Вольтера, Руссо, Монтескье. Размышления об установлении буржуазного строя на Западе и буржуазных свободах, принесенных этим строем, приводили к выводу об отставании России в общественном развитии, о необходимости ликвидации несправедливого строя в России, ликвидации сословных привилегий и прежде всего — освобождения крестьян от крепостного гнета.

Отечественная война 1812 г. дала новый толчок разви-

тию революционных идей. Многие будущие декабристы — Пестель, Сергей Трубецкой, Владимир Раевский, Муравьевы-Апостолы и др. — явились непосредственными участниками этой войны. Они видели народный характер войны, горячий патриотизм солдат — простых русских людей, в большинстве своем крепостных, самоотверженно защищавших отечество от иностранных захватчиков. Сам собой напрашивался вопрос: может ли быть справедливым такой строй, при котором эти герои, не щадившие жизни для защиты родины, влачат жалкое существование рабов?

Заграничные походы русской армии 1812—1813 гг. обогатили офицерскую молодежь новыми впечатлениями. Своими глазами она наблюдала жизнь в странах Западной Европы, где уже было ликвидировано крепостное право и существовал конституционный строй.

Возвратившись на родину с победой, передовая молодежь снова увидела мрачную российскую действительность: ничем не ограниченный произвол самодержавия, стонущее в рабстве крестьянство, взяточничество и казнокрадство чиновников. Возвращение в затхлую атмосферу крепостничества еще более ускорило созревание революционных идей. Этому способствовало и усиление реакции после войны 1812 г.

Император Александр I, в первые годы своего царствования стремившийся прослыть либералом и организовавший «Негласный комитет» из своих приближенных для выработки проекта преобразований, после войны сбросил маску либерала.

Став во главе реакционного Священного союза, созданного с целью борьбы с революционным и национально-освободительным движением в Европе, Александр I передал управление Россией реакционерам-крепостникам во главе с Аракчеевым. Ярким выражением реакционного курса явилась организация военных поселений с небывало жестоким военно-крепостническим режимом, начальником которых он поставил ярого крепостника Аракчеева. Всюду свирепствовала тайная полиция, была введена строжайшая цензура, безжалостно изгонявшая из печати все, что содержало хотя бы малейшую критику существующего строя. Из университетов изгонялись прогрессивные профессора, распространялся дух аракчеевщины.

Усиление реакции вызывало возмущение все более широких кругов русского общества. В России создавались условия для назревания революционной ситуации.

Движение русских дворянских революционеров, выросшее из объективных потребностей внутреннего развития России, входило в общий процесс исторического развития стран Европы как его составная часть. Его нельзя рассматривать оторванно от борьбы прогрессивных сил в европейских странах. Французская буржуазная революция открыла целую полосу антифеодальной борьбы и буржуазных революций в ряде других стран Европы. Победа над Наполеоном, раздел ее плодов между тремя хищниками дали толчок развитию национально-освободительного движения в поработанных и зависимых странах против иноземного господства. Это движение и антифеодальная борьба переплетались между собой, дополняя друг друга. Происходят революции в Испании, в Неаполе, Пьемонте, восстание в Греции, назревают революции во Франции и Бельгии, разразившиеся в 1830 г. народным восстанием.

Русский народ, недавно сам переживший смертельную опасность порабощения и изгнавший наполеоновских захватчиков, не мог не сочувствовать другим народам, боровшимся за свою независимость. Вместе с тем наличие общеевропейской революционной ситуации благоприятствовало развитию революционной идеологии, придавало больше смелости и уверенности ее носителям — дворянским революционерам. В такой обстановке возникли первые революционные тайные общества, организаторами которых явились наиболее прогрессивные представители русского народа — дворянские революционеры.

Таким образом, движение первых русских дворянских революционеров вытекало из объективных условий внутреннего развития России, из назревшей потребности ломки старого, феодально-крепостнического строя и замены его новым, более прогрессивным для того времени, буржуазным.

Вполне естественно, что русские дворянские революционеры внимательно следили за развитием разгоравшегося в этот период национально-освободительного движения. Особенно внимательно относились русские революционеры к нараставшему революционному движению в Польше, стране, разорванной на части Австрией, Прус-

сией и Россией в результате трех ее разделов (1772, 1793, 1795 гг.).

Лишение Польши независимости и ее разделы явились вопиющей несправедливостью по отношению к польскому народу. «В 1793 г. три коронованных вора поделили между собой добычу — Польшу по тому же самому праву, по какому три разбойника с большой дороги делят между собой кошелек безоружного путника»,¹ — писали об этом Маркс и Энгельс.

Основная часть этнографической Польши была захвачена Австрией и Пруссией. Остальная территория по решению Венского конгресса (1815 г.) была включена в Королевство (Царство) Польское, вошедшее в состав Российской империи. Население его разделяло судьбу народов России.

Как и в России, в Польше в первой четверти XIX в. феодализм переживал глубокий кризис. В его недрах развивались капиталистические производственные отношения, характеризовавшиеся значительным ростом числа промышленных предприятий мануфактурного типа. Особенно быстро развивалась текстильная и, в частности, суконная промышленность, для которой в результате присоединения Царства Польского к Российской империи открылся широкий русский рынок. Развитию экономических связей Царства Польского с империей содействовало и правительство путем предоставления различных льгот на ввозимые в Россию изделия польской промышленности. Так, например, в 1822 г. был установлен льготный тариф на текстильные товары.

К 1829 г. в одном лишь Калишском воеводстве насчитывалось 530 предприятий по выработке сукна². Быстро превращались в промышленные центры Варшава, Лодзь и другие города. Только за пятилетие 1823—1828 гг. в Варшаве было построено 27 больших фабричных зданий, а всего в Варшаве в 1825 г. насчитывалось 8818 фабрик и кустарных мастерских, большая часть из которых была капиталистической³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, изд. 2, стр. 488.

² См. «История Польши», т. I, АН СССР, М. 1954, стр. 421.

³ L. Mańkowski, Analiza plebsu Warszawy w latach 1820—1831, «Kwartalnik historyczny» № 4—5, 1956, str. 117.

Конституция 1807 г., полученная от императора Наполеона, не затрагивала основ феодально-крепостнического строя, а лишь формально провозглашала отмену крепостного права. Она не давала ясности в вопросе о крестьянском землепользовании, а без этого личная свобода крестьян была равна нулю.

Половина всей обрабатываемой земли в Королевстве Польском принадлежала 17 тыс. помещиков, владельцам фольварков и арендаторам казенных имений. Остальная половина земли приходилась на 327 тыс. крестьянских дворов¹. Из этого соотношения видно, что основная масса крестьян была вынуждена, чтобы не умереть с голоду, идти в кабалу к землевладельцу, неся тяжелые повинности. За пользование землей и инвентарем «свободный» крестьянин должен был отработать определенное помещиком количество дней на его поле.

Процесс обезземеливания крестьян усилился в связи с общими экономическими сдвигами, происходившими в стране. Сельскохозяйственное производство, фактически основанное на крепостном труде при отсталой технике обработки земли, приходило во все больший упадок.

Вовлечение польского сельского хозяйства в экономическую жизнь России требовало приспособления его к потребностям русского рынка. Это привело к некоторым изменениям в профиле хозяйства и явилось толчком к развитию буржуазии. Серьезным фактором явилось повышение спроса на польскую шерсть и шерстяные изделия как со стороны польской, так и русской промышленности. Многие польские помещики ввиду низкой доходности производства хлеба и в то же время быстрого роста спроса на шерсть стали развивать овцеводство. Помещики сгоняли крестьян с земли, а освободившиеся участки использовались под пастбища. Это усилило рост обезземеливания крестьян. В описываемый период около 40% крестьян Королевства Польского были полностью безземельными, а значительная часть осталась на крошечных нищенских наделах².

Положение крестьян было настолько тяжелым, что в ряде мест происходили крестьянские волнения, наблю-

¹ См. «История Польши», т. I, стр. 417.

² См. там же.

дались массовые случаи отказа от выполнения барщины. Но это были стихийные неорганизованные выступления, без труда подавляемые помещиками с помощью правительства.

Изменения в хозяйственной жизни серьезно отразились и на положении мелкой шляхты. Будучи не в состоянии приспособиться к капиталистическим отношениям и выдержать конкуренцию с крупными землевладельцами, мелкие шляхтичи разорялись, постепенно теряли свою землю, которая переходила в руки крупной шляхты за долги или же путем скупки по низким ценам. По данным, которые приводит польский историк Гринвассер, в 20-е годы XIX в. 50% мелкой шляхты были уже совершенно безземельными¹.

Разорившаяся мелкая шляхта частью шла в услужение к крупным помещикам в качестве управляющих имениями, экономов, секретарей, другая же шла в города, в учебные заведения или в учреждения. В семье мелкого шляхтича, пишет Гринвассер, «обычно один сын, в редких случаях два оставались заниматься земледелием, остальные искали занятия где-нибудь на стороне»². Особенно большой была тяга шляхетской молодежи к военной службе.

Процесс разорения мелкой шляхты неизбежно сопровождался обострением противоречий и борьбы внутри класса шляхты. Мелкая шляхта, все более теряя свои былые привилегии и опускаясь до положения общественных низов, была враждебно настроена по отношению к богатой шляхте и защищавшему ее интересы царскому самодержавию. Она все настойчивее выражала недовольство существующим феодально-крепостническим строем и требовала проведения широких социально-политических преобразований. Эта часть польского дворянства, хотя и стояла еще в некоторой мере на феодальной почве, однако примкнула к демократической аграрной революции.

Наряду с феодально-крепостническим гнетом польский народ испытывал и национальный гнет. Королевство Польское было провозглашено нераздельной частью Российской империи. Верховная власть принадлежала ко-

¹ H. Grynwasser, *Demokracja szlachecka*, Warszawa 1949, str. 61.

² Там же, стр. 62.

ролю, т. е. российскому императору. В Польском сейме, состоявшем из двух палат, решающую роль играли аристократия и крупная шляхта. Верхняя палата — сенат — назначалась королем из его приближенных, высшего духовенства и высших чиновников. Избирательным правом пользовались лишь лица, достигшие 30 лет и платящие не менее 100 злотых налога. Крестьяне и рабочие совсем были лишены избирательных прав¹.

Правом же быть избранными пользовались лишь землевладельцы, духовенство, крупное купечество, хозяева ремесленных заведений. Высшим правительственным учреждением являлся Государственный совет, состоявший из высших правительственных чиновников. Во главе этой бюрократической машины стоял наместник, назначавшийся королем (царем)².

Таким образом, конституция 1815 г. вполне отвечала интересам магнатства и богатой шляхты, которые находились под надежной защитой сильной русской монархии.

При молчаливом согласии польской аристократии правительство Александра I начало урезать и эту конституцию. Первое посягательство Александра на нее было совершено буквально вслед за опубликованием конституции. Главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин Павлович³, тогда как поляки надеялись на этом посту видеть прославленного героя освободительной борьбы генерала Тадеуша Костюшко. Королевским наместником в Польше по настоянию Константина стал престарелый и безвольный генерал Зайончек, находившийся под полным влиянием Константина. Императорским комиссаром в Административном совете — органе высшей исполнительной власти королевства — был назначен Н. Н. Новосильцев, друг Александра I, ярый монархист и противник независимости Польши. Этот «злой гений Польши», по меткому выражению В. Семевского, на всем протяжении своей деятельности на посту импера-

¹ «Ustawa Konstytucyjna Królestwa Polskiego» (ЦГИАМ, ф. 48, д. 472, ч. I, статьи 121, 127, 131).

² Там же, ст. 1.

³ Официально Константин именовался генерал-инспектором всей кавалерии.

торского комиссара делал все, для того чтобы свести на нет польскую конституцию, уничтожить всякое проявление духа свободы и независимости¹.

Польская конституция провозглашала свободу печати, неприкосновенность личности, независимость судов. Это было некоторой уступкой буржуазно-демократическим элементам. Вскоре, однако, эти буржуазные свободы были ликвидированы одна за другой. 22 мая 1819 г. королевский наместник Зайончек, руководствуясь указанием Александра I от 4 сентября 1818 г., в целях «подавления злоупотреблений прессы» предписал, что «все без исключения журналы и периодические издания будут впредь подчинены цензуре»². Предписанием наместника от 16 июля 1819 г. это указание о цензуре было распространено на все печатные произведения, в том числе и на непериодические. В период 1820—1821 гг. был закрыт ряд газет и других периодических изданий, заподозренных в выражении прогрессивных идей. Права сейма королевства, сильно ограниченные уже самой конституцией, подверглись дальнейшим ограничениям.

Фактически была уничтожена провозглашенная конституцией неприкосновенность личности. В стране господствовал произвол царских чиновников. Наиболее ярко это выражалось в действиях Константина, который не считался ни с какими законами и наказывал кого угодно по своему личному капризу. Новосильцев с помощью Константина для борьбы с возмущенными создал тайную полицию и разветвленную сеть шпионажа. Агенты тайной полиции проникали всюду. Каждого неосторожно сказанного слова, в котором выражалось недовольство существующим порядком, было достаточно, чтобы попасть в тюрьму.

Таким образом, в силу сложившихся обстоятельств польский народ наряду с социально-экономическим гнетом испытывал невероятную тяжесть политического и национального унижения. Перед польским народом стояла двудеятельная задача — уничтожить феодально-крепостнические отношения и абсолютизм и воссоединить Польшу, завоевать национальную независимость своей родины.

¹ В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб 1909, стр. 283. (Далее — «Идеи декабристов».)

² Там же, стр. 279, 280.

Борьба за воссоединение и возвращение национальной независимости, развернувшаяся еще во время разделов и жестоко подавленная Россией, Австрией и Пруссией в конце XVIII в., лишь на время утихла, но не погасла. Первая четверть XIX в. характеризуется новым подъемом национально-освободительного движения в Польше.

Это движение с самого начала не было однородным. Внутри него боролись два противоположных направления, выражавшие идеи различных прослоек внутри польской шляхты. Польская аристократия и магнатство, представлявшие верхушку класса эксплуататоров, никогда не были последовательными борцами за национальную независимость Польши. Их действиями всегда руководили узкоэгоистические интересы. Польские магнаты, близкие к правительственным кругам, охотно шли на сделку с царизмом, жертвовали интересами своей страны, лишь бы сохранить свои привилегии и возможность эксплуатировать тысячи крепостных, создававших своим трудом богатство хозяевам в их огромных латифундиях. Их пугало начинавшееся брожение низов польского общества, вызванное невыносимым феодальным гнетом.

Все это объясняет, почему оппозиция не шла дальше слабых протестов в сейме против отдельных мероприятий правительства, почему достаточно было царского окрика, чтобы эта оппозиция замолкла.

Другой отдушной, через которую выливалось недовольство либералов политикой царского правительства, были масонские ложи. Многие поляки состояли членами масонских лож, существовавших в России. Но основная масса, разумеется, находилась в ложах королевства и главным образом Варшавы. На территории королевства уже в 1815 г. было 13 лож, объединенных под названием «Великий Польский Восток». К 1821 г. число их возросло до 32¹. Руководящую роль в масонских ложах играли представители магнатства и либеральной оппозиции, не помышлявшие о сколько-нибудь серьезном сопротивлении политике царского правительства. В этих ложах господствовал дух сближения русского и польского высшего дворянства, сделки польской аристократии с царизмом за счет народа.

¹ Sz. Askenazy, Łukasiński, t. I, str. 218—220.

Царское правительство попустительствовало масонству, потому что оно не представляло опасности для устоев самодержавия. В масонских ложах, как правило, традиционными были морально-нравственные вопросы и благотворительство. Однако и в масонских ложах в связи с урезыванием конституции стали время от времени раздаваться голоса, призывающие к сопротивлению политике царского правительства в Польше.

Это встревожило царское правительство. Александр велел «закрыть масонские ложи, в литовских губерниях существующие»¹. Правительство стало внимательнее присматриваться к деятельности польских масонских лож, а вскоре последовало повсеместное их закрытие. Указом от 1 августа 1822 г. царь потребовал: «Все общества, под каким бы наименованием они ни существовали, как-то: масонские ложи и др. ... закрыть и учреждения их впредь не допускать»².

Разумеется, ни сеймовая либеральная оппозиция, ни выступления либералов, прикрывавшихся масонством, не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы для царизма и феодально-крепостнического строя. Разгром либеральной оппозиции в сейме и закрытие масонских лож лишь свидетельствуют о нетерпимости царизма даже к малейшему проявлению недовольства.

Как и в России, в Польше носителями антикрепостнических и антимоноархических идей явились наиболее прогрессивные представители мелкой и средней шляхты и вышедшей из этой среды интеллигенции и мещанства. Это был своеобразный «союз... дворянства, городского бюргерства и отчасти крестьянства, как против угнетателей Польши, так и против крупной аристократии своей собственной страны»³.

Это движение уходило своими корнями в ту же подоснову, что и русское революционное движение: его питал процесс разложения феодально-крепостнического строя, возникновения и развития капиталистического уклада.

Русские борцы за свободу, нуждавшиеся в надежном союзнике для претворения в жизнь своей революционной

¹ В. И. Семевский, Декабристы-масоны, «Минувшие годы» № 2, 1908 г., стр. 40.

² Там же, стр. 46.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 352.

программы, могли видеть такого союзника только в лице антифеодального движения, разгоравшегося и в Польше. Эти два освободительных потока объединяла общая цель, общая задача, поставленная ходом исторического развития.

2. ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ПОЛЬШЕ. ДЕКАБРИСТЫ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Вопрос о Польше привлекал внимание русских борцов за свободу значительно раньше, чем были установлены первые связи с польскими тайными обществами. Им была далеко не безразлична трагическая судьба польского народа, угнетаемого русским царизмом, лишенного государственной самостоятельности и национальной независимости.

В распоряжении исследователя имеется мало документальных данных о взглядах на польский вопрос в первых русских тайных организациях. Но и те немногие высказывания и воспоминания, которые дошли до нас и получили освещение в литературе, позволяют делать вывод, что подавляющее большинство членов русских тайных обществ не разделяло угнетательской политики русского царизма по отношению к Польше, горячо протестовало против нее и заявляло о своем сочувствии угнетенному польскому народу.

Против независимости Польши выступала лишь незначительная часть членов преддекабристских тайных обществ, представлявшая русскую высшую аристократию. Такой взгляд на польский вопрос нашел, например, отражение в конституционном проекте тайного общества «Орден русских рыцарей», основанного в 1816 г. Автором проекта был Дмитриев-Мамонов.

Основатели «Ордена русских рыцарей» М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев-Мамонов и Н. И. Меншиков принадлежали к родовитым аристократическим фамилиям, игравшим видную роль при Екатерине II. Это выходцы из среды той высшей знати, которая поддерживала и вдохновляла Екатерину II в осуществлении ее планов раздела Польши. В конституционном проекте «Ордена», вообще отличавшемся великодержавным шовинизмом, польский вопрос также

решался в духе полного пренебрежения к интересам польского народа, как и других славянских народов. В проекте требовалось «конечное и всегдашнее истребление имени «Польша» и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии российские»¹.

Надо, конечно, иметь в виду, что упомянутые «пункты» еще не были приняты всеми членами общества, а представляли собой лишь проект, написанный одним лицом, и могли не разделяться другими членами общества. Это подтверждается высказыванием по польскому вопросу одного из видных членов «Ордена» — Н. Тургенева.

Касаясь намерения Александра I восстановить независимое польское государство, Н. И. Тургенев писал впоследствии, что «этот акт императора Александра возбуждал надежды и в поляках, и в русских, и во всем человечестве. Мир, может быть, впервые видел победителя, дарующего побежденным права, вместо того чтобы надеть на них цепи». Тургенев неодобрительно отнесся к тому, что Орлов писал на имя царя «нечто вроде протеста против учреждений, которые Александр только что даровал Польше... Когда я узнал об этом, — писал он, — я не преминул упрекнуть Орлова в узком патриотизме, патриотизме раба, продиктовавшем ему этот протест». Весьма характерно, что Орлов не отстаивал свою точку зрения. Соглашаясь с доводами своего оппонента, «он имел благородство, — пишет далее Тургенев, — согласиться с тем, что я был отчасти прав»². Не мог аристократический проект программы «Ордена» удовлетворить и М. Н. Новикова, племянника известного русского просветителя конца XVIII в. Узнав об основании новой тайной организации — «Союза спасения», Новиков присоединился к ней³ и начал работу над собственным проектом республиканской конституции.

¹ «Из писем и показаний декабристов», СПб 1906, стр. 145. В проекте выдвигалось требование присоединения всех славянских народов к России.

² Н. Тургенев, указ. соч., стр. 46, 63.

³ См. М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов. Сборник, Киев 1906, стр. 4; М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. I, стр. 166; «Восстание декабристов», т. IV, Госиздат, М.—Л. 1927, стр. 100.

Взгляд Дмитриева-Мамонова на польский вопрос и особенно великодержавная идея, изложенная в проекте Дмитриева-Мамонова, явившаяся отражением идеологии русской аристократии, не нашли последователей и в возникших вскоре других преддекабристских тайных обществах. Не удивительно, что нет преемственности между этим первым тайным обществом и последующими тайными обществами. Встретившись с возникшим в том же 1816 г. «Союзом спасения», общество М. Орлова и Дмитриева-Мамонова вынуждено было «уступить ему дорогу».

Итак, проект Дмитриева-Мамонова не только не отражал взгляда на польский вопрос всех членов «Ордена русских рыцарей», само его появление из-под пера представителя русской аристократии подчеркивает, что идеология этой среды ничего общего не имела с идеологией русских дворянских революционеров.

«Союз спасения» был организацией, состоявшей из элементов более прогрессивных. Он образовался из двух тайных офицерских организаций — артели Семеновского полка и «Священной артели», куда входили офицеры Главного гвардейского штаба. Артель Семеновского полка, возникающая как объединение для совместного питания и отдыха, включала передовых, прогрессивно мыслящих офицеров, имевших общие взгляды. Недаром Александр I, узнав о ее существовании, приказал закрыть ее из тех соображений, что «такого рода сборища офицеров ему не нравятся»¹.

По такому же принципу была основана и «Священная артель» офицеров Генерального штаба, возникающая во второй половине 1814 г. и с небольшим перерывом существовавшая до 1817 г. В числе ее основателей были Александр Муравьев, Иван Бурцов, Вильгельм Кюхельбекер, Иван и Михаил Пущины, Петр и Павел Колошины и др. С артелью были связаны Никита Муравьев, Павел Пестель и другие офицеры, организационно не входившие в ее состав. Предметами бесед и споров в артели, по свидетельству Пущина, было — «о зле существующего у нас порядка вещей» и о «возможности изменения желаемого многими втайне»², т. е. обсуждались политические

¹ См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. I, стр. 121.

² Там же, стр. 124—130.

вопросы, рождалась, выкристаллизовывалась программа борьбы с царизмом и крепостническим строем. Таким образом, «Священная артель» и артель Семеновского полка представляли собой зародыши будущих тайных декабристских обществ. Именно в недрах этих организаций формировалась революционная антимоноархическая, антифеодалная идеология.

В этих обществах мы видим в числе основателей, руководителей и членов тех, кто составил основное ядро позднейших Южного и Северного обществ, людей, активно участвовавших в движении, вплоть до декабристского восстания 1825 г. Основатели «Союза спасения» — Никита и Александр Муравьевы, И. Д. Якушкин, С. П. Трубецкой, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, а также вступившие в это общество вскоре после его основания М. С. Лунин, П. И. Пестель, И. И. Пущин, М. А. Фонвизин, П. Г. Каховский и др. — все это выдающиеся деятели дворянского революционного движения, их имена навечно вошли в летопись русской истории. Яркой отличительной чертой этих дворянских революционеров является горячий патриотизм. Почти все участники движения декабристов героически отстаивали независимость своей родины в 1812 г. Свободу и независимость отечества они тесно связывали с необходимостью демократизации всего общественного строя и уничтожения феодально-крепостнического гнета и ради этих идеалов не щадили своей жизни. «Для отечества я всем готов жертвовать»¹, — писал П. Каховский. В письме к царю Николаю I из Петропавловской крепости Каховский, уже предчувствуя, что не выйдет из заключения живым, просит не за себя, а за отечество. Не о своем собственном спасении думал он в последние дни своей жизни. «Не о себе хочу говорить я, но о моем отечестве, которое, пока не остановится биение моего сердца, будет мне дороже всех благ мира...»²

Вопрос об отношении к Польше членов «Союза спасения» и «Союза благоденствия», в который преобразовался «Союз спасения», приходится выяснять по мемуарам и по материалам следствия, так как «Союз спасения» не оставил своего программного документа, а в уставе «Союза благоденствия», так называемой «Зеленой книге», вернее,

¹ «Восстание декабристов», т. I, Госиздат, М.—Л. 1925, стр. 370.

² «Из писем и показаний декабристов», стр. 23.

в сохранившейся ее первой части, этот вопрос не получил освещения. Нет необходимости также рассматривать развитие взгляда на польский вопрос отдельно в этих организациях, так как основные члены «Союза спасения» и «Союза благоденствия» — одни и те же лица, а преобразование одного тайного общества в другое не было результатом коренного изменения идеологии его членов, а представляло собой лишь организационную перестройку общества.

Член «Союза спасения», а затем Северного общества М. А. Фонвизин в статье «Последний раздел Польши» (1823 г.) писал: «В то время, когда на Западе занимались противодействием французской революции, ... три северные державы нашли удобный случай прекратить политическое бытие Польши, государства, знаменитого в истории народов своим характером и составлявшего важное звено в политическом равновесии Европы. Будучи довольны разделом своей добычи, они сблизились посредством похищения и соединились потом в тесный союз, известный ныне под именем Священного союза. Какое богохульство! — вся Европа ужаснулась; со времени Вестфальского мира не было подобного примера нарушения, уничтожающего силою манифеста законный порядок и существование целого государства, которое разделено на три части по произволению, точно как делят добычу по жребию»¹.

О сочувствии русских дворянских революционеров идее независимости Польши свидетельствуют и их высказывания по поводу провозглашения Польского Королевства. «Я радовался тому, что на свете стало одной конституцией больше...»², — писал Н. И. Тургенев. Он резко осуждал поворот Александра I в сторону ликвидации даже той призрачной независимости Польши, которую предоставляла конституция, возмущался начавшимся вслед за «дарованием» конституция ее урезыванием начиная от назначения императорским комиссаром в Польшу Новосильцева и фактическим наместником царя брата Александра I Константина Павловича.

Следовательно, декабристы считали, что конституция, даже монархическая, какой была конституция королев-

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 375.

² Н. Тургенев, указ. соч., стр. 68.

ства, все же ограничивала самодержавие и была шагом вперед в сравнении с абсолютной монархией. Их возмутило, однако, то, что император, вводя конституцию в Польшу, в то же время считал Россию еще не созревшей для конституционного устройства, и Фонвизин с негодованием писал по этому поводу в своих «Записках», что «присоединенной Польше он [Александр] даровал конституционные установления, которых Россию почитал недостойною»¹. Возмущение в связи с этим высказал также и декабрист В. Раевский, который писал в конце 1821 г.: «Александр в речи своей к полякам² обещал дать конституцию народу русскому. Он медлит, и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры»³.

Другим моментом, вызвавшим острую реакцию в русском тайном обществе, было обещание Александра I полякам возвратить Польшу те земли, которые отошли к России во время разделов Речи Посполитой. Слух об этом намерении оживленно обсуждался членами «Союза спасения», оно было воспринято как новое проявление со стороны Александра I неуважения к национальной чести России, к ее государственным интересам. Дело в том, что если западные польские земли, захваченные Австрией и Пруссией, были населены исключительно поляками и представляли собой исконную польскую территорию, то совершенно иначе обстояло с землями, отошедшими к России. Это были в большей части украинские, белорусские и литовские земли, в свое время насильственно захваченные правителями Речи Посполитой. Заселены они были соответственно украинцами, белорусами и литовцами, которые, несмотря на усиленное ополячивание их, сохранили свой язык и культуру. Поляки составляли на этих землях лишь ничтожный процент населения — это были главным образом польские помещики, жестоко угнетавшие местное население.

Присоединение этих земель к России, хотя и продиктованное захватнической политикой русского царизма,

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I, стр. 372.

² Имеется в виду речь Александра I при открытии польского сейма в 1818 г.

³ См. В. Г. Базанов, Владимир Федосеевич Раевский, АН СССР, М. 1949, стр. 109.

объективно отвечало интересам белорусского и украинского народов, воссоединение которых означало конец искусственному разделению их между двумя государствами. Оно сближало западных белорусов и украинцев с близким по языку и культуре русским народом и вовлекало их в общероссийское освободительное движение. Они получали более широкие возможности для своего экономического и культурного развития. Литовский народ также имел много общего с русским. Их связывало историческое прошлое. Литва экономически тяготела к России, и присоединение ее к России давало толчок развитию литовской экономики и культуры.

Русские дворянские революционеры, в своем большинстве побывавшие на этих землях, особенно во время освободительных походов против наполеоновских войск в 1812—1814 гг., познакомились с национальным составом населения западных украинских, белорусских и литовских губерний, видели огромное тяготение его к русской культуре. Поэтому они решительно выступили против намерения Александра I отдать эти земли Польше. Один из них, Якушкин, решил даже на немедленное убийство царя, лишь бы не допустить осуществления этого намерения.

Факт готовности принятия крайних мер, лишь бы не допустить отторжения от России земель с украинским и белорусским населением, свидетельствует о далеко не безразличном отношении русских борцов за свободу к единокровным украинскому и белорусскому народам.

Русские дворянские революционеры все более внимательно присматривались к разгоравшемуся национально-освободительному и революционному движению в Польше. Они вместе с тем видели, что успех борьбы поляков за свою независимость и социальные преобразования зависел от победы революционных сил в России. Близко стоявший тогда к декабристам по своим воззрениям П. А. Вяземский, служивший в Варшаве в канцелярии Новосильцева и будучи осведомленным в какой-то мере о росте освободительного движения в Польше, писал М. Ф. Орлову в марте 1820 г. о поляках: «Не быть им свободными, пока мы будем в цепях; не царствовать у них законам, пока у нас божьей милостью будет царствовать самовластье». Вяземский призывал подать «искреннюю руку братства народу, с коим

П. И. Пестель

сродство наше уже непреложно; сродство благоденствия или бедствий, — одну чашу пить нам...»¹

Революционная программа первых дворянских революционеров нашла свое выражение в конституционных проектах, родившихся в тайных декабристских обществах — Северном и Южном.

На этих проектах лежит печать классовой дворянской ограниченности декабристов, которая особенно заметна в конституционных проектах одного из руководителей Северного общества — Никиты Муравьева.

По конституционным проектам Никиты Муравьева крепостное состояние полностью отменялось, крестьяне становились свободными и получали земельный надел в размере двух десятин на двор. Таким образом, хотя у помещиков оставалась основная масса земли, характер землевладения коренным образом менялся — оно становилось уже не крепостным, а капиталистическим, поскольку для обработки земли владелец был вынужден прибегать к найму рабочей силы. Крестьяне же, получив нищенский земельный надел, вынуждены были наниматься в батраки к помещику либо идти в город, продавая свою рабочую силу капиталисту.

Значительно дальше пошла в этом направлении «Русская Правда», конституционный проект Южного общества, автором которого был основатель общества П. И. Пестель. «Русская Правда», категорически требовавшая освобождения крестьян с землей, объявляла землю общественным достоянием, хотя признавала и частную собственность на землю. По «Русской Правде» земля должна быть разделена на две равные части. Одна представляла собой общественный фонд, образуемый путем конфискации половины земли всех дворянских имений, во владении которых было 10 тыс. десятин земли и более. Земля общественного фонда не могла ни продаваться, ни покупаться, а давалась бесплатно тому, кто пожелает заниматься земледелием. Отчуждалась половина земли и от тех имений, которые владели 5 тыс. десятин и более, но за денежное вознаграждение помещику правительством. Вторая половина земли, составлявшая государственные и оставшиеся после отчуждения частновладельческие земли, объявлялась частной собственностью, и ее можно было продавать и покупать.

¹ См. В. И. Семевский, Идея декабристов, стр. 280.

Таким образом, землевладение по «Русской Правде» получало более ярко выраженные буржуазные черты.

Конституционные проекты декабристов, подрывая феодальный базис, наносили сокрушительный удар по государственной надстройке. Правда, конституция Никиты Муравьева сохраняла монархию, но существенно изменяла ее содержание. Верховная власть в стране передавалась двухпалатному парламенту — Народному вечу. В руках императора оставалась лишь исполнительная власть; он не мог отменять законы, принятые парламентом, а мог лишь только задержать исполнение того или иного закона и вернуть его на вторичное обсуждение в парламенте. Сословия уничтожались, устанавливалось равенство всех граждан перед законом. Государственные должности становились выборными. Военные поселения уничтожались. Провозглашалась свобода вероисповеданий, свобода слова, печати, собраний и т. д.

В отличие от конституционных проектов Н. Муравьева «Русская Правда» Пестеля начисто уничтожала монархию и вводила республиканский строй с немедленной передачей власти временному революционному правительству, а впоследствии однопалатному Народному вечу, избранному народом без ограничений имущественного ценза. «Русская Правда» явилась первым проектом республиканской конституции в России.

Итак, мы видим, что движение декабристов росло и развивалось под революционными лозунгами свержения самодержавия и уничтожения крепостного права.

Большое внимание уделяли декабристы решению польского вопроса. Понимание общности задач, стоявших перед русским и польским освободительным движением, явилось важной предпосылкой зарождения русско-польского революционного союза.

✓ 3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА В ПОЛЬШЕ. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПРОГРАММА

Основание и деятельность первой тайной организации, выступавшей не только за независимость Польши, но и за социальные реформы, а также пытавшейся объединиться с русским революционным движением, связано с именем Валериана Лукасинского.

Социальная среда, из которой вышел Лукасинский, была как раз той средой, где возникло недовольство существующим феодально-крепостническим строем. Сын обедневшего шляхтича, не имея средств для получения образования, Лукасинский поступил на военную службу, пройдя путь от солдата до майора. Одновременно он старался восполнить отсутствие систематического образования, познакомился с передовой литературой XVIII в., особенно с трудами французских прогрессивных мыслителей, изучил идеи и проекты социальных реформ представителей польской прогрессивной мысли — Сташица и Коллонтая¹.

Лукасинский примкнул к среде прогрессивно мыслящего польского офицерства и варшавской интеллигенции и, найдя в этой среде своих единомышленников, взял на себя инициативу основания тайного общества. Много лет спустя, будучи пожизненно заточен царским правительством в Шлиссельбургскую крепость, Лукасинский писал в своих записках, что он, человек, «не пользовавшийся никаким значением, которое дается происхождением, состоянием или же известными талантами, взял на себя опасную и трудную миссию — оказать помощь и облегчение несчастным землякам...»²

Тайной организации, основанной в 1819 г., Лукасинский дал наименование «Национальное масонство». Этим он преследовал цель использовать для конспиративной деятельности существовавшие тогда легально масонские ложи и под прикрытием этой формы вести подготовку к восстановлению независимости Польши и проведению социальных реформ. «Нужно было только применить это учреждение к предположенной цели, ограничив круг его деятельности, и из космополитического сделать его национальным и этим путем... сделать его более полезным для поляков»³, — писал впоследствии Лукасинский.

¹ *L. Baumgarten*, str. 36.

² ЦГИАМ, ф. 109, д. 447, ч. II (рукопись Лукасинского).

³ Там же. Между прочим, царские чиновники догадывались о политическом характере «Национального масонства». Так, императорский комиссар при правительстве Польского королевства Н. Н. Новосильцев писал в рапорте Александру I 16 июля 1822 г.: «Я положительно уверен, что «Полония» и «Национальное масонство» отделяются одно от другого лишь своими названиями». «Полония» — одно из тайных обществ среди польских студентов, учившихся в Берлине, ставившее целью борьбу за независимость Польши; раскрыто в 1829 г.

Тайное общество под названием «Национальное масонство» просуществовало немногим более года (с мая 1819 до осени 1820 г.). За этот срок оно объединило в своем составе до 200 членов¹ и имело влияние не только в королевстве, но на Волыни и в литовско-белорусских губерниях, а также в западных польских землях, куда посылались уполномоченные для вербовки членов и развертывания деятельности. Так были созданы провинциальные ложи — филиалы общества².

Познанская ложа, действовавшая на территории Польши, захваченной Пруссией, вначале развернула активную деятельность, но к лету 1820 г. переживала серьезный кризис. Пробравшиеся в число членов люди с пропрусской ориентацией стали упрекать других в том, что они являются орудием русского правительства на прусской территории. Выступивший на одном из собраний формально не состоявший в ложе генерал Прондзинский³ заявил, что членам ложи угрожает опасность репрессий со стороны правительства Пруссии. Это вызвало переполох, некоторые члены ложи требовали ее закрытия и заявили о своем уходе из «Национального масонства». Часть из них во главе с недавно вступившим генералом Уминским продолжала деятельность, образовав общество так называемых «косиньеров»⁴, с той же программой борьбы за независимость.

¹ *Sz. Askenazy*, *Łukasiński*, t. I, str. 250. По данным Варшавского следственного комитета — 33 члена. Такое расхождение допустимо, так как следствие велось спустя пять лет после преобразования общества в Патриотическое (ЦГИАМ, ф. 48, д. 328, л. 65 — именной список членов польских тайных обществ).

² *Biblioteka PAN*., w Krakowie, wydział rękopisów, wol. 2228, cz. 2, *Wyiątki z Protokołów i pism własnoręcznych*, l. 82, 83.

³ Прондзинский принадлежал к существовавшему в 1815—1816 гг. тайному «Союзу истинных поляков» (*prawdziwych polaków*), ставившему целью борьбу за независимость Польши путем постепенной подготовки общественного мнения, сохранения польского языка и культуры. Союз насчитывал 12 членов — Игнатий Прондзинский, Густав Малаховский, Клементий Колачковский и др. Союз вскоре распался («*Pamiętniki generała Prądzińskiego*», t. I, str. 15); ЦГИАМ, ф. 1250, д. 39, ч. I, л. 48 (бумаги, оставшиеся после смерти графа Д. Н. Блудова. Следственное и судебное производство Варшавского комитета о тайных обществах).

⁴ Так назывались крестьянские отряды, созданные в Западной Польше во время восстания 1794 г., возглавленного генералом Костюшкой. Эти отряды были вооружены косами и участвовали в польском восстании против захватчиков.

Происшествие в Познани угрожало раскрытием тайного общества, поэтому Лукасинский решил объявить о роспуске «Национального масонства», чтобы запутать следы, очиститься от ненадежных членов и создать более законспирированную тайную организацию. С этого момента начинается существование Патриотического общества. Единомысленниками и ближайшими сотрудниками Лукасинского по основанию общества были такие же, как и он, люди без «значения» и знатного происхождения — простой адвокат Якуб Шредер, отставной полковник Августин Шнейдер и другие, ранее входившие в руководящее ядро «Национального масонства».

Оформление нового тайного общества произошло 1—3 мая 1821 г. на съезде в Белянах (под Варшавой). Активное участие в образовании Патриотического общества принял глава организации «косиньеров» Уминский. В это время Общество косиньеров влилось в Патриотическое общество и образовало его познанскую провинцию (филиал)¹. На съезде был образован временный Центральный комитет общества, в состав которого вошли Лукасинский, референдарий государственного совета Вержболович, журналист Моравский, подполковник Козаковский, помещики Кицинский и Собанский, генерал Прондзинский². Присутствовавшие на съезде приняли присягу, в которой, между прочим, говорилось: «...Клянусь перед богом и отечеством и обязываюсь своею честью, что все свои силы буду употреблять на восстановление моей несчастной, но любезной матери-отчизны, что для ее свободы и независимости я буду жертвовать имуществом и жизнью...»³

Съезд поручил временному Центральному комитету выработать подробный устав общества, первоначальный проект которого был составлен Моравским. Но Лукасинский «переделал оный»⁴, после чего проект был обсужден и принят большинством голосов. Подлинный устав Пат-

¹ ЦГИАМ, ф. 1068, д. 981, л. 15, 17, 18—20 (выписка из допросов, снятых Варшавской следственной комиссией); ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 232 (показание Борткевича).

² Прондзинский, однако, вскоре вышел из состава Центрального комитета.

³ «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, стр. 73—74.

⁴ ЦГИАМ, ф. 1068, д. 981, л. 19.

Валериан Лукасинский

риотического общества, за исключением части IV, где речь шла о членах общества, не попал в руки следствия и дошел до нас главным образом в изложении Лукасинского, сделанном для следственного комитета.

Согласно уставу, структура польского Патриотического общества была следующей: во главе общества стоял Центральный комитет из семи лиц — председателя, заместителя, казначея, секретаря и трех других членов, не имевших определенных функций. Вся Польша делилась на семь провинций; седьмую провинцию составляло войско. Провинции в свою очередь состояли из трех округов. Округ образовывался при наличии не менее трех и не более девяти ячеек (гмин). Последняя образовывалась при наличии трех членов общества¹.

Центральный комитет развил энергичную деятельность по созданию провинций, округов и гмин на местах и по увеличению численного состава общества². В течение лета и осени 1821 г. было создано пять провинций: Варшавская, включающая все Королевство Польское, Познанская, Литовская, Волынская и Военная³. В каждую из провинций были направлены представители Центрального комитета для укрепления и распространения общества. Работу в Познанском княжестве поручено было вести Уминскому, в Литву был направлен Оборский, на Волынь — Собанский, Вержболович получил поручение вести работу в Королевстве Польском, Павликовский — в Кракове, Лукасинский взял на себя работу в армии.

С этого времени наблюдается некоторый численный рост общества. Точных данных о количественном составе общества нет. После раскрытия общества было привлечено к следствию 79 человек⁴; в списке же общества, составленном следственным комитетом на основании показаний подсудимых, числятся 154 члена⁵. Мохнацкий, однако, утверждает, что число членов доходило до 5 тыс.⁶ Веро-

¹ См. «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. II, Госполитиздат, 1956, стр. 32—33, 826—827.

² См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 74.

³ *L. Baumgarten*, str. 49.

⁴ *Sz. Askenazy*, *Łukasieński*, t. II, str. 225.

⁵ ЦГИАМ, ф. 48, д. 328, л. 64—75 (именной список членов польских тайных обществ).

⁶ *M. Mochnacki*, t. I, str. 208.

ятно, эта цифра сильно преувеличена. Аскенази, например, считал эти данные Мохнацкого «высосанными из пальца» и писал, что их было «меньше 200, а именно 138, в том числе в королевстве — 38, в западных губерниях — 10, в пяти литовско-белорусских губерниях — 36, в Белостокском округе — 7, в Волынской губернии — 25, в Подольской — 13, в Киевской — 9¹. Как бы то ни было, это было самое многочисленное тайное общество в Польше того периода.

Социальный состав общества не был однородным. Несмотря на то что Центральный комитет, в большинстве состоявший из мелкошляхетского элемента, стремился вовлекать в общество выходцев из своей среды, туда проникли представители богатой шляхты и магнатства. В литовских, белорусских губерниях и на Волыни к обществу примкнули ярые противники социальных реформ, мечтавшие лишь о восстановлении прежней Польши с отторжением от России украинских, белорусских и литовских земель. Магнаты этих губерний захватили руководство провинциями и препятствовали вступлению в общество представителей мелкой шляхты. Наоборот, в центре, в королевстве и особенно в Варшавской провинции, в войске, где было сильно влияние Лукасинского и его единомышленников, общество пополнялось в основном за счет прогрессивной мелкошляхетской интеллигенции.

На Украине, в Белоруссии и Литовских губерниях общество пополнялось главным образом за счет магнатства и богатой шляхты. Так, президентом Литовской провинции оказался богатый помещик Михаил Ромер, владевший семью имениями в Вилькомирском и Троцком уездах и имевший свыше тысячи крепостных². Членами провинциального совета по настоянию Ромера стали также представители богатой шляхты — крупный магнат князь Константин Радзивилл, крупные помещики Новомейский и Войнилович³. Вскоре после основания Литовской провинции были приняты граф Карл Прозор, занимавший во времена Речи Посполитой пост генерал-квартирмейстера великого княжества Литовского, и др. На Волыни и в

¹ *Sz. Askenazy*, *Łukasieński*, t. II, str. 84.

² ЦГИАЛ, ф. 1345, 5-го (уголовного) департамента Сената, д. 33, л. 99 (дело следственного комитета о Михаиле Ромере).

³ ЦГИАМ, ф. 1068, д. 981, л. 30.

Подолки руководство оказалось также в руках магнатских элементов. В провинциальный совет здесь вошли крупные помещики¹. Преобладание магнатских элементов в руководстве провинциями в этих губерниях в значительной степени послужило причиной того, что Центральному комитету в этот период не удалось установить связи с русскими тайными обществами, ибо неоднократные указания Центрального комитета об установлении связи с тайными обществами в России не выполнялись.

Социальная программа польского Патриотического общества не была окончательно оформлена. Это объясняется непродолжительным существованием его. Однако представление о программе дает рассмотрение взглядов основателей общества — Лукасинского и его единомышленников.

Огромную ценность в связи с этим имеют шлиссельбургские записки Лукасинского, еще не подвергавшиеся тщательному исследованию и до сих пор неопубликованные².

В своих «Записках» он резко критиковал конституцию 1815 г. прежде всего за то, что она не уничтожила феодально-крепостнических отношений и даже не подтвердила личного освобождения крестьян, провозглашенного конституцией 1807 г. На всех трех сеймах королевства даже «и упомянуто не было о крестьянах»³. Эти новые данные позволяют сделать вывод, что Лукасинский ненавидел крепостнический гнет и боролся за его ликвидацию.

«Записки» Лукасинского не дают ясного представления о взглядах руководителей общества на реформы государственного строя. Из следственных материалов видно, что Лукасинский защищал конституционный строй. При этом он не был сторонником аристократической конституции 1791 г., восстановление которой было мечтой представи-

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 77.

² Записки Лукасинского относятся к 1863—1864 гг. Об этом упоминает и сам автор (см. «Записки»). Интересное свидетельство имеется об этом в мемуарах деятеля «Земли и воли» 60-х годов Л. Ф. Пантелева: студент-медик Стенуш, сидевший в заключении в Шлиссельбургской крепости в 60-е годы, виделся там с Лукасинским, который сообщил ему, что пишет мемуары (см. Л. Ф. Пантелев, Из воспоминаний прошлого, М.—Л. 1934, стр. 396).

³ ЦГИАМ, ф. 109, д. 447, ч. II (рукопись Лукасинского).

телей магнатского крыла в польском освободительном движении. Наоборот, он резко выступал против нее. Когда при обсуждении вопроса о программе Патриотического общества в 1821 г. член общества генерал Уминский восхвалял конституцию 1791 г., Лукасинский резко ответил ему: «Оставь это, генерал, и спрячь эту старую мебель, она годится в музей древностей, но не для употребления». При этом он заметил, что даже ненавидимая им конституция 1815 г. «намного лучшая»¹. О том, что Лукасинский был сторонником принятия более демократической конституции, чем конституция 1815 г., свидетельствует Якуб Шредер. Когда последний спросил о предполагаемой цели общества, Лукасинский ответил ему: «Так как другие народы стремятся получить Конституцию, для них приемлемую, а мы не хотим быть последними, нашей целью должно являться освобождение из ярма теперешнего правительства и создать право (конституцию. — П. О.) Речи Посполитой»². На допросе в 1826 г. в связи с делом Патриотического общества Лукасинский признал, что своему другу Вержболовичу он сообщил намерение основать тайное общество и осуществить давно вынашиваемую мысль — «При помощи общества произвести реформу в правительстве...»³ Шредер также считал, что все польские конституции — 1791, 1807, 1815 гг. — были несовершенны. Он считал, что завоевать независимость Польши можно лишь при условии вовлечения в освободительную борьбу широких масс крестьянства под лозунгом уничтожения феодальных отношений и проведения социальных реформ⁴. В этом отношении он шел дальше Лукасинского, который, как и большинство шляхетских революционеров, не верил в революционность народных масс и в мечтах осуществить свои цели главную надежду возлагал на революционных офицеров и прогрессивную интеллигенцию. Шредер, связывая успех освободительной борьбы с вовлечением в нее широких масс крепостного крестьянства, учитывал опыт восстания 1794 г., когда крестьянство в своей массе осталось равнодушным к борьбе за национальное освобождение именно в силу того, что ему было

¹ Biblioteka PAN., wyd. rkp., wol. 2228, cz. 1, l. 111.

² Там же.

³ Там же.

⁴ L. Baumgarten, str. 41.

отказано в освобождении от феодального гнета. Лукасинский в одном из своих показаний привел разговор Шредера с другим членом тайного общества — Махницким, настроенным менее революционно, чем Шредер. Шредер высказал ему сомнение в успехе революционного переворота, который Махницкий предлагал осуществить путем «военной революции», и сказал, что «надо написать заранее такую конституцию, которая бы могла привлечь наиболее многочисленный класс народа, т. е. крестьянство», провозгласить освобождение крестьян, иначе, «если придется пойти к крестьянам, что мы им будем обещать?..»¹

Решительно высказывался за установление республиканского строя в Польше после восстановления ее независимости и Шнейдер. Он считал возможным вовлечение в освободительную борьбу городского плебса и мещанства. При этом приводил примеры из истории восстания 1794 г., когда на защиту независимости поднялись и городские низы Варшавы. В ответ на замечание Лукасинского, что уже «не те времена, и Варшава не та», Шнейдер ответил: «Вижу я, что ты не знаешь Варшаву, судишь о ней по высшему классу людей, по купцам и некоторым разбалованным ремесленникам. А ты познакомься с трудовым ремесленным людом — кузнецами, резниками и т. п. и тогда иначе будешь судить о Варшаве...»²

Итак, мы видим, что Лукасинский и его друзья представляли наиболее прогрессивное для того времени течение в польском национально-освободительном движении. Они связывали задачу борьбы с русским царизмом за независимость Польши с ликвидацией основной базы царского самодержавия — феодально-крепостнического строя. Эту идею польские шляхетские революционеры не успели воплотить в выработанной четкой программе, как это делали руководители русских декабристских обществ.

Одной из причин того, что польские революционеры не начали именно с выработки социальной программы и соответственной ей конституции, являются специфические условия, в которых развивалось польское освободительное движение. В силу того, что Польша была разорвана на части и поработана соседними державами, идея воссоединения и восстановления независимости отчизны

¹ Biblioteka PAN., wydz. rkp., wol. 2228, cz. 1, l. 103.

² Там же, л. 102.

была настолько сильной у польских борцов за свободу, что она заслоняла собой социальные проблемы, которые отодвигались многими из них на второй план. Сам Лукасинский считал, что прежде всего нужно укрепить и расширить тайное общество с первоначальной целью восстановления независимости Польши, а потом уже выработать конституцию.

Недооценка Лукасинским важности выработки социально-политической программы как первоочередной задачи тайного общества не должна, однако, умалять того факта, что работа эта велась; шли, как мы видим, горячие споры о будущем государственном строе, о социальных реформах. Причем большинство членов Центрального комитета стояло за ликвидацию монархии и феодально-крепостнического гнета. Наиболее передовые из них уже тогда понимали, что независимость Польши «неотделима от свержения аристократии и от аграрной реформы внутри страны...»¹

Польские дворянские революционеры понимали всю трудность борьбы за национальное освобождение. Им противостояли три сильных государства, разделивших между собой территорию Польши. При всех существующих между ними противоречиях раздел объединял их. Все трое извлекали из этого пользу. Польским борцам за свободу был необходим союзник в их борьбе против сильнейших врагов. Таким союзником могло быть освободительное движение в других странах и прежде всего в России в лице русских дворянских революционеров.

Руководители польского Патриотического общества стали искать союзников в прогрессивных кругах братского русского народа. Лукасинский питал чувство глубокого уважения и дружбы к русским, понимая, что врагом свободы Польши был не русский народ, а русский царизм, одинаково угнетавший оба народа. Вспоминая в своих шлиссельбургских записках о том, что он в детстве питал ненависть к России, Лукасинский объясняет, что «причиной тому были впечатления, произведенные на мой детский ум кровавыми сценами 1794 года»², т. е. сценами жестокого подавления царизмом польского восстания 1794 г., свидетелем которых ему довелось быть. Характе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 352.

² ЦГИАМ, ф. 109, д. 447, ч. II (рукопись Лукасинского).

ризуя царское правительство как «угнетательское и жестокое», Лукасинский именно правительство, а не русский народ считал «мстительным», «неблагодарным». Правительство, писал он, «восстанавливает народности, религии и касты одни против других». Он с болью вспоминал, что великий князь Константин своей великодержавной политикой и жестокостями в отношении польских солдат и офицеров лишь разжигал вражду к русским, «отыскивал разные средства искусственно посеять ненависть и недоверие между русскими и польскими войсками». Лукасинский твердо стоял за братскую русско-польскую дружбу, видя в ней залог благополучия обоих народов, считая, что эта дружба должна основываться на равноправии и независимости.

«В случае... независимости Польши, — писал он, — благоразумная и умеренная политика сумеет приобрести в ней хорошего и дружеского соседа, и, таким образом, оба народа, живя мирно друг с другом, общими силами будут трудиться для своего благополучия». Поляки и русские, «будучи соседями, никогда не будут счастливы, если сохранят старинную ненависть и станут вредить друг другу».

Эти проникновенные слова являются не только выражением взгляда польского дворянского революционера на русско-польские отношения, но и представляют собой как бы завещание представителя старого поколения польских борцов за свободу и независимость новому, молодому поколению польских революционеров, страстный призыв к русским и полякам крепить дружбу и союз в общей борьбе за свободу.

Польские революционеры внимательно следили за настроениями в России и заметили, что там развивается революционное движение. Большое впечатление в Польше произвело возмущение в Семеновском гвардейском полку осенью 1820 г. Слух об этом событии быстро распространился среди польских офицеров¹. В Варшаву проникали вести о том, что в российской армии существуют тайные

¹ Biblioteka PAN., wyd. rkp., wol. 2228 (1), cz. 10, l. 15 (рапорт председателя сеймового суда Белинского). В рапорте указывается, что подполковник Северин Крыжановский, будущий член Патриотического общества, говорил полякам о возмущении в Семеновском полку. Это событие широко обсуждалось в среде польского офицерства.

общества, ставящие целью борьбу за свержение царизма и установление конституции. Видный член Патриотического общества Николай Ворцель показывал на следствии: «О русских обществах я догадывался уже в 1815 г. по возвращении оккупационного корпуса из Франции. Я знал, что офицеры этого корпуса, расквартированные в моих и соседних имениях, устраивали секретные собрания, о причине которых никому не говорили. Легко можно было сделать вывод, что между ними существует какое-то тайное общество...»¹

Неизвестно, о каком обществе слышал Ворцель, но его свидетельство показывает, что поляки очень интересовались каждой вестью о русских тайных обществах, будучи уверены, что они существуют. Поэтому уже летом 1821 г., вскоре после основания Патриотического общества, Центральный комитет, возглавляемый Лукасинским, дал указание прибывающим из литовских и белорусских губерний членам Литовской провинции узнавать о существовании тайных обществ в России. Такое задание давалось, в частности, Гружевскому, Кульчицкому, Гофману, Поцею, Пшецишевскому, приезжавшим в Варшаву летом и осенью 1821 г.²

Вскоре из Вильно были получены важные сведения о настроении в русской гвардии, бывшей некоторое время, летом и осенью 1821 г., в Литве. «Царская гвардия, находящаяся в Литве, была уже готова к поднятию знамени бунта (do podniesienia chorągwi buntu), если бы не личное пребывание в то время царя, которое этому помешало...» Из Литвы сообщалось также, что в России «есть много граждан, которые для одного с нами дела готовы пожертвовать своими имениями...»³ Среди руководителей Патриотического общества стало утверждаться мнение о возможности скорого вооруженного выступления «войска как польского, так и русского, в котором уже одинаковый господствует дух...»⁴

Располагая такими сведениями, Центральный комитет, видимо, дал указание членам — офицерам польского войска — усилить подготовку к восстанию и сообщать о

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 296.

² Там же, л. 391 (показание Шредера Варшавскому следственному комитету).

³ Biblioteka PAN., rkp., wol. 2228, cz. 2, l. 59.

⁴ Там же.

настроениях и готовности воинских частей к вооруженному выступлению. Скальмировский, по поручению Центрального комитета ездивший в декабре 1821 г. в Познань и Калиш для сбора этой информации, сообщил одному из руководителей Калишской гмины общества Нагурскому, что «дела общества идут хорошо, в Варшаве много сторонников, особенно в войске, тот же дух и в Литве и в войске, там находящемся». Свою информацию он заключил словами: «Общее восстание уже близко», и приказал Нагурскому «быть готовым и вооруженным»; ознакомившись с состоянием подготовки в Калише, Скальмировский сообщал в Варшаву, что «первый полк стрельцов, стоящий в Калише, готов к восстанию»¹.

Одновременно с этим усиливаются поиски установления непосредственного контакта с русским революционным движением. Лукасинский, приняв в 1821 г. в члены общества капитана Крыжановского, впоследствии произведенного в подполковники, проникся к нему большим доверием и намеревался использовать его для установления связи с офицерами русских воинских частей, расположенных на Украине. Крыжановский подходил для выполнения этого важного поручения (поездки на Волынь не могли вызвать подозрения: там жили его родители). Не исключено, что он к этому времени имел личное знакомство с русскими офицерами, так как ему уже в 1822 г. удалось получить первые сведения о существовании Южного общества декабристов, а также о намерении общества свергнуть монархию и осуществить демократические реформы. Обо всем этом он не замедлил сообщить в Варшаву Лукасинскому. Сразу же были предприняты попытки установить связь с русскими революционерами, используя для этого Крыжановского². Это подтверждается также свидетельством члена Патриотического общества Людвиг Собанского, который на следствии показал: «В 1822 году мне сказал Крыжановский в Варшаве, что в самой России существует тайное либеральное общество, с которым мы имели намерение соединиться...»³

Приведенные данные позволяют возразить тем авторам, которые утверждают, будто польские революционеры

¹ Biblioteka PAN., rkp., wol. 2228, zs. 2, l. 58, 59.

² L. Baumgarten, str. 135.

³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 161 (показание Собанского).

в этот период лишь предполагали о существовании тайных обществ в России и что, как утверждает, например, А. Бортников, «это предположение, если оно и было, не вызвало никаких шагов, которые привели бы к установлению связи с декабристами»¹. Несомненно, в условиях строгой конспирации установить связь было делом нелегким, нужна была величайшая осторожность, которая и проявлялась с обеих сторон. Большим тормозом к установлению связи было нежелание магнатских элементов в польском тайном обществе идти на установление контакта с русскими тайными обществами. Особенно это видно на примере Литовской (Виленской) провинции, руководители которой игнорировали указание Центрального комитета. Глава провинции Михаил Ромер признавался на следствии, что руководство Литовской провинции и не пыталось разузнать о русских тайных обществах².

В исторической литературе существуют различные мнения по вопросу о том, кому принадлежит инициатива установления связи декабристов с польским Патриотическим обществом. М. В. Довнар-Запольский склонялся к мысли, что инициативу проявила русская сторона³. Этого же мнения придерживаются и советские исследователи А. Бортников и Л. Медведская. Л. Медведская пишет, что «связь декабристов с Польским тайным обществом была установлена... благодаря инициативе Васильковской управы Южного общества»⁴. Однако существует и противоположная точка зрения. Н. И. Коробка, например, писал, что «по-видимому инициатива принадлежит полякам...»⁵ Обе точки зрения страдают односторонностью и носят на себе отпечаток субъективного подхода к вопросу. Приведенные нами данные убедительно говорят о том, что и русские, и поляки стремились к установлению связи. Особенно это относится к деятельности Патриотического общества в тот период, когда им руководил Лукасинский. В установлении связи одновременно была проявлена

¹ См. «Труды Воронежского государственного университета», т. XXIX, стр. 57.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 391.

³ См. М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов, стр. 100.

⁴ См. сборник «Очерки из истории движений декабристов», стр. 279.

⁵ См. сборник «О минувшем», стр. 220.

русская и польская инициатива. Последовавший вскоре арест Лукасинского и других руководителей Патриотического общества помешал осуществить это намерение.

В 1822 г. царской полиции удалось напасть на след польского Патриотического общества. Летом 1822 г. по доносу провокатора Карского и из-за предательства Шнейдера были арестованы Лукасинский и его единомышленники Махницкий, Доброгойский, Добржицкий, Шредер, Дзвонковский, Жиц, Циховский — наиболее прогрессивная часть польской революционной организации. Царское правительство надеялось с арестом Лукасинского и других вышеупомянутых революционеров уничтожить всю революционную организацию. Но оно ошибалось. Несмотря на тщательные розыски, полиции не удалось выловить всех членов Патриотического общества. Некоторые видные его деятели остались на свободе. Этим польское освободительное движение обязано выдержке арестованных и прежде всего Лукасинского, в руках у которого находились все нити организации. Лукасинский, несмотря на придирчивые допросы и применение пытки,¹ нашел в себе мужество не открыть всей тайной организации. Он рассказывал следствию в основном о том, что уже было в большой мере известно властям, — о «Национальном масонстве» и умолчал о новом Патриотическом обществе. Благодаря этому оно было спасено от полного разгрома¹.

Патриотическое общество вскоре возобновило свою деятельность. Однако теперь руководство обществом оказалось в руках магнатских элементов и представителей влиятельного чиновничества. В Верховный совет (так теперь стал называться Центральный комитет общества) вошли сенатор королевства граф Станислав Солтык (председатель общества), рефендарий государственного совета королевства Войцех Гржимало, секретарь государственного совета Анджей Плихта, князь, камергер королевского двора Антоний Яблоновский, крупный землевладелец, имевший большие поместья на Волыни, ксендз Дембек и подполковник польской кавалерии Северин Крыжа-

¹ См. *Ш. Аскенази*, Царство Польское 1815—1830 гг., М. 1915, стр. 78. Только в 1826 г., будучи вторично привлечен к допросам в связи с раскрытием Патриотического общества и его связей с декабристами, Лукасинский дал более подробные показания.

новский¹. Из состава руководства общества один лишь Крыжановский, происходивший из сравнительно небогатой шляхетской семьи, к тому же находившийся под влиянием Лукасинского, придерживался более или менее прогрессивных взглядов. Но и он, владея именьями на Украине, до некоторой степени разделял реваншистские стремления магнатства. Однако, следуя принятому ранее курсу на сближение с русскими тайными обществами, он, войдя в состав руководящего центра, взял на себя ведение переговоров с декабристами.

Активное участие в освободительном движении принимала польская студенческая молодежь. Политической активизации студенчества способствовало то, что в высших учебных заведениях Польши преобладал мелкошляхетский элемент, уже по своему социальному положению ненавидевший крупную шляхту и склонный к осуществлению социальных преобразований. В период 1816—1820 гг. в польских учебных заведениях возник ряд полулегальных и совершенно конспиративных студенческих обществ. Из них наиболее выдающееся значение имели основанный в 1820 г. среди студентов Варшавского университета «Союз свободных поляков» и возникшее в 1817 г. в Вильно Общество филоматов², объединившее передовых студентов Виленского университета. Характерной чертой этих обоих тайных обществ является то, что они ставили своей целью не только борьбу за независимость Польши, но и ликвидацию феодально-крепостнического строя. Это значительно расширяло базу для сближения с русскими революционерами—декабристами.

Польский историк Юзеф Белинский, занимавшийся исследованием деятельности тайных студенческих организаций в Варшаве, приводит в одной из своих работ обширные и интересные данные о некоторых из них. Кстати, методы их работы имеют сходство с применявшимися в кружке, участником которого был Люблинский³.

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 83. Яблоновский и Дембек вошли в состав руководящего органа немного позже (см. *М. Мочнаски*, t. I, str. 236).

² О деятельности Общества филоматов и его связях с русским революционным движением см. гл. III, § 1.

³ Так, например, небольшие группы студентов в одном и том же составе собирались в Английской гостинице, в кофейне у Фаллина, на квартире студента Замойского, в кофейнях «Под Сатурном», «Под баранкой», а также в кофейне Бржезинской. В кофейне Фал-

Прикрываясь «чаепитием», а иногда игрой в карты, собравшиеся студенты обсуждали политические вопросы, читали произведения прогрессивных мыслителей и периодические издания революционного направления, пели революционные песни¹. Из периодических изданий читались в студенческих тайных кружках прогрессивные журналы «Сибилля» и «Ванда», а также «Курьер Варшавский».

Огромной любовью у студентов пользовалась «Dekada Polska», являвшаяся печатным органом «Союза свободных поляков». Редактором ее был один из основателей этого тайного общества — Виктор Гельтман. Когда весной 1821 г. прокатилась волна полицейских репрессий и многие участники тайных собраний были арестованы, почти все они признавались, что на своих собраниях читали и обсуждали «Декаду»². «Декада» завоевала такую огромную любовь у студентов тем, что она выражала настроения прогрессивной польской молодежи, будила революционное сознание, звала на борьбу с самодержавием и феодально-крепостническим строем. Уже во вступительной статье к первому номеру, вышедшему в конце 1820 г., «Декада» провозгласила идеалы, за которые намерена была бороться: установление такого общественного строя, где «исчезнут несправедливые законы, препятствующие людям развивать свои способности, исчезнет различие сословий, а высородный шляхтич будет цениться наравне с бедным крестьянином, несправедливо притесняемый найдет защиту против сильных»³. Статья требовала провозглаше-

лина, например, собиралось регулярно 10 человек, в Английской гостинице — до 20, «Под Сатурном» — до 30 человек (J. Bieliński, Związki akademików w Warszawie, «Kwartalnik historyczny», rocznik XVIII, Lwów 1904, str. 269, 272, 493).

¹ Ректор университета Швейковский докладывал министру просвещения: полицией обнаружено, что группа студентов часто собиралась в кофейне Бржезинской, где они читали «Периодические издания» и пели песни, «от которых вызывал подозрение» (J. Bieliński, str. 284). Арестованный полицией за участие в тайных собраниях студентов Дембинский сообщил, что на собраниях в кофейне «Под Сатурном», в которых он участвовал, читали политическую литературу и пели песни об итальянских карбонариях (там же, стр. 79).

² J. Bieliński, str. 495, 496. Белинский приводит показания, данные в полицию Калиновским, Келлером, Издебским и др., в которых они признаются, что на собраниях читали «Декаду».

³ «Dekada Polska» № 1, str. 3.

ния неприкосновенности личности и свободы высказывания взглядов, чтобы «никто мысль человека ограничивать не смел». «Декада» требовала освобождения крестьян, так как «какая же может быть привязанность раба к земле, орошенной слезами, которые ему деспотизм выдал, к земле, на которой беспощадный угнетатель присваивает себе власть и право отнимать у ее жителей все блага, которые дала им природа?» Провозглашая борьбу за национальную независимость, «Декада» доказывала, что борьба эта может быть успешной лишь при условии, если одновременно будут совершены демократические преобразования и уничтожено крепостное право. Анализируя события конца XVIII в. и объясняя причины поражения польских восстаний, «Декада» писала, что это произошло потому лишь, что на защиту страны от оккупантов встала только шляхта, так как лишь она «осталась свободной среди всеобщей неволи». Но «ни один крестьянин, ни один помещик не встал на защиту страны, так как что же он должен был защищать? Тех ли, которые позволяли его угнетать, шляхетские ли права, в силу которых его угнетали?» «Декада» смело требовала ликвидации самодержавия, введения представительного правления, конституции, так как «конституция, освящающая свободу, безопасность личности и собственности, является единственным счастьем народов»¹. В статье «О трех последних революциях» «Декада» приветствовала революции в Испании, Неаполе и Португалии, учила своих читателей на горьком опыте испанской революции не верить обещаниям монархов: «Фердинанд, которого заставили уважать право народа, недолго помнил свои обещания и уничтожил конституцию». «Декада» в связи с этим напоминала, что судьба революций зависит от сплоченности народов². «Декада» учила, что богатые никогда не поймут бедных, они не в состоянии прислушаться к нуждам народных масс: «Ci, co się rodzą w pałacach, nie mogą zawsze znać pędzu tych, co mieszkają w chatach»³ («Те, кто рождается во дворцах, никогда не могут знать нужды тех, кто живут в хатах»). Можно было бы привести много подобных цитат, но и этих достаточно, чтобы видеть, что «Декада» выражала свободолобивые, демократические идеи

¹ «Dekada Polska» № 1, str. 4, 7, 8.

² Там же, стр. 13, 14, 24.

³ Там же, стр. 179.

революционной студенческой молодежи. Один из руководителей «Союза свободных поляков» — Маврикий Мохнацкий, заявил следственным властям, что «Декада» «сеяла начала антиправительственные и антимоноархические, стремление к форме представительного правительства и неограниченной вольности»¹. Правительство после выхода первых номеров «Декады» стало искать повод для закрытия этого органа, подрывающего устои самодержавия. Наконец, после того как «Декада» опубликовала в качестве приложения к № 9 Конституцию 3 мая 1791 г., правительство решило закрыть «Декаду». Ее издатели — Виктор Гельтман, Людвиг Пионткевич, Ксаверий Брониковский и др. были арестованы и преданы суду.

Но «Декада» сделала свое дело. На ее материалах воспитывалось много студенческой молодежи. Она была незаменимым пособием для политического воспитания членов тайных студенческих обществ, сплотила вокруг себя крепкую группу наиболее революционно настроенных студентов, составивших «Союз свободных поляков»², из которого вышли многие видные деятели национально-освободительного движения, руководители польского восстания 1830—1831 гг. При этом следует иметь в виду, что «Союз свободных поляков», будучи самой революционной организацией варшавской молодежи и имея свой печатный орган, распространял свое влияние на все тайные студенческие общества, о которых уже шла речь³.

«Союз свободных поляков» не только осуществлял идейное влияние на эти общества. Есть данные, по которым можно предположить наличие между «Союзом» и другими тайными студенческими обществами также и организационной связи. Об этом свидетельствует то, что руководители его регулярно ходили на собрания тайных студенческих

¹ Archiwum główne akt dawnych w Warszawie, tajna policja Konstantego (далее AGAD), wol. 620, стр. 8 (дело «О взятом под арест бывшем студенте Варшавского университета Мохнацком»).

² С. С. Ланда, изучавший следственные документы по делу о «Союзе свободных поляков», хранящиеся в Львовском государственном архиве, приводит цифру членов этого общества, выявленную следственной комиссией, — 45 человек (см. С. С. Ланда, У истоков «Оды к юности». Сборник статей «Литература славянских народов», вып. I, АН СССР, М. 1956, стр. 60).

³ J. Bieliński, str. 496. Автор приводит показания студентов, арестованных за участие в тайных организациях, в том числе Издебского, члена «Союза свободных поляков».

кружков. Так, например, член союза Келлер бывал на собраниях, происходивших в Английской гостинице, в кофейне Фаллина и в квартире Замойского¹.

Среди участников собраний в кофейне «Под Сатурном» мы встречаем Издебского, Пионткевича, Калиновского, Крыжановского². То же самое мы видим и в кружке, в который входил Люблинский; на собраниях этого кружка всегда присутствовал Калиновский. Можно ли сомневаться, что такая расстановка руководящих сил «Союза свободных поляков» была не случайной. Это была система руководства и воспитания, принятая в этой организации.

«Союз свободных поляков» предстает перед нами как широко разветвленная организация, охватывающая большое количество тайных студенческих кружков и обществ и руководящая ими. Он был по отношению к этим обществам тем же, что Общество филоматов по отношению к созданным филоматами низшим организациям и обществам, таким, как общество «лучистых», «филаретов», «Союз поэтов» и др. Правда, в силу своего непродолжительного существования он не успел выработать четкие формы руководства. Но начало этому мы видим в приведенных фактах.

Царской полиции не удалось раскрыть всю систему тайных студенческих кружков. Это произошло по той причине, что репрессии 1821 г. обрушились лишь на руководителей общества, связанных с изданием «Декады». О существовании же «Союза свободных поляков» стало известно царским властям гораздо позднее, в 1823 г., благодаря признанию В. Гельтмана, который, уже будучи наказан за издание «Декады», служил рядовым в 1-й артиллерийской бригаде Отдельного литовского корпуса³. Но к тому

¹ Показание студента Бобровского (J. Bieliński, str. 72).

² См. там же, стр. 495.

³ Виктор Гельтман был вторично арестован и подвергнут допросу в 1823 г. Это случилось при следующих обстоятельствах. В руки полиции попало письмо его брата Иосифа, учившегося в Свислочской гимназии, из которого было видно, что Виктор Гельтман в 1820 г. явился инициатором создания тайного общества в Свислочи и переслал туда через брата выработанный им устав общества. В. Гельтман, ничего не сказавший о существовании «Союза свободных поляков» при первом аресте, на этот раз выдал не только организацию, но и назвал имена многих ее членов, в результате чего последовали новые аресты; была создана специальная следственная комиссия, закончившая работу к весне 1824 г. (AGAD, фонд канцелярии Новосильцева, д. 823, л. 3—290).

времени многие из руководителей и видных членов «Союза свободных поляков» были уже осуждены или же эмигрировали за границу¹, а сам союз после ареста его руководителей — издателей «Декады» — прекратил существование.

¹ Пионткевич, являвшийся австрийским подданным, был выслан в 1821 г. во Львов, на свою родину; Калиновскому удалось бежать из-под ареста за границу, где он пробыл до 1827 г., после чего он добровольно вернулся в Польшу (см. *A. Kraushar, Sprawa Benedykta Kalinowskiego. Przyczynek do historyi stowarzyszeń tajnych w Polsce (1821—1824)*, Warszawa 1910, str. 10).

ГЛАВА II

ВОПРОС О РУССКО-ПОЛЬСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ СОЮЗЕ В ЮЖНОМ И СЕВЕРНОМ ОБЩЕСТВАХ ДЕКАБРИСТОВ

1. ПРОБЛЕМА ПОЛЬШИ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА И «РУССКОЙ ПРАВДЕ» ПЕСТЕЛЯ

Желание русских дворянских революционеров видеть Польшу самостоятельным государством нашло выражение в конституционных проектах Южного и Северного декабристских обществ, возникших после роспуска «Союза благоденствия».

По проекту Российской конституции, составленному руководителем Северного общества Никитой Муравьевым в 1821 г., Польша не должна была входить в число 14 держав предполагаемого Российского федеративного государства¹. В 1824 г. Никита Муравьев написал второй вариант проекта конституции, известный в литературе под названием Пущинского списка (он найден при аресте И. И. Пущина в его бумагах). В этом варианте конституции вопрос о Польше решался так же, как и в первом. Он не был опущен и остался без изменений и в тексте конституции, написанном Никитой Муравьевым по памяти по требованию следственного комитета².

В отличие от проекта конституции Северного общества вопрос о Польше в «Русской Правде» Пестеля был разработан более глубоко и конкретно.

Пестель и другие члены Южного общества долгое время находились в местности, расположенной близко к Польше. Непосредственное общение их с польскими дворянами,

¹ См. *Н. Дружинин*, указ. соч., стр. 308.

² Там же, стр. 325, 356.

жившими в Киевской, Волынской и в других губерниях юга и юго-запада России, позволяло знать о существовании в Польше тайных революционных организаций. Учитывая рост революционного движения в Польше и совпадение его задач в части уничтожения царизма и ликвидации феодально-крепостнических порядков с русским движением, представители Южного общества не могли не увидеть необходимости и реальной возможности русско-польского революционного союза. Именно поэтому польское освободительное движение рассматривалось ими как союзник в борьбе с царизмом. Практическое же осуществление этого союза требовало четкого изложения взглядов русских революционеров на польский вопрос, выработки условий, которые бы явились прочной основой революционного союза.

Разрабатывая вопрос о русско-польских отношениях, Пестель стремился обеспечить независимость Польши и сохранить могущество России и удобные для ее безопасности границы; обеспечить создание в Польше такого государственного и общественного строя, какой будет в после-революционной России. Только при этом условии революционный союз мог быть реальным. Вместе с тем Пестель исходил из того, что этот союз должен быть сохранен и после революции как мера, способная предотвратить опасность реставрации монархии и обеспечить мирное развитие дружественных народов.

Над составлением конституционного проекта Пестель начал работать в 1821 г. И уже на первом съезде общества, состоявшемся в январе 1822 г., «говорено было о том, что прежде, нежели приступить к какому-либо действию, надобно иметь готовую конституцию». На этом съезде «Пестель объяснял главные черты сочиняемой им «Русской Правды», по выслушании коих положено было оставить год на размышление каждому члену для принятия или отвержения оной конституции». Продолжая работу над проектом, Пестель внес исправления с учетом сделанных товарищами замечаний. В январе 1823 г. «Русская Правда» еще раз была обсуждена на втором съезде общества и, как утверждал С. Муравьев-Апостол, «единодушно приняты были всеми членами «Русская Правда» и образ введения оной в России»¹.

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 275, 349.

Не представляется возможным точно выяснить положения проекта относительно Польши, так как первая глава, в которой они излагались, была заново переписана Пестелем в 1824 г.¹ Но несомненно, что основные положения «Русской Правды» о Польше были обсуждены и утверждены съездом 1823 г. Об этом свидетельствуют показания руководителей общества. Так, показаниями С. Муравьева подтверждается, что на съезде 1823 г. ему и Бестужеву-Рюмину было поручено «воспользоваться положенным «Русскою Правдою» возвращением полякам независимости с частью бывших их провинций для составления связи с тайными польскими обществами, буде таковые у них существуют»².

Таким образом, документы ясно свидетельствуют о том, что члены Южного общества перед тем как установить связь с польским освободительным движением разработали конкретные предложения, рассчитанные на установление прочного революционного союза с польским тайным обществом. Эти предложения были утверждены съездом общества и получили законную силу. Именно на основе этих положений велись переговоры с представителями польского Патриотического общества в январе 1824 г.

Рассмотрение «Русской Правды» показывает, как всесторонне подходил Пестель к решению вопроса о русско-польском революционном союзе, заботился об обеспечении безопасности и прочности Российского государства. Представляет интерес его рассуждение о народности и благоудобстве при решении территориального и национального вопросов. «Право народности, — говорится в «Русской Правде», — существует истинно для тех только народов, которые, пользуясь оным, имеют возможность оное сохранить». С другой стороны, «право благоудобства принимается в соображение для утверждения безопасности, а не для какого-либо тщеславного распространения пределов государства»³.

¹ Пестель начал переработку своего проекта конституции после петербургских совещаний 1824 г. с учетом мнений членов Северного общества. Заново были переписаны, как теперь установлено нашими историками, первая, вторая и часть третьей главы (см. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. I, стр. 405; т. II, стр. 72, 73).

² «Восстание декабристов», т. IV, стр. 282.

³ «Восстание декабристов», т. VII, стр. 121.

Пестель считал нецелесообразным допускать самостоятельное государственное существование для народностей, которые для этого еще не созрели, у которых еще нет силы сохранить свою государственную и национальную независимость. «Право народности должно брать верх для тех народов, которые могут самостоятельною политическою независимостью пользоваться»¹. Малые же народы не в силах, по мнению Пестеля, отстоять свою независимость, могут стать добычей соседнего сильного государства, служа «всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и гибельным бедствиям всякого рода». Пестель при этом допускал предположение о необходимости слияния находящихся на территории России народов с господствующим народом, стирания национальных различий и возможности для малых народов забыть «свою прежнюю бессильную народность». Проявлением его дворянской ограниченности является мысль, что такие народы, как финский, эстонский, белорусский, украинский и «разные другие племена», никогда не смогут пользоваться самостоятельностью «да и на будущие времена по слабости своей никогда не могут составлять особых государств» и поэтому должны «отречься от права отдельной народности»².

По-иному подходит Пестель к решению польского вопроса.

«Что же до Польши касается, — говорится в «Русской Правде», — то пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство». «В отношении к Польше право народности должно по чистой справедливости брать верх над правом благоудобства»³.

Пестель расценивал раздел Польши как несправедливый акт, совершенный прусскою и австрийскою монархиями совместно с русским царизмом. Восстановление ее независимости он связывал с ликвидацией царского самодержавия, считал долгом революционной России вернуть Польше самостоятельность. «Да и подлинно великодушную славному Российскому народу прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу в то самое

¹ «Восстание декабристов», т. VII, стр. 122.

² Там же, стр. 121—122.

³ Там же, стр. 123.

время, когда Россия и для себя стяжает новую жизнь. Итак, по правилу народности должна Россия даровать Польше независимое существование»¹.

Таким образом, вопрос о независимости Польши поставлен Пестелем ясно и категорично, дан четкий и определенный ответ: Польша должна снова стать независимым государством. Отчетливо видна и другая мысль Пестеля: свою независимость Польша может получить только при помощи революционной России, только в результате свержения царизма и установления демократической формы правления в России. Это пестелевское положение звучало призывом к революционным силам Польши, к польскому освободительному движению объединить свои усилия для борьбы против царизма — общего врага русского и польского народов.

Пестель не ограничивался возвращением польскому народу национальной и государственной независимости. Он хотел, чтобы вынашиваемая декабристами идея установления республиканского строя была осуществлена не только в России, но чтобы этим благом пользовался и братский польский народ. Пестель дает глубокое принципиальное обоснование необходимости осуществления такого преобразования, вытекающего как из интересов польского народа, так и из интересов будущей республиканской России, для которой важно было иметь в лице Польши дружественного соседа.

В «Русской Правде» подчеркивалось: «Так как сношения между государствами производятся через посредство их правительств, и потому твердость и дух сих сношений преимущественно зависят от образования правительств, то чтобы вследствие сего само устройство польского государства служило России залогом и обеспечением; а потому и постановляются главными условиями сего устройства, без коих не должна Россия даровать Польше независимость, следующие три:

а) верховная власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом, как и в России...

б) назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и присутственные места должны происходить по тем же точно правилам в Польше, как и в России...

¹ «Восстание декабристов», т. VII, стр. 123.

в) всякая аристократия, хоть на богатствах и имуществах, хоть на привилегиях и правах родовых основанная, должна совершенно навсегда быть отвергнута и весь народ польский одно только сословие составлять...»¹

Важное значение в русско-польских отношениях имел вопрос о будущей границе между Россией и Польшей.

Пестель уделял ему большое внимание. Он исходил из того соображения, что Россия должна иметь прочные границы на Западе. По предложению Пестеля границы между Россией и Польшей должны определяться «российским правительством по правилу благоудобства для России», причем он выдвигает условие, чтобы Польша «сему определению границ ни в каком отношении не прекословила и приняла бы оное за неизменный закон коренной»².

Пестель, по-видимому, допускал возможность возвращения Польше какой-то части из тех земель, которые отошли к России в результате раздела Речи Посполитой, опять-таки оговаривая, «чтобы восстановление Польского государства последовало не через собственное отторжение Польши от России, но через правильную сдачу Российским временным верховным правлением губерний, предназначенных к отделению в состав Польского государства, ... оставляя все в теперешнем положении до воследования сей сдачи, которая по утверждению всех условий немедленно исполнена быть имеет»³.

В деле Пестеля сохранилась карта России, на которой его рукой проведена предполагаемая граница между Россией и Польшей⁴. В «Русской Правде» имеется описание этой границы. «Сия граница имеет идти от Полаангена прямейшею чертою на Динабург. От Динабурга Двиною до Полоцка. От Полоцка рекою Ушачью до Березины. Отсель линиею Березинскою по направлению к Припету. Потом болотами припетскими по направлению к городу Острогу, Волынской губернии. От Острога до Карпатских гор. — Из сего явствует:

1) что Польское Королевство, вся Гродненская губерния и вся Белостокская область предназначаются к отде-

¹ «Восстание декабристов», т. VII, стр. 123, 124.

² Там же, стр. 112, 123.

³ Там же.

⁴ Карта воспроизведена в книге М. В. Довнар-Запольского «Идеалы декабристов», стр. 376—377.

лению от России в состав предполагаемого Польского государства и

2) что Виленская, Минская и Волынская губернии частями остаются навсегда за Россию и частями предназначаются к отделению в состав Польского государства»¹.

Таким образом, к Польше должны были отойти от России значительные территории, населенные не поляками, а преимущественно украинцами, белорусами и литовцами.

Возникает вопрос: почему Пестель поступался национальными интересами украинского, белорусского и литовского народов, искусственно разделял их территории, тяготевшие по национальной принадлежности и экономическим связям к России? Да и укреплению границ России, о чем так заботился Пестель, подобное разделение отнюдь не способствовало.

Это серьезное противоречие дореволюционными историками совершенно игнорировалось. В советской историографии на этот момент обращалось внимание, но объяснения давались различные. Одни объясняют это дворянской ограниченностью Пестеля, не учитывавшего национальных интересов народов России. По мнению Л. А. Медведской, Пестель готов был уступить Польше спорные земли потому, что «на этой территории преобладали польские помещики», не учитывая «того факта, что коренное население здесь составляли русские, украинцы и белорусы. В таком подходе к этому вопросу сказывалась дворянская ограниченность декабристов»², — добавляет Л. А. Медведская. И. Беккер, наоборот, утверждает, что «в присоединенных от Польши губерниях... польский элемент занимал доминирующее положение и... польский язык и польская культура были господствующими»³. Но это не соответствует действительности. Этнографические исследования этих губерний свидетельствуют о том, что, несмотря на многолетнее господство польской шляхты и насильственное ополячивание населения, большинство его составляли украинцы, белорусы, литовцы. Например, по данным 1834 г., из 930 632 человек, проживавших в Минской

¹ «Восстание декабристов», т. VII, стр. 125—126.

² См. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 304.

³ И. Беккер, Декабристы и польский вопрос, «Вопросы истории» № 3, 1948 г., стр. 65.

губернии, поляков было не более 100 тыс., в Гродненской белорусы составляли 54% населения, евреи — 19, поляки — около 20%; в Могилевской губернии, по данным 1882 г., на 884 281 белорусского крестьянина приходилось 37 606 человек бывшей польской шляхты. Отсутствие более точных данных о составе населения западных губерний России, входивших в состав Царства Польского, свидетельствует лишь о пренебрежительном отношении царского правительства к судьбе народов окраинных территорий России¹.

Конечно, правы те исследователи, которые видели наличие у Пестеля дворянской ограниченности в национальном вопросе. Но нельзя при этом забывать и того, что Южному обществу крайне нужен был союз с польскими революционерами, а, по мнению Пестеля, не пойдя на удовлетворение территориальных притязаний поляков, нечего было и думать о прочном союзе. Вот почему в «Русской Правде» проводилась упомянутая линия будущей границы между Россией и Польшей. Думал ли Пестель, что выдвинутые поляками территориальные притязания являются несправедливыми? Нам кажется, что он думал об этом и тем не менее допускал возможность такой уступки, как отдача Польше части украинских, белорусских и литовских земель.

Беда в том, что преобладавшие в то время в руководстве польским Патриотическим обществом крупные помещики-крепостники соглашались на союз с революционной Россией только при условии возвращения этих земель. Пестель вынужден был учитывать это обстоятельство и соглашался идти на большие уступки, лишь бы склонить их к союзу. Пестель в показании на следствии замечает, что «определение границ между Россией и Польшею послужит поводом по моим догадкам ко многим затруднениям с Польским обществом...» Какие же могли быть затруднения, если бы Пестель прямо согласился уступить полякам то, чего они добивались? Ясно, что речь шла как раз о другом — об удержании украинских и белорусских земель за Россией. Пестель видел все трудности, которые неизбежно должны были возникнуть при рассмотрении

¹ См. А. Н. Пылин, История русской этнографии, т. IV, СПб 1892, стр. 17—24; Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, Энциклопедический словарь, т. 37, СПб 1896, стр. 390; т. 18, стр. 750; т. 38, стр. 571.

вопроса о русско-польской границе. Об этом он говорил Н. Муравьеву при встрече в 1824 г. Пестель показывает, что он «изъяснял ему все причины, побудившие нас вступить с поляками в сношение и предполагать уступить им те губернии и уезды, которые на карте означены вне черты Российских границ»¹. Пестель высказал Н. Муравьеву мысль о возможности уступки Польше не всех тех территорий, которые были обозначены на карте «вне черты» русской границы, а значительно меньшей территории. Это видно из показания Н. Муравьева, который упомянул, что Пестель обещал польскому Патриотическому обществу «признать совершенную независимость Польши от России и уступку Польских губерний, кроме Белоруссии и Подолии (подчеркнуто мной. — П. О.)»².

Из изложенного видно, что Пестель долго и упорно думал над вопросом о справедливом начертании русско-польской границы и все более склонялся к выводу, что отдача Польше западных губерний России — слишком высокая плата за союз с революционной Польшей. И он ищет иного решения территориального вопроса, без уступок со стороны России. Это видно уже в тех оговорках, которые сделали представители Южного общества и которые М. Бестужев зафиксировал как приняты пункты соглашения.

Хотя, как отмечает М. В. Нечкина, соглашение 1824 г. воспроизводит русско-польскую границу, начертанную в «Русской Правде», нельзя не обратить внимания на пункт второй обязательства русской стороны, который гласит, что при новом начертании границ Польше будут возвращены только «области, недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России...»³

Важное значение в пересмотре Пестелем своей позиции по территориальному вопросу имели петербургские совещания Пестеля с руководителями Северного общества. Поехав весной 1824 г. в Петербург с целью договориться с северянами относительно объединения обществ и разработки плана совместного выступления, Пестель должен был информировать их о переговорах с польским Патриотическим обществом и изложить содержание статей

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 165.

² «Восстание декабристов», т. I, стр. 300.

³ «Восстание декабристов», т. IX, Госполитиздат, 1950, стр. 63.

«Русской Правды», касающихся вопроса о Польше. Из следственных материалов можно видеть, что позиция Пестеля не встретила полного сочувствия у руководителей Северного общества. Возражение встретило предположение об отдаче Польше украинских, белорусских и литовских губерний, хотя и обосновывалось оно по-разному.

Ярым противником отторжения от России в пользу Польши польских земель был К. Ф. Рылеев. Горячо сочувствуя польскому национально-освободительному движению, Рылеев, однако, был противником реваншистских идей. Побывав на землях, возвращения которых поляки добивались, Рылеев лично мог убедиться в неосновательности этих притязаний. Касаясь вопроса о передаче Польше спорных земель, Рылеев показывал на следствии: «Я сильно восставал против сего, утверждая, что никакое общество не вправе сделать подобного условия, что подобные дела должны быть решены на Великом Соборе». «...Границы Польши, собственно, начинаются там, где кончаются наречия малороссийское и русское или польски хлопское; где же большая часть народа говорит упомянутыми наречиями и исповедует греко-российскую или униатскую религию, там Русь, древнее достояние наше»¹.

Против территориальных уступок возражал и Н. Муравьев. Он считал, что такое решение вопроса нанесло бы ущерб престижу России и оскорбило бы национальное достоинство русских.

На полях «Русской Правды» имеются карандашные пометки, сделанные как раз против тех мест, где излагаются вопросы, связанные с предоставлением Польше независимости. Есть предположения (например, Л. Медведской), что эти пометки представляют собой наброски вопросов, которые Пестель намеревался обсудить во время встречи с представителями польского Патриотического общества летом 1825 г. с целью уточнить и конкретизировать те пункты, которые обсуждались во время переговоров в январе 1825 г.² Есть, однако, и вполне резонные возражения

¹ «Восстание декабристов», т. I, стр. 180.

² См. сборник «Очерки из истории движения декабристов», стр. 302—303; В. Е. Сыроечковский, Балканская проблема в планах декабристов (там же, стр. 252).

против этого предположения. М. В. Нечкина, например, считает, что пометки Пестеля, о которых идет речь, представляют не пункты будущего обсуждения, а «результаты, уже закрепленные договоренностью»¹. По нашему мнению, перечень этих вопросов имеет прямую связь с пересмотром Пестелем вопроса о границах после петербургских совещаний. Оставив в новой редакции первых глав «Русской Правды» основные положения так, как они были изложены прежде, Пестель, по-видимому, собирался вернуться к тексту, касающемуся вопроса о Польше, и сделал набросок вопросов, которые должны были подвергнуться пересмотру с учетом мнений руководителей Северного общества. Не случайно первым пунктом стоит вопрос о границах, а затем о «передаче», под чем смело можно подразумевать передачу возвращаемых Польше территорий, которые уже должны были быть значительно меньше против указанных в старой редакции. Далее идут почти все те вопросы, которые уже обсуждались во время переговоров с поляками и отражены в «Русской Правде», — о временном правительстве, о судьбе великого князя, о Литовском корпусе и т. д. Некоторые пункты требовали лишь уточнения, а некоторые, как например о границах, нуждались в коренной переделке.

Пестель не успел окончательно отработать свой конституционный проект ни в 1824, ни в следующем году. Работа над ним приостановилась, что признавал и сам Пестель: ««Русская Правда» не писалась уж так ловко, как прежде. От меня часто требовали ею поспешить, и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написал в течение целого года, а только прежде написанное кое-где переправлял»².

В своих же практических действиях Пестель уже исходил из того, что им было решено после петербургских совещаний. Эта линия видна отчетливо из его переговоров с поляками в январе 1825 г. Сам Пестель, по свидетельству С. Г. Волконского, на переговорах 1825 г. с польскими представителями обещал полякам не полное удовлетворение их территориальных притязаний, а лишь то «возвратить, что справедливо и возможно будет»³. Именно

¹ М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. II, стр. 116.

² «Восстание декабристов», т. IV, стр. 92.

³ «Восстание декабристов», т. X, Госполитиздат, 1953, стр. 130.

в это время у Пестеля, по-видимому, зародилась мысль, что таким справедливым решением вопроса мог быть все-народный опрос населения спорных областей¹.

«Русская Правда» подчеркивала, что в Польше обязательно должен быть установлен такой же государственный строй и проведены такие социальные преобразования, какие намечалось провести в России, а также заключен «тесный союз» как в мирное, так и в военное время, «вследствие коего бы Польша обязалась все войско свое присоединять на случай войны к Российской армии, дабы тем в полной мере доказать, что благодеяние, Россиею Польше оказываемое, сия последняя с должною признательностью принимает и чувства искренней дружбы и преданности к России питает и всегда питать будет». Видимо, немного позднее Пестель сделал сбоку против этого абзаца очень существенную приписку: «За то берет Россия Польшу под свое покровительство и служить будет ей ручательством в неприкосновенности ее пределов, а тем паче ее существования»².

Включение в «Русскую Правду» обязательства России защищать неприкосновенность границ новой, свободной Польши имеет огромное значение. Польше без союза с Россией трудно было бы сохранить свою независимость, она снова легко могла стать добычей западных реакционных государств. Союз с революционной Россией обеспечивал Польше свободное, независимое развитие. Более могущественная Россия обязывалась не дать Польшу в обиду.

Руководители Южного общества надеялись, что положения «Русской Правды» отвечают коренным интересам польского народа и будут приняты и одобрены польскими борцами за свободу. «Нельзя предполагать, — говорилось в «Русской Правде», — чтобы Польша устранилась от условий не только России, но по содержанию своему несравненно еще более самой Польше полезных».

С большим терпением и настойчивостью добивались члены Южного общества принятия этих условий представителями польского Патриотического общества.

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 89.

² «Восстание декабристов», т. VII, стр. 123

2. УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ ЮЖНОГО ОБЩЕСТВА ДЕКАБРИСТОВ С ПОЛЬСКИМ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ. ПЕРЕГОВОРЫ 1824 г.

Одновременно с поисками революционных связей, которые велись с польской стороны, русские дворянские революционеры с еще большей настойчивостью искали союза с польскими тайными обществами. Члены Южного общества декабристов, общаясь с польским дворянством на Украине, чувствовали нарастание революционного настроения среди поляков. Они жадно ловили каждую весть, доходившую из Варшавы и из других мест Польши, и убеждались, что там ширится национально-освободительное движение, что основано и действует широко разветвленное тайное общество. Надо было во что бы то ни стало установить с ним контакт, договориться о совместном революционном выступлении.

Удобным местом для установления личных контактов были ежегодные киевские контрактные ярмарки. С. Г. Волконский так описывает атмосферу, господствовавшую в кругу прогрессивного офицерства и дворянской интеллигенции, съезжавшихся на киевские контракты: «У нас собирався кружок образованных людей, как русских, так и поляков, довольно большой по случаю съезда на контракты, и даже круг дамского знакомства не был пусто светский, а дельный...» В этом кружке обсуждались все политические события, анализировалась политика русского правительства и высказывались мысли, которые смелее и резче можно было выразить на просторе в Киеве, «где ни предрассудки столичных закоренелых недвижимых лиц высшего общества, ни неусыпный и рабски усердный надзор полиции, явной и секретной, не клали помехи в широком действии и где съезд на контракты образованных людей давал случай узнавать людей и сеять семена прогресса политического»¹. Волконский пишет далее, что пребывание в Киеве на контрактах, широкое общение со съезжавшимися позволили ему познакомиться со многими поляками².

Бестужев также, по-видимому, располагал некоторыми сведениями о существовании польского тайного общества.

¹ «Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста)», изд. 2, СПб 1902, стр. 401.

² См. там же, стр. 402.

Киевский помещик поляк Юзеф Руликровский пишет в своих воспоминаниях, что Бестужев, находясь в Полтавском пехотном полку на Волыни, благодаря свойственной ему общительности завязал обширное знакомство с польскими помещиками, жившими в Киевской, Волынской и Подольской губерниях¹.

Часто бывали декабристы в доме либерально настроенного генерала Н. Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 г. Навещали генерала и многие поляки. Именно здесь Бестужев и С. Муравьев познакомились с прогрессивным польским поэтом графом Густавом Олизаром, другом Адама Мицкевича. Г. Олизар был в это время киевским губернским предводителем дворянства (маршалом), но находился на замечании у правительства из-за своих патриотических речей перед дворянством². Будучи членом польского Патриотического общества, он принадлежал к левому его крылу, разделял революционные идеи южных декабристов, стоял за тесный союз с ними. В своих мемуарах Олизар очень тепло отзывается о С. Муравьеве, называет его своим другом, пишет, что С. Муравьев его «сердечно любил»³.

В задушевных беседах русские революционеры высказывали польским собеседникам свои намерения в отношении социально-политических преобразований в России. Оссолинский и Яблоновский показывали на следствии, что русские офицеры «без малейшей осторожности» и «при множестве свидетелей» говорили о своем недовольстве существующим строем⁴. Крыжановский также свидетельствует, что русские в совместных с поляками беседах «публично говорили о желании русских переменить существующий ныне порядок»⁵. Это говорит о большом доверии к полякам со стороны русских революционеров. Они не боялись высказывать свои мысли польским

¹ J. Rulikowski, Rokosz pulku Czernihowskiego. Wyjątek ze wspomnień, «Nasza przyszłość», Czerwiec 1908, Kijów, str. 217.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, л. 24 (показание С. Трубецкого в следственном деле Корниловича). С. Трубецкой, между прочим, упоминает об Олизаре, что тот был «в подозрении у правительства потому, что слишком вольно говорит».

³ «Pamiętniki Gustawa Olizara», Poznań 1863, str. 164, 166.

⁴ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 84.

⁵ ЦГИАМ, ф. 48, д. 427, л. 14—15.

С. И. Муравьев-Апостол

товарищам, будучи уверены, что среди поляков не найдется предателей и царских агентов. Русские проявляли больше смелости в разговорах с поляками, так как знали, что каждому поляку, желавшему независимости своей родины, не было никакой выгоды доносить правительству о русских борцах за свободу. Откровенность русских нередко смущала более осторожных и подозрительных польских собеседников и даже пугала их. Эта осторожность поляков, проявлявших некоторую подозрительность в беседах с русскими офицерами как представителями угнетающей нации, вполне понятна. Поляки должны были лучше присмотреться к русским революционерам, чтобы отличить союзника от возможного провокатора.

Однако ни в 1821 г., ни в 1822 г. русским революционерам не удалось установить связь с польскими революционерами. Этому в значительной мере помешала волна репрессий, прокатившаяся по империи вслед за официальным запрещением тайных обществ. В 1821 г. правительство получило сведения о существовании русского тайного общества — «Союза благоденствия». Вскоре была раскрыта тайная организация в Польше. Не только польские тайные революционные организации, но и русские в этот период были под угрозой раскрытия. К тому же не успела еще наладиться нормальная деятельность русских тайных обществ после московского съезда 1821 г. и разделения общества на Южное и Северное.

Донос Грибовского о «Союзе благоденствия» не задел Тульчинскую управу, которая являлась ядром только что образовавшегося Южного общества. Начавшиеся репрессии против членов тайных обществ заставили, однако, насторожиться и руководителей Южного общества. Вскоре последовал арест одного из руководителей Кишиневской управы — Владимира Раевского. При нем были захвачены список членов тайного общества и другие важные документы. Это ставило под серьезную угрозу существование общества. В списке, найденном в бумагах Раевского, значились имена Пестеля, Орлова, Волконского, Юшневского и др. — всего 12 имен¹. Все эти обстоятельства отнюдь не благоприятствовали установлению связей с польским обществом. Наоборот, они вынуждали к чрезвычайной осторожности.

¹ См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. I, стр. 368.

Лишь во время киевских контрактов в январе 1823 г. М. Бестужев и С. Муравьев, бывая в доме Н. Н. Раевского, познакомились с отставным польским генералом графом Александром Ходкевичем¹, приехавшим на контракты из своего имения Млынов на Волыни. Ходкевич расположил к себе русских революционеров смелыми суждениями о политических вопросах, сочувствием либерализму. Да и само знакомство его с домом Раевского, где частыми гостями были южные декабристы и польские революционеры, говорило о многом. «...Мы старались короче познакомиться с гр. Ходкевичем, коего по образу его мыслей мы предполагали членом польских обществ»², — рассказывал С. Муравьев на следствии. Поэтому русские друзья уже не скрывали перед ним своих политических идеалов. Ходкевич признавался на следствии: во время встреч в доме Раевского «Бестужев мне говорил, что надежду имеют, наконец, ввести в государстве Конституцию»³. Но Ходкевич, оказывается, уже знал не только о существовании польского тайного общества, но также и о русских обществах. «Когда связь наша сделалась тесною, — сообщал Бестужев, — Ходкевич стал нам говорить о господствующем духе в Европе, о существующих повсюду тайных обществах и к сему прибавил: «Знаю, что у вас также оные составились». Русские не замедлили подтвердить это. «Коль скоро мы в этом сознались, — продолжал Бестужев, — он нам открыл, что в Польше уже большое количество людей, самых просвещенных, соединилось с целью возратить независимость отечеству...»⁴ Бестужев и Муравьев тут же стали просить Ходкевича помочь установить связь с этим обществом, и тот «обещал нас свести с человеком, который в состоянии удовлетворить нашему желанию на сей счет...» Во время одной из встреч Ходкевич дал Бестужеву письмо к своему знакомому, члену Патриотического общества графу Прозору, приехавшему из Варшавы в свои поместья в Минской

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 323, л. 21 (показание М. Бестужева-Рюмина в деле Ходкевича).

² «Восстание декабристов», т. IV, стр. 282. Сам Ходкевич на следствии отрицал свою принадлежность к тайному обществу. Но назвали его в числе членов и другие подсудимые, и этот вопрос остался невыясненным (ЦГИАМ, ф. 48, д. 323, л. 1).

³ Там же (показание Ходкевича).

⁴ Там же, л. 21 (показание Бестужева в деле Ходкевича).

губернии. Но потом взял письмо обратно, пообещав при этом, что в течение лета в Бобруйск, где в это время должны были находиться С. Муравьев и М. Бестужев в лагерях вместе со своей 9-й пехотной дивизией, придет представитель польского общества для ведения переговоров¹.

Однако польский представитель в Бобруйск не приехал. Когда же по окончании летних учений под Бобруйском Бестужев и Муравьев встретились с Ходкевичем, чтобы выяснить положение, последний объяснил, что «разные обстоятельства воспрепятствовали приезду члена, о коем нам говорил» и тут же заверил, что к контрактам в начале 1824 г. «он будет непременно в Киеве»².

Нами обнаружен один весьма интересный документ, подтверждающий стремление декабристов установить контакт с польскими революционерами и свидетельствующий о дружбе, установившейся уже в то время между русскими и польскими борцами за свободу. Это записка Муравьева и Бестужева Ходкевичу с припиской Г. Олизара³.

«Господину графу Ходкевичу.
В Киеве.

Я пользуюсь приездом господина графа Олизара, чтобы выразить вам почтение. Сожалею, что не застал вас дома, как вы мне обещали. Вы увидите на своем столе свидетельство моего визита. Я очень желаю провести еще несколько минут с вами перед выездом в Бобруйск, а оттуда бог знает куда!

Я не перестану настаивать на выполнении вашего обещания не забыть обо мне, проезжая через Васильков.

В ожидании приношу самые искренние уверения в уважении.

Сергей Муравьев-Апостол».

Ниже следует несколько строчек, написанных М. Бестужевым-Рюминым:

¹ См. «Восстание декабристов» т. IV, стр. 282.

² Там же.

³ Этот документ хранится в Кракове в отделе древних текстов и рукописей Польского национального музея. Публикуется впервые. Записка на французском языке. Здесь приводится ее перевод.

«Вспоминаю Мечислава¹ и обнимаю Вас от всего сердца. Едва имею время, дорогой граф, чтобы напомнить вам о себе, так как граф Олизар, который любезно согласился взять на себя поручение передать это письмо, торопит Сергея и меня.

Полностью преданный вам *Бестужев*.

Дружески обнимаю Мечислава».

В конце следует приписка Олизара:

«Будучи свидетелем этой корреспонденции, признаюсь Вам, что у меня также появилось желание нацарапать Вам, а так как не имею ничего сообщить, то скажу вам до свидания.

Г. Олизар.
Трактир Аксеифельда».

Документ, к сожалению, не имеет даты. Но если сопоставить некоторые факты, то можно предположить, что записка относится к летнему периоду 1823 г.² Как уже упоминалось, 9-я пехотная дивизия, в которую входили Полтавский и Черниговский полки, где служили М. Бестужев и С. Муравьев, в составе 3-го корпуса летом 1823 г. находилась в лагерях в районе Бобруйска. Этим же летом предполагался приезд в Бобруйск императора Александра I для смотра войск. Руководители Южного общества декабристов хотели воспользоваться приездом царя, чтобы осуществить свой план государственного переворота³. Предполагалось арестовать царя и его свиту, провозгласить республику и из Бобруйска двинуться на Москву.

Обстоятельства подготовки к этой операции изложены в показании С. Муравьева следствию: «В 1823 г., когда 9-я дивизия стояла лагерем при к[репости] Бобруйске,

¹ Мечислав — один из сыновей Александра Ходкевича.

² В пользу предположения о датировке документа летом 1823 г. служит также упоминание Г. Олизара в его мемуарах о том, что, уволясь от должности Киевского губернского маршала, он в 1823 г. уехал в Крым, где, купив имение, прожил вплоть до осени 1825 г. («Pamiętniki Gustawa Olizara», Lwów 1892, str. 166, 174).

³ Особенно на этом настаивали руководители Васильковской управы С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин (см. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 277).

1.

Q. M. Murawiew
Le Comte des Czar Ministres.

à Vienne.

Je pense ne pas être de M. de Castelnau
par office à la suite de son départ.
Cependant, en un objet de nature
peu connue chez lui, comme il me
l'a écrit récemment, il a été vu par
le Comte le premier de son ordre.
et par suite on s'est de même
après quelques instants en sa lieu
arrivé de partir par. Botanique
et de la. Dieu merci, qu'il
ne revient pas à lui rappeler
la promesse de sa part, en attendant
en passant par Vap' l'écrit
lui offre un abrégé de l'histoire
de l'histoire de la plus fine

Les yeux et l'oreille sont
à l'attention au sein de
M. de Castelnau, qui
ne revient pas.

2.

Je suis quelque chose de
l'histoire de la suite de
son histoire. Mais qui
si l'on ne s'en rend pas
suffisamment.

Notamment
Notamment

Notamment et l'histoire de
l'histoire.

Comme de la suite de
de l'histoire de la suite de
de la suite de la suite de

Je pense de
A. Murawiew
Hamburg

Фотокопия записки (1 и 2) С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина графу А. Ходяковичу

находящиеся в одной дивизии члены: я, Бестужев-Рюмин и Швейковский говорили о выгодах начинания возмущения в собранной дивизии, в неотдаленности от Москвы, и при крепости, которая в случае неудачи может служить убежищем...»¹ Считая силы Южного общества недостаточными, южане пытались привлечь к участию в перевороте также и членов Северного общества. С этой целью М. Бестужев ездил летом 1823 г. в Москву, где встречался с И. Фонвизиным, И. Якушкиным, и при возвращении сообщил, что Фонвизин и Якушкин «отказались от всякого содействия»².

В реализации этого плана декабристы рассчитывали также на помощь польского тайного общества. Поэтому они с таким нетерпением ждали приезда в Бобруйск польского делегата. И когда он не приехал в назначенное время, М. Бестужев и С. Муравьев, как уже упоминалось, искали свидания с Ходкевичем. Приведенная записка является подтверждением, возможно, именно этой поездки Бестужева и Муравьева в Киев для свидания с Ходкевичем по вопросу о присылке польского делегата. Как видно из записки, на этот раз декабристы не застали Ходкевича в Киеве и, раздосадованные этим, разыскали Олизара, передав через него Ходкевичу упомянутую записку, в которой выражали надежду на незамедлительную встречу. Она последовала, по-видимому, вскоре. Место и время встречи неизвестны, но она, несомненно, состоялась. Ходкевич обещал, что польский делегат приедет лишь во время зимних контрактов в начале 1824 г.

Весьма вероятно, что неудача в установлении немедленного контакта с польскими революционерами явилась одной из причин того, что план переворота в Бобруйске не был осуществлен, несмотря на то что смотр состоялся и император присутствовал³.

Обещание Ходкевича о присылке польского делегата на контракты 1824 г. не было голословным. Он сообщил в Варшаву о желании русских революционеров вести переговоры с поляками. Это сообщение мог привезти в Варшаву член Волынской провинции Патриотического

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 277.

² Там же.

³ См. И. В. Порох, Восстание Черниговского полка. Сборник «Очерки из истории движения декабристов», стр. 129.

общества Николай Ворцель, который как раз летом 1823 г. ездил в Варшаву. Из материалов Варшавского следственного комитета видно, что летом и осенью 1823 г. в Варшаве часто происходили заседания Верховного совета Патриотического общества, на которых, между прочим, обсуждался вопрос об установлении связи с тайными обществами в России. На эти совещания был приглашен прибывший в Варшаву с Украины Николай Ворцель, который подтвердил, что многие офицеры русской армии «смело высказываются против существующей формы правления». Выслушав информацию Ворцеля, глава общества Солтык заметил, что «хорошо было бы, если бы можно было повести с русскими переговоры»¹.

Южные декабристы тем временем предприняли еще одну попытку установить связь с польским тайным обществом, не ожидая зимы. Об этом свидетельствует поездка М. Бестужева в конце лета 1823 г. в Вильно. Сам факт поездки говорит о том, что декабристы уже знали, что в Вильно есть филиал польского общества, известны были и некоторые члены его. От кого-то были получены сведения, что именно летом этого года в Вильно должен был прибыть уполномоченный Варшавского центра. Вероятнее всего, что и об этом сообщил Ходкевич, который, часто бывая в Варшаве, общался с польскими революционерами.

В одном из показаний следствию декабрист Матвей Муравьев-Апостол (родной брат Сергея) признался: «В 1823 году Директориат поручил моему брату и Бестужеву, которые находились близ Киева, собрать сведения об одном политическом обществе, которое должно существовать и в Царстве Польском и в наших польских губерниях. Служба не позволяла брату моему делать частые отлучки. Бестужев принял на себя это поручение. Он совершил вояж в Вильну, где он должен был снестись с одним посланным от Польского общества»².

Действительно, материалами Варшавского следственного комитета подтверждается, что в августе 1823 г. в Варшаву ездил член Литовской провинции Иосиф Гружевский. Он встречался там с членом Верховного совета Патриотического общества Крыжановским и получил от

¹ Biblioteka PAN..., wol. 2228(1), t. 6. Wyćiągi z protokołów i pism własnoręcznych, sądu Sejmowego, cz. II, l. 18.

² «Восстание декабристов», т. IX, стр. 200.

него ряд указаний о деятельности общества и, в частности, о тайных обществах в России¹. Кроме этого, он получил полномочие основать филиал Патриотического общества в Белостоке. На обратном пути из Варшавы в Вильно Гружевский вовлек в Патриотическое общество шляхтича Довнаровича и от имени варшавского центра поручил ему «распространять оное»². Из этого можно сделать заключение, что Гружевский действовал как уполномоченный Варшавского центра, т. е. Верховного совета Патриотического общества. Не установлено, виделся ли Бестужев с Гружевским, так как первый вообще не открыл следствию истинную цель поездки в Вильно. «В Вильно я ездил в 1823 г. по делам собственным, тогда мы в сношении с поляками не были, и там я никакого депутата не видел»³.

Даже после того, когда ему было предъявлено показание Матвея Муравьева, Бестужев продолжал утверждать, что был в Вильно в сентябре 1823 г. по собственному делу, жил все время у одного знакомого надзирателя над госпиталями Фридбурга, ни с кем незнакомился и никого из значительных по чьему-либо лицу не видал⁴.

Следственный комитет не вдавался в подробности, каким образом Бестужев познакомился с Фридбургом. Но, видимо, он его мало знал, так как ответил, что «чин его мне неизвестен». Вероятнее всего, это имя было указано ему тем же лицом, которое дало и другие сведения о виленских членах тайного общества. Ведь не случайно, что Фридбург был в близком знакомстве с одним из руководителей литовского филиала польского тайного общества — князем Константином Радзивиллом, с которым и встречался Бестужев. Но Петербургский следственный комитет узнал об этом лишь тогда, когда следствие над декабристами уже было закончено. К. Радзивилл, арестованный в связи с раскрытием польского Патриотического общества, свое показание о встречах с Бестужевым дал 6 июля 1826 г. К этому времени Бестужев был уже казнен.

Доктор Фридбург (по показанию Радзивилла — Фрибург. — П. О.) был хорошо знаком К. Радзивиллу, так

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 174 (показание Гружевского).

² «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 77.

³ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 65.

⁴ См. там же, стр. 93.

как лечил его больную тетку. Радзивилл часто бывал у Фридбурга на квартире и однажды застал там незнакомого тогда еще Бестужева¹. «Эта встреча с Бестужевым была для него случаем познакомиться со мной», — показывает далее К. Радзивилл. Он умолчал о содержании беседы при первой встрече, однако сообщил следствию, что она не была единственной и последней. Следующая встреча состоялась в театре. К. Радзивилл не скрыл от следствия, что разговор велся на революционную тему, и признал, что Бестужев, подойдя к нему, после короткого вступления начал «говорить о несовершенстве нынешнего правления и о необходимости реформы оного». Радзивиллу, человеку с консервативными взглядами, противнику социальных реформ, рассуждения Бестужева о революции были не по душе. Он сознался, что высказывание Бестужевым «своих взглядов и образа мышления» произвело на него «невыгодное впечатление...»².

По показанию Радзивилла, Бестужев пробыл в Вильно несколько дней, часто встречался с ним и добивался установления более близких отношений. Во время последнего свидания Бестужев спросил Радзивилла, «не будет ли ему каких-либо поручений в Киеве, куда он уезжал». Радзивилл ограничился тем, что просил передать привет нескольким своим знакомым³. Через несколько недель он получил от Бестужева через Фридбурга письмо, в котором последний сообщал, что выполнил данное им поручение, «и распространялся в выражении чувств». Радзивилл получил от Бестужева через Фридбурга еще несколько писем, на которые он будто бы не отвечал.

Оценивая виленские встречи Бестужева в изложении Радзивилла, следует иметь в виду, что последний старался выгородить себя перед следственным комитетом, а глубже вникнуть в дело комитет не мог в связи с казнью Бестужева. Но даже это весьма скромное признание свидетельствует о состоявшихся встречах русского революционера Бестужева с одним из руководителей литовского филиала польского тайного общества и о том, что во время встреч

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 290. Этот документ впервые частично использован Л. А. Медведской в статье «Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество» (см. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 282).

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 290.

³ Там же, л. 291.

разговор велся вокруг важных политических вопросов, волновавших оба общества. Переговоры Бестужева с князем К. Радзивиллом, не разделявшим революционной программы русских революционеров и уклонившимся от тесного контакта с декабристами, не могли, конечно, завершиться большим успехом. Но поездка Бестужева в Вильно не была бесплодной. Она явилась существенным звеном в установлении русско-польских конспиративных связей. Руководство Литовской провинции, несомненно, сообщило в Варшаву о переговорах с представителем русского тайного общества, что сыграло важную роль в подготовке встречи представителей обоих обществ в январе 1824 г.

Во время контрактов 1824 г. в Киев прибыли два члена Варшавского центра польского Патриотического общества — Крыжановский и Яблоновский. Они были приглашены на бал в дом Н. Н. Раевского, где присутствовали также и декабристы. Именно с этого бала начинается Крыжановский историю своего знакомства с ними. На вопрос следственного комитета, каким образом он завязал знакомство с С. Муравьевым-Апостолом, Крыжановский ответил: «Я видел его в первый раз у генерала Раевского на балу», но тут же добавил, что «там ни о чем с ним не говорил...»¹

В Киеве состоялись переговоры представителей обоих обществ, которые должны были сыграть важную роль в установлении и развитии русско-польского революционного союза. С польской стороны переговоры вел Крыжановский как официально уполномоченный, все время держа в курсе их Яблоновского и консультируясь с ним.² Представители обеих сторон обладали официальными полномочиями. Правда, на следствии Крыжановский пытался отрицать этот факт³, что дало основание некоторым историкам умалять значение переговоров, доказывать их бесперспективность и бесплодность. Так, например, И. Беккер, основываясь лишь на показании Крыжановского, утверждает, что польский представитель «не имел ни позволения, ни права» входить с декабристами в какие-либо «сношения, постановления, переговоры»⁴. Больше

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. 1, л. 16.

² Там же, л. 87 (показание Яблоновского).

³ Там же, л. 15.

⁴ «Вопросы истории» № 3, 1948 г., стр. 63.

Северин Крыжановский

того, он подвергает сомнению наличие полномочий даже у русской стороны, ссылаясь при этом на показания Пестеля.

На самом же деле, как уже было сказано, С. Муравьев и М. Бестужев установили связь с поляками и вели с ними переговоры на основании решения съезда руководителей Южного общества. Глава южной Директории Пестель ин-структировал Бестужева и давал ему указание, чтобы он, ведя переговоры с поляками, «не терял из виду выгоду нашего положения в отношении к полякам и им давал чувствовать, что мы без них очень можем обойтись, но они без нас никак». Директория Южного общества поручила Бестужеву «войти в сношение с польским обществом, совещаясь обо всем с Сергеем Муравьевым»¹. Это подтверждает и Бестужев, который показал на следствии, что он вступил в переговоры с польским обществом по поручению Директории.

Что касается полномочий польского делегата, то на этот счет имеется вполне определенное свидетельство Бестужева. Крыжановский перед началом переговоров сообщил Бестужеву, что «Польское общество поручило ему заключить союз с нашим»². Нет оснований не верить этому свидетельству Бестужева. Итак, переговоры 1824 г. носили вполне официальный характер. Вопрос о наличии полномочий был выяснен на первом же заседании, в самом начале переговоров. Да иначе и не могло быть: какой же смысл вести переговоры при отсутствии на то полномочий, хотя бы у одной из сторон?

В самом начале переговоров представитель польского Патриотического общества старался выяснить, кто же стоит во главе русского тайного общества. И это не являлось праздным любопытством. Крыжановский, будучи сам одним из руководителей польского тайного общества, естественно, хотел встретиться с русским представителем, равным и по значению и влиянию. Бестужев и Муравьев ответили, что руководителей еще не могут назвать. При этом они, видимо, руководствовались соображениями конспирации и, кроме того, хотели показать полякам, что русское тайное общество широко распространено — «имеет своих единомышленников во всех корпусах, кроме

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 106, 164.

² «Восстание декабристов», т. IX, стр. 86, 87.

Литовского»¹, и что во главе его стоит влиятельное руководство. Они шли даже на преувеличение, с целью произвести на поляков впечатление и тем вернее склонить их к союзу. С. Муравьев, упрекая поляков в неискренности, признавался: «...Мы сами не были откровенны с Крыжановским насчет общества нашего» и, чтобы «дать ему об нем самое высокое понятие, мы уверяли его, что управляет нами Главная директория, составленная из людей, нам самим неизвестных, препоручивших нам сношения с поляками единственно потому, что нам удобнее сие исполнять, по нахождению нашему в стране их»². Возможно, Бестужев и Муравьев назвали генерала Михаила Орлова как одного из высших руководителей. Достаточно было упоминания имени Орлова, чтобы Крыжановский, слышавший об Орлове как о видном и влиятельном генерале, тут же высказал свое желание «встретиться с генералом Орловым или с кем другим», который бы был не ниже по значению и чину. На это, по словам Крыжановского, русские ответили: «Это можно будет сделать, но не сейчас»³. Юшневский также свидетельствует, что «польское общество для дальнейших переговоров требовало назначения особы высшего чина»⁴.

Русские представители при первой же встрече ясно и недвусмысленно изложили позицию Южного общества по польскому вопросу. На вопрос Крыжановского: «С какими намерениями хотите вы союза с нами?» — С. Муравьев ответил, что «первый их пункт есть независимость Польши»⁵. Развивая это положение, С. Муравьев, по свидетельству Крыжановского, заявил: «Чувства народной ненависти, родившиеся во времена варварства, должны исчезнуть в просвещенном веке, когда известно, что пользы всех народов одни и те же; что на сем основании русское общество предлагает Польше возвращение прежней ее независимости и готово всеми средствами способствовать искоренению взаимной нелюбви двух наций»⁶. Затем выступил Бестужев. «Мы достигли такой степени

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 16.

² «Восстание декабристов», т. IV, стр. 283.

³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 103.

⁴ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 135.

⁵ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 103.

⁶ См. М. В. Печкина, Движение декабристов, т. II, стр. 37.

цивилизации, что не величина народов, но учреждения делают их счастье»¹, — сказал он.

После обоюдных заявлений декларативного характера и выяснения позиций сторон по принципиальным положениям участники переговоров приступили к обсуждению конкретных вопросов. Первым из них был вопрос о независимости Польши. Позиция русских революционеров уже была высказана в заявлениях Муравьева и Бестужева и соответствовала целям польского общества.

В тесной связи с предыдущим стоял вопрос о предполагаемой форме правления в Польше. Русские представители, исходя из установок «Русской Правды» по польскому вопросу, изложили ее положения полякам: в Польше должен быть установлен такой же государственный строй, какой будет принят в России, т. е. республиканский. Это не соответствовало намерениям большинства руководителей польского Патриотического общества. Крыжановский, придерживавшийся демократических взглядов, мог бы без колебаний согласиться на установление в Польше республики. Но он знал, что другие члены Верховного совета общества — противники республиканского строя и что это предложение в Варшаве не будет принято. Однако, не решаясь прямо заявить об этом русским, дабы не расстроить наметившегося союза, Крыжановский заявил, что он не уполномочен решить это сам². Уклонился он и от ответа на поставленный русскими прямой вопрос: «Возможно, вы хотите иметь короля?» В конце концов он, очевидно, выразил согласие на введение республики, так как в словесном соглашении, изложенном впоследствии Бестужевым, в числе обязательств польской стороны было указано «принять правление республиканское»³.

Центральным на переговорах был вопрос о совместном революционном выступлении против царизма. Муравьев в разговоре с Крыжановским подчеркивал, что «поляки должны обязаться вместе с нами начать революцию». Польский представитель отвечал на это полным согласием

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 104 (показание Крыжановского).

² Там же.

³ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 65. В своем показании следствию Крыжановский, имея в виду мнение консервативного большинства Верховного совета Патриотического общества заявил: «Наши взгляды были совершенно отличны от русских по всем вопросам — они хотели изменения правления...»

«действовать совместно», только просил, чтобы русские вовремя уведомили поляков о выступлении. Польского делегата интересовал предполагаемый срок выступления, и он тут же спросил: «Когда вы думаете начинать?» На это Муравьев, по словам Крыжановского, ответил, что это не должно произойти очень скоро. Бестужев добавил, что это должно произойти лет через пять¹. Такое уточнение Бестужевым времени начала восстания сомнительно. Разумеется, для подготовки нужен был некоторый срок, но не такой большой. Известно, что С. Муравьев и М. Бестужев как раз были за то, чтобы не откладывать надолго начала революционных действий.

Наличие договоренности о совместном одновременном выступлении подтверждается и показаниями С. Муравьева: «Русское общество, признавая независимость Польши, требует от Польского общества содействия и пособия, когда начнет открытые свои действия — на что Крыжановский согласился, с тем чтобы нашему обществу уведомить их за две недели до начатия действий»².

Во время переговоров русскими был поднят вопрос о судьбе цесаревича Константина. Этому руководители Южного общества придавали очень важное значение. Ведь Константин был наследником престола, и в случае осуществления плана уничтожения царствующей фамилии в России он, находясь в Варшаве, остался бы невредим и мог стать во главе контрреволюционных сил. Это усложняло положение. Поэтому русские представители предложили Крыжановскому решить судьбу Константина так же, как предполагалось решить судьбу царствующей фамилии в России. Крыжановский, не соглашаясь на физическое уничтожение Константина, заверил, однако, что поляки не допустят возвращения цесаревича в Россию³. Русские представители согласились на это. Бестужев уверял на следствии, что этот пункт был одним из таких, которые были «положены решительно», т. е. «что поляки употребят все средства, дабы воспретить цесаре-

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 104.

² «Восстание декабристов», т. IV, стр. 282.

³ См. «Восстание декабристов», т. IX, стр. 64. В другом своем показании Крыжановский пытался отрицать наличие договоренности по поводу судьбы цесаревича Константина Павловича (см. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 286).

вичу возвратиться в Россию, по начатии явных действий нашего тайного общества»¹.

Серьезную угрозу представлял собой находившийся под командованием Константина Литовский корпус, части которого были расположены в пограничных с королевством губерниях и которые в момент восстания могли ударить во фланг революционным силам во время их движения с юга на Москву и Петербург. Надо было во что бы то ни стало предотвратить эту опасность — обеспечить выступление его на стороне революции или хотя бы нейтрализовать. Русские представители предложили полякам взять это на себя. «Бестужев прибавил, — показывает Крыжановский, — чтобы мы заставили его (т. е. Литовский корпус. — П. О.) силой оружия присоединиться к нам»². Крыжановский обещал, что «ежели сей корпус объявит себя на стороне... цесаревича, то общество обезоружит его или иным способом принудит к бездействию»³.

Чрезвычайно важным для обеих сторон являлся вопрос о будущей границе между Россией и Польшей. Речь шла о возвращении Польше территорий, отошедших к России в результате разделов Польши. Польская сторона, т. е. магнатское большинство в руководстве польского Патриотического общества, считала этот вопрос самым главным наряду с вопросом о независимости Польши⁴. О размере предполагавшихся территориальных уступок можно судить из приведенного в § I текста «Русской Правды» и из сохранившейся в следственном деле Пестеля карты Европейской России, на которой та же граница проведена жирной линией⁵. Возможно, что эта карта предназначалась для предстоящих переговоров с поляками (фигуровала ли она на переговорах, об этом в источниках и материалах следствия указаний нет).

В переговорах 1824 г. представители Южного общества С. Муравьев и М. Бестужев уклонились от прямого ответа

¹ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 133.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 103.

³ «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 85.

⁴ Крыжановский говорил на следствии, что обещание некоторых провинций было главным, что побуждало руководителей польского Патриотического общества пойти на союз с русскими революционерами (ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 238).

⁵ См. карту, опубликованную в книге М. В. Довнар-Запольского «Идеалы декабристов», стр. 376—377.

на требование польского представителя об уступке Польше западнорусских земель. «Во все время переговоров наших с Крыжановским, — показывал С. Муравьев на следствии, — мы о границах России и Польши не говорили ни слова и нарочно удаляли вопрос сей, могущий произвести лишь распри между нами и ими, и, пока сношения сии были на руках наших, мы не отступали от сего правила»¹. Бестужев также подтверждает, что вопрос о русско-польской границе на переговорах 1824 г. решен не был².

Характерно, что сам Пестель, упоминая о переговорах Бестужева с поляками, утверждал: «Касательно границ говорил мне сам Бестужев неоднократно, что он о них и об уступке губерний *избегает* (подчеркнуто Пестелем. — П. О.) с поляками говорить и рассуждать, дабы не произвел сей предмет неприятных впечатлений, и в отчете Бестужева ни слова не было упомянуто о том, какие губернии и части уступаются»³. Матвей Муравьев, который был в курсе хода переговоров, также свидетельствовал, что «о границах России и Польши не было говорено, чтобы удалить всякую причину несогласия»⁴.

Много говорит нам о подходе декабристов к решению этого вопроса та оговорка, которая была сделана в заключенном соглашении с поляками: при новом начертании границ Польше будут отданы только «области, недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России»⁵. Наконец, Крыжановский в показаниях не говорит об этом вопросе как о решенном, не говорит конкретно об удовлетворении территориальных притязаний поляков. Он лишь в общих выражениях подтверждает, что Бестужев «обещал отдать несколько губерний». В другом показании он говорит, что русские депутаты «нам обещали увеличение страны»⁶. Большого он и не мог сказать.

Русские представители на переговорах говорили о территориальных уступках Польше вообще, избегая уточнений. Но вопрос этот обсуждался, и это отражено в заклю-

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 283.

² «Восстание декабристов», т. IX, стр. 65, 133.

³ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 165.

⁴ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 234.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 237.

ченном соглашении. Видимо, в связи с этим Крыжановский поинтересовался, все ли русские революционеры «одинаково мыслят»¹, т. е. всеми ли поддерживается программа Южного общества. Сама постановка этого вопроса Крыжановским позволяет предполагать, что руководители польского тайного общества уже в какой-то мере были осведомлены о программных разногласиях вообще и в частности по польскому вопросу между Южным и Северным обществами. Бестужев и Муравьев, угадывая, что имеет в виду Крыжановский, отвечали, что «есть одна партия, стоящая за ненарушение нынешних границ», но тут же постыжились успокоить польского делегата, высказав предположение, что, наверно, и она присоединится к ним².

На последнем заседании Крыжановский предложил, чтобы обе стороны выделили уполномоченных для регулярной связи между обществами. Связными польской стороны он назвал председателя апелляционного суда Гродецкого и помещика Чарковского. Из показаний Крыжановского видно, что Бестужев и Муравьев обещали доложить об этом своим начальникам и выразили пожелание, чтобы Гродецкий и Чарковский имели полномочия для ведения переговоров. Решили, что через них будет установлена взаимная связь, как только на это согласятся обе Директории, и будет определено время приезда уполномоченных в Варшаву.

Решено было, что с русской стороны связь будут поддерживать по-прежнему С. Муравьев и М. Бестужев.

Оба связные польского общества — Чарковский и Гродецкий — проживали в Киевской губернии и могли часто встречаться с русскими представителями. По своему имущественному положению они принадлежали к крупным польским землевладельцам-крепостникам, резко отрицательно относившимся к программе социальных реформ декабристов. Это обстоятельство имело существенное влияние на дальнейшее развитие и укрепление контакта между Патриотическим обществом и Южным обществом декабристов, так как Чарковский и Гродецкий не желали содействовать укреплению связи обоих обществ и всячески уклонялись от встреч с русскими представителями.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 237.

² Там же, л. 104.

Не ограничиваясь выделением связных, участники переговоров решили, что необходима также непосредственная письменная связь русского общества с варшавским центром, возможно через связных польского общества. Наконец, по просьбе Крыжановского было согласовано, что полякам, приезжающим в Петербург или Киев, будет оказываться помощь в устройстве их дел. Для этого русскими будет выделено несколько надежных лиц в Петербурге и в Киеве¹.

После окончания переговоров Крыжановский поспешил на квартиру Яблоновского, чтобы сообщить ему о результатах, а Бестужев принялся редактировать пункты достигнутого соглашения, он должен был дать полный отчет об этом своей Директории. Бестужев пишет в показании следствию, что сразу же после ухода Крыжановского «все, что между нами было говорено, я положил на бумагу под заглавием Договор и подал Юшневскому»². По прочтении этой записки Пестелем, Юшневским и другими руководителями Южного общества³ она была из конспиративных соображений уничтожена. Впоследствии Бестужеву по требованию следствия пришлось восстановить по памяти ее содержание. Этот документ имеет исключительно важное значение как свидетельство об обсуждавшихся вопросах и согласовании принятых решений. Вот полный текст этого документа:

«С нашей стороны:

1. Россия, предпочитая иметь благодарных союзников на место тайных врагов, по окончании своего преобразования отдает независимость Польше.

2. Будет сделано новое начертание границ, и области, недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России, возвратить Польше.

3. При сем, кроме Народности, будут наблюдаться также и местные выгоды, кои останутся на стороне России, дабы она имела хорошую военную границу.

4. Поляки могут, однако же, надеяться получить губернию Гродненскую, часть Виленской, Минской и Волынской.

¹ См. «Восстание декабристов», т. IX, стр. 135—137.

² Там же, стр. 133.

³ По свидетельству Юшневского, записку Бестужева читали также Пестель, Волконский, Швейковский, С. Муравьев, Давыдов и младший Поджио (см. «Восстание декабристов», т. IX, стр. 134, 135).

5. С утверждения договора сего русское общество будет оказывать покровительство полякам, имеющим дела в России, буде оные справедливы.

6. Общество русское всеми мерами будет стараться искоренять ненависть, существующую между обоими народами: представляя, что в просвещенном веке, в котором мы живем, польза всех народов одинакова, а закоренелая ненависть есть принадлежность времен варварства.

7. Для дальнейших сношений с обеих сторон назначатся депутаты, порученности коих будут состоять в том:

1) Чтобы передавать своим Директориям все, что будет дано знать одним обществом другому, или что одним у другого потребуется.

2) Депутаты польские будут уведомлять русское общество о том, что происходит в Европе.

3) Строго запрещается депутатам называть или требовать, чтоб назвали кого-либо из членов обоих обществ.

4) В случае, что русский депутат познакомится с членами общества польского или депутат польский с членами русского общества, то отнюдь не открывать, что оба общества вступили в сношения.

5) Да происходит все между Директориями посредством депутатов.

6) Депутаты ни на что согласиться и ничего обещать [не могут] без соизволения на то своих Директорий.

С о с т о р о н ы п о л я к о в :

1. Поляки обязываются все меры употребить, какого бы то рода ни были, дабы великий князь Константин Павлович не мог возвратиться в Россию.

2. Восстать в одно время с нами.

3. Идти против Литовского корпуса, буде он объявит себя против нас.

4. Подавать нам все помощи, в их возможности состоящие.

5. Устроить сношения между нами и прочими политическими обществами, существующими в Европе.

6. Уведомлять нас о всех важных вещах, коль скоро они дойдут до их сведения.

7. Действовать в продолжение революции таким образом, как им предпишется нашим обществом, коему они признают себя подвластными.

8. Принять правление республиканское»¹.

Остается не совсем ясным, был ли польский представитель ознакомлен с письменным текстом соглашения, составленным Бестужевым. Сам Бестужев показал на следствии, что «бумаги сей Крыжановский не видал и впоследствии ему сообщена она не была»². Это свидетельство можно было бы не ставить под сомнение, если бы не было другого, противоположного показания С. Муравьева. Подтверждая, что «договор не был написан и скреплен подписями формальным порядком», С. Муравьев тут же добавляет: «Но, если не ошибаюсь, тут же в присутствии подполковника Крыжановского была составлена Бестужевым краткая выписка сего договора для памяти и донесения по оной в Директорию, которая выписка была одобрена подполковником Крыжановским».

В том же показании С. Муравьев пишет, что, после того как переговоры завершились принятием договора, «Бестужев представил в Южную директорию полный договор, сходно с выпискою, составленною им при подполковнике Крыжановском и одобренною им. Полного же договора ему не сообщал, ибо подполковник Крыжановский вслед за совещанием, на коем утвержден был союз обоих обществ, выехал из Киева». Здесь представляется нужным привести еще одно свидетельство С. Муравьева: «Показанный мне в Комитете договор, писанный по-французски рукою Бестужева-Рюмина, действительно содержит в себе все те статьи, которые в присутствии моем были заключены и утверждены между им, Бестужевым, и подполковником польских войск Крыжановским на контрактах 1824 года...»³

Пестель вначале пытался отрицать наличие заключенного договора с поляками. Ввиду разноречий в показаниях Пестеля и Бестужева им была устроена очная ставка, на которой Пестель заявил, что «ни о каком договоре, заключенном между Бестужевым и Крыжановским, не было ему известно...» Однако Бестужев и на очной ставке подтвердил сказанное о наличии договора. Тогда Пестель был вынужден признать, что «о договоре знал, но полагал его заключенным с Гродецким, а не с Крыжановским»⁴.

¹ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 63—65.

² Там же, стр. 133.

³ Там же, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 145, 146.

Последнее было им сказано, конечно, с той целью, чтобы следственный комитет не заподозрил его в неискренности. Для нас важно в данном случае, что Пестель все же признал наличие упомянутого договора, заключенного между представителями Южного и Патриотического обществ.

На основании сопоставления документов дело представляется так: сразу же после окончания переговоров Бестужев изложил на бумаге основные пункты достигнутого соглашения, зачитанные и одобренные тут же Крыжановским. После отъезда польского делегата Бестужев на основании чернового текста составил окончательный текст договора, представив его Южной директории вместе с подробным докладом о переговорах.

Трудно сказать, насколько полно воспроизведен текст договора Бестужевым для следственной комиссии. Обращает внимание отсутствие вводной части. Вполне основательным является предположение М. К. Азадовского, который считает, что договор, сообщенный Бестужевым для следствия, не полон: в нем отсутствуют как историческая часть, так и изложение мер по реализации заключенного договора¹.

Несмотря на отсутствие подлинника договора, имеющиеся документы позволяют утверждать, что текст договора не выдумка Бестужева, а принятое обеими сторонами конкретное соглашение. И лишь отсутствие в руках следствия подписанного обеими сторонами письменного договора дало возможность Крыжановскому отрицать факт принятия соглашения, так же как он отрицал и наличие у него полномочий польского Патриотического общества для ведения переговоров с русским тайным обществом. Документы опровергают утверждение Довнар-Запольского, отрицавшего наличие достигнутого соглашения и утверждавшего, что записка Бестужева якобы «не имеет официального характера, не представляя собой мнения общества, и... любопытна только как выражение желаний самого Бестужева о способах содействия обоим обществ и как его взгляд на возможные польско-русские отношения»². Очевидна также несостоятельность вывода

¹ См. М. К. Азадовский, Затерянные и утраченные произведения декабристов, «Литературное наследство», т. 59, кн. I, АН СССР, М. 1954, стр. 667.

² М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов, стр. 113.

польского историка Ш. Аскенази, который, приняв на веру показания Крыжановского, подвергает сомнению наличие согласованности по ряду важных вопросов, в частности об установлении в Польше республики¹.

Можно было бы на этом и не останавливаться. Но, оказывается, некоторые историки и в наше время готовы перечеркнуть свидетельства ряда деятелей декабристского движения, склонны отрицать факт принятых соглашений, отрицать значение переговоров 1824 г. в истории русско-польских революционных связей.

Так, И. Беккер в упомянутой выше статье утверждает, что, «хотя Бестужев и дал следственной комиссии подобие точной копии договора, заключенного якобы им вместе с Муравьевым и Крыжановским, судя по всем данным [?], такового договора не было»². Приведенных выше доводов достаточно, чтобы опровергнуть это ничем не обоснованное, ошибочное утверждение.

Переговоры 1824 г. имели огромное значение в истории создания русско-польского революционного союза. Соглашение по ряду важных вопросов, достигнутое в ходе этих переговоров, создало прочную базу для дальнейшего развития союза русских и польских революционных сил, для совместной борьбы против русского царизма. Благодаря инициативе, последовательному и убедительному изложению своих взглядов русским дворянским революционерам удалось склонить польских революционеров к принятию согласованных решений, проведение которых в жизнь поднимало на новую ступень польское освободительное движение.

Крыжановский придавал серьезное значение достигнутому соглашению и, видимо, намеревался настаивать на утверждении его всеми членами Верховного совета польского Патриотического общества. Доказательством этому является показание Яблоновского: «Уезжая из Киева,

¹ См. Ш. Аскенази, указ. соч., стр. 79—80.

² См. «Вопросы истории» № 3, 1948 г., стр. 69. Полное согласие с подобными ошибочными выводами совсем недавно было выражено в польской литературе Викторией Сливовской в ее рецензии на упомянутую выше статью Л. Медведской. Упрекнув автора рецензируемой статьи за бездоказательность вывода о наличии принятого обеими сторонами соглашения, В. Сливовская утверждает, что «материалы, которыми располагаем, не дают достаточного основания для такого категорического вывода» (см. «Przegląd historyczny», t. XLVII, cz. 4, str. 818).

Крыжановский обязал наших членов, которые жили вблизи от этого города (имеются в виду выделенные связанные — Гродецкий и Чарковский. — П. О.), чтобы не теряли из виду начатых действий...»¹

В январе 1824 г. в Киеве состоялся третий съезд Южного общества. На съезде была заслушана информация Бестужева, который доложил о ходе и результатах переговоров, о достигнутом соглашении с польским тайным обществом. Кроме того, Бестужев «обо всем подробно донес на бумаге в исходе января 1824 года в Киеве»². Информация Бестужева была встречена всеобщим одобрением. По свидетельству Волконского, председательствующий на съезде Юшневский «объявил Бестужеву от имени общества благодарность за его усердие при сношениях с польским обществом»³.

Польский представитель по возвращении в Варшаву поспешил сообщить Верховному совету Патриотического общества о состоявшихся переговорах. Крыжановский вместе с прибывшим в Варшаву Яблоновским посетил главу общества Солтыка и сделал подробную информацию⁴. Однако решения общества по этому вопросу не последовало.

Между тем декабристы с нетерпением ожидали известий из Варшавы. Но проходили недели и месяцы, а Варшава молчала. Вскоре после окончания киевских переговоров Бестужев предпринял поездку в Умань, чтобы встретиться со связным польского общества. Однако эта попытка не имела благоприятного результата. «Раз также я был в Умане для свидания с Чарковским, коего не застал дома...»⁵ — показывает Бестужев. Бестужев и Муравьев несколько раз видели в Киеве Гродецкого, но последний уклонялся от разговоров с ними. Этого не отрицает и

¹ Biblioteka PAN., wyd. rkp, wol. 2228(1), cz. II, l. 36.

² «Восстание декабристов», т. IX, стр. 75.

³ Там же, стр. 131. Пестель на этом заседании не присутствовал, так как должен был до окончания съезда выехать в Петербург для переговоров с Северным обществом о совместных планах выступления. Пестель взял с собой составленный Бестужевым «Доклад тайной дирекции о переговорах с польским обществом» (см. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. II, стр. 39; показание Поджио см. «Восстание декабристов», т. XI, Госполитиздат, 1954, стр. 65).

⁴ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 105 (показание Крыжановского).

⁵ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 66.

Гродецкий, признавая, что его нежелание беседовать с представителями Южного общества «дало им повод жаловаться, что поляки их избегают»¹.

Наконец, состоялась первая после переговоров встреча М. Бестужева и С. Муравьева с Гродецким. «По отъезде Крыжановского виделся я с Гродецким в Киеве, в исходе мая или начале июня», — вспоминает Бестужев. В беседе с Гродецким Бестужев высказал тревогу по поводу отсутствия с польской стороны искреннего стремления к укреплению наметившегося союза. «Первый разговор наш был о наших принадлежностях и о существовании недоверчивости между русскими и поляками»².

Более подробно рассказал об этой встрече Гродецкий. По его словам, Бестужев и Муравьев, встретившись с ним, заявили, что «надо спешить». Излагая следствию краткое содержание речи Муравьева, Гродецкий сказал, что русский представитель обратился к нему со следующими словами: «Чем объяснить, что вы, поляки, могущие в нас, русских, иметь единственную надежду подняться, не хотите с нами прийти к соглашению, не доверяете нам и не хотите с нами объясниться. Наш русский народ не хочет больше оставаться под властью самодержавия, хочет себе свободы и хочет иметь народное правление. Общество наше сильное, в руководстве своем имеет влиятельных граждан. Большая часть войска с нами. Ваша судьба зависит от вас. Если общество Варшавское будет действовать сообща с нами, страна ваша будет восстановлена в прежних границах и будет иметь самостоятельное, независимое политическое существование; если же с нами не соединитесь, то вы будете виновниками полного ее падения и всех ваших несчастий»³. Повторив основные мысли программы южных декабристов по польскому вопросу, Муравьев просил Гродецкого передать в Варшаву, что русские ждут ответа. Тот обещал, но не сдержал своего слова. И лишь более чем через два месяца, в августе 1824 г., в Бердичеве на ярмарке Гродецкий рассказал Петру Мошинскому о просьбе русских. Тот обещал передать ее в Варшаву⁴, но, как и Гродецкий, не спешил с выполне-

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 407.

² «Восстание декабристов», т. IX, стр. 87.

³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 330 (показание Гродецкого).

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1167, д. 15, л. 174 (показание Гродецкого).

нием этого важного поручения. Мошинский сообщил о требовании русских прибывшему к нему в Житомир из Варшавы Николаю Ворцелю. Он сказал Ворцелю, что «русские желают, чтобы кто-нибудь прибыл из Варшавы для совещания с ними»¹. Мошинский хотел передать сообщение в Варшаву с Ворцелем и просил его не выезжать, пока не узнает «чего-либо обстоятельнее»². Через 10 дней Мошинский познакомил Ворцеля с польским капитаном Маевским, который подтвердил, что «русские желают, чтобы из Варшавы послать к ним нескольких лиц для переговоров, что сего желают без промедления и хотят письменно составить подобие трактата между одним народом и другим...»³ Эту просьбу Ворцель передал руководству общества в сентябре. «Говорил там, — сообщает Ворцель, — с князем Яблоновским, Крыжановским и, кажется, с Плихтой»⁴. Таким образом, требование русских было передано Верховному совету Патриотического общества лишь в сентябре.

Тем временем возвратился из поездки в Петербург Пестель. Его поездка туда имела очень важное значение для дальнейших действий Южного и Северного обществ. Одним из важных вопросов, которые нужно было согласовать с северянами, был польский вопрос и, в частности, о достигнутом предварительном соглашении с польским обществом. Съезд Южного общества, как мы видели, одобрил результаты переговоров с поляками. Но этого было недостаточно. Ведь руководители Южного общества намерены были объединиться с Северным на платформе «Русской Правды» и выработать план совместных действий⁵. А для этого нужно было единогласие и по польскому вопросу. Пестель, видимо, намеревался убедить руководителей Северного общества в правильности и целесообраз-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1345, д. 14, л. 25 (показания Н. Ворцеля).

² Там же.

³ Там же. См. также Biblioteka PAN., wyd. rkp, wol. 2228(1), cz. II, l. 29 (показание Маевского — члена Общества тамплиеров на Воляни). Маевский утверждает, что о желании русских слышал от члена Патриотического общества Карвицкого.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1345, д. 14, л. 27.

⁵ С. Муравьев-Апостол показывал об этом следствию: «Перед отъездом же своим в Петербург Пестель говорил мне, что он намерен все средства употребить, чтобы совершенно слить в одно оба общества...» («Восстание декабристов», т. IV, стр. 353).

разности связи с поляками на основе положений «Русской Правды» и сообщить о предпринятых шагах по их реализации. Именно с этой целью Пестелю потребовался написанный Бестужевым «Доклад тайной дирекции о переговорах с польским обществом».

Как известно, на петербургских совещаниях слияния обществ не произошло, хотя представители их признали необходимость объединения. Причиной явились некоторые разногласия в конституционных проектах П. Пестеля и Н. Муравьева. Решено было вести работу по выработке новой конституции, приемлемой для обоих обществ. В 1826 г. предполагалось созвать объединительный съезд, который изберет единое руководство и вырабатывает единый план действий. Пестель вынужден был учесть мнение большинства руководителей Северного общества и по польскому вопросу пересмотреть свою позицию в отношении территориальных уступок полякам.

Главной заботой Пестеля во взаимоотношениях с поляками было ускорение согласования и утверждения уже выработанного предварительного соглашения и активизация польского общества в подготовке к совместному выступлению. После своего возвращения из Петербурга¹ Пестель поехал в Белую Церковь, где находились в лагерях М. Бестужев и С. Муравьев. Он сообщил им о результатах петербургских совещаний с руководителями Северного общества и об обещании председателей Северной управы содействовать единодушно Южному обществу². В показаниях участников встречи в Белой Церкви не отражено новой ориентировки, которую дал Пестель относительно переговоров с поляками. Однако дальнейшие действия в этом вопросе С. Муравьева и М. Бестужева, содержание дальнейших переговоров с поляками показывают, что Пестель в Белой Церкви касался и этого вопроса. Очевидно, Пестель дал указание добиваться от поляков быстрого утверждения принятого предварительного соглашения и перехода к активной подготовке совместного выступления. Особенно важно было для русских задержать цесаревича Константина в момент восстания.

¹ Пестель вернулся из Петербурга в конце июля 1824 г. (см. там же, стр. 43).

² См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 353.

Отсутствие прямого положительного ответа поляков по этому вопросу сильно тревожило руководителей Южного общества.

«...Пестель по возвращении своем из Петербурга виделся с нами в Белой Церкви, — показывает Бестужев, — и там в присутствии Швейковского изъяснял сомнения на счет готовности поляков «употребить все средства», чтоб воспретить цесаревичу возвратиться в Россию. Он полагал, что поляки воспользуются нашей слабостью во время переворота, чтобы вооруженной силой возвести на престол Константина Павловича, дабы он из благодарности возвратил им независимость. Основываясь на сем мнении, Пестель именем Директории велел мне требовать от польского общества немедленного истребления цесаревича»¹.

Встречи с польским связным затрудняло то, что Гродецкий в июле уехал в Бердичев и вернулся в Киев лишь в конце сентября. Как только он появился в Киеве, Бестужев встретился с ним и высказал недовольство руководителями Южного общества медлительностью поляков. Имея в виду скорое объединение обоих русских обществ, Бестужев сообщил Гродецкому, что «русское революционное общество сильно возросло и вскоре можно будет видеть его в том состоянии зрелости, какого могли желать, в результате соединения с ним весьма известных и влиятельных в русском народе лиц...» Бестужев напомнил, что теперь поляки могут надеяться на возвращение своих западных земель и, «если поляки объединятся с русскими, могут быть уверены, что при их помощи возвратят себе даже провинции, отнятые другими соседними государствами...» Он сказал Гродецкому, что «большая часть войска на их стороне» и русские революционеры «в скором времени приступят к исполнению своих намерений», просил «поспешить известить о сем Варшавское Патриотическое общество, чтобы оно было в готовности»². Бестужев передал Гродецкому требование Пестеля об истреблении цесаревича Константина Павловича. «О сем я сношлся с Гродецким, — показывает он, — который обещал донести о требовании нашего общества своей Директории

и полагал, что она предпочтет смерть цесаревича разрыву с нами»¹.

Но ответа на предложения Южного общества не последовало. Бестужев снова, в третий раз, попытался побудить польского связного предпринять меры к ускорению получения ответа из Варшавы. Это свидание, как свидетельствуют и Бестужев и Гродецкий, состоялось в начале зимы. «Третий раз виделся с Гродецким в начале зимы также в Киеве», — вспоминает Бестужев. Он «по поручению Пестеля», данному во время белоцерковской встречи, упрекал Гродецкого «за явное их отклонение от нас и нерадение давать нам сведения ни о чем важном...»². На все упреки и выражения нетерпения Гродецкий равнодушно советовал «быть терпеливым», обещая, что кто-нибудь из Варшавы приедет, но что «это будет не раньше следующих контрактов». Не приходится удивляться, что такое равнодушие в важном деле и в столь ответственный момент привело Бестужева в состояние крайнего раздражения. Бестужев, по признанию Гродецкого, «был возмущен подобной медлительностью в столь важном деле и ушел разгневанный»³. Бездеятельность польских связных подтверждают и руководители Патриотического общества. Касаясь выполнения Гродецким и Чарковским поручения о поддержании связи с русским тайным обществом, Яблоновский показывал следствию: «За весь 1824 год мы не получили от них никакого известия»⁴.

К этому же времени относится попытка южных декабристов Бестужева и Муравьева письменно связаться с Варшавским центром. Они написали туда письмо, о содержании которого известно лишь из показания С. Волконского, взявшегося передать письмо Гродецкому. В нем «спрашивалось о решительном ответе на предложенное содействие»⁵, т. е. об утверждении в Варшаве заключенного соглашения по вопросу, на который с нетерпением ожидали ответа русские. Волконский в связи с этим показал, что, «кажется, в сентябре месяце 1824 г. в проезд

¹ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 111.
² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 408, 410 (показание Гродецкого); ЦГИАЛ, ф. 1167, д. 15, л. 137.

¹ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 111.
² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 410; «Восстание декабристов», т. IX, стр. 87.
³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 411 (показание Гродецкого).
⁴ Biblioteka PAN., wyd. rkp., wol. 2228(1), t. 6, cz. II, l. 41.
⁵ «Восстание декабристов», т. X, стр. 132.

мой через Васильков и ехав в Киев — вручено мне было сие письмо для доставления Гродецкому. ...Сие мне письмо более всего показалось невозможным к отдаче... по правилам, данным Бестужеву, ни в какие письменные сношения не входить...»¹

Таким образом, дело окончательного заключения русско-польского революционного союза тормозилось исключительно по вине руководителей польского Патриотического общества. Верховный совет общества после переговоров Крыжановского не предпринял никаких мер к продолжению связи с русскими. Его ничуть не беспокоила бездеятельность связанных, «забывших» свои обязанности. Материалы следствия свидетельствуют, что, за исключением Крыжановского, желавшего союза с декабристами, остальные члены Верховного совета сознательно тормозили заключение союза. Конечно, в выяснении их позиции нельзя целиком полагаться на показания следственной комиссии, тем не менее они дают большой материал для соответствующих выводов.

Анализ имеющихся показаний Солтыка и других документов показывает, что главной причиной пассивности Солтыка и других руководителей общества была боязнь восстания народных масс, которое грозило господствующим классам потерей их привилегий и лишением возможности угнетать народ.

Узнав, что «русские офицеры» намереваются совершить революцию, Солтык испугался. Он сразу же вспомнил французскую революцию, потрясшую основы феодализма,

¹ «Восстание декабристов», т. X, стр. 132. Волконский в одном из показаний утверждал, что письмо это возвратил Бестужеву. В другом же месте, однако, показал, что «письмо сие было мною взято, но с тем, чтоб его не вручить, полагая, что ежели откажусь, то доставлено будет другим способом» и что он послал письмо «на суд Пестелю» (там же, стр. 132, 169). Пестель по этому поводу показал, что «письмо Бестужева полякам князем Волконским было остановлено, а Директориею уничтожено» («Восстание декабристов», т. IV, стр. 165). Однако С. Муравьев утверждает обратное, что письмо действительно было возвращено Волконским Бестужеву, последний передал его С. Муравьеву, который и хранил его у себя в портфеле вместе с другими бумагами (см. там же, стр. 370). Впоследствии, в декабре 1825 г., копия этого письма была прислана через Корниловича руководителям Северного общества, а оригинал был уничтожен С. Муравьевым после неудавшейся новой попытки переслать письмо в Варшаву, о чем будет ниже (см. там же, стр. 370; ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, л. 22).

и ужаснулся оттого, что революция из России может перекинуться в Польшу. «У нас революция была бы еще страшней», — писал Солтык. Он не скрывал, почему боялся революции: «Все что наиболее знатное, было бы уничтожено, шляхта, землевладельцы были бы вырезаны»¹. И далее: «Никто бы из властителей не был бы уверен за свою жизнь, а прежде всего шляхта пала бы жертвой их (революционеров. — П. О.) ярости»². В другом показании он говорил, что в результате революционных действий «мы потеряли бы жизнь и имущества» и это произошло бы «потому, что как в России, так и в Польше имеется много угнетенного сельского населения»³.

Однако, несмотря на страх перед революцией, руководители польского Патриотического общества видели, что их борьба за национальную независимость Польши может быть успешной только в том случае, если они объединят свои усилия с русским революционным лагерем. Это заставляло их идти на продолжение связи с декабристами, искать союза с ними. Поэтому Верховный совет Патриотического общества решил прислать в Киев своих представителей для переговоров. Особенно, по-видимому, настаивал на этом Крыжановский. Когда Яблоновский по поручению Верховного совета Патриотического общества выезжал в Киев для ведения переговоров с русскими, Крыжановский требовал от него «возобновления установленной им связи с русским обществом»⁴.

3. ПЕРЕГОВОРЫ 1825 г.

Придавая предстоящим переговорам исключительно важное значение, неудовлетворенный достигнутым Бестужевым и Муравьевым во взаимоотношениях с поляками Пестель решил сам возглавить русскую делегацию. Он надеялся своим личным участием добиться успешного завершения переговоров — заключить прочный союз обоих обществ и окончательно условиться о совместном выступлении.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 284.

² Там же, л. 296.

³ Там же, л. 303.

⁴ Biblioteka PAN..., wydz. rkp., wol. 2228(1), t. 6, cz. II, l. 42 (показание Яблоновского).

Пестель мог рассчитывать на полный успех и потому, что он намерен был вести переговоры не только как глава Южного, но и как представитель Северного общества. После петербургских совещаний (надеясь на скорое слияние обществ) он имел основание взять на себя такое высокое полномочие. Официальным представителем Южного общества Пестель назначил Волконского. «Пестель себя объявил как уполномоченным от управления Петербургской директории, а меня как члена, назначенного от Южной управы на будущие сношения по делам общества»¹, — показывал Волконский на следствии. Кроме Пестеля и Волконского, участниками переговоров назначены были также члены Южной директории генерал Юшневский, Повало-Швейковский и Давыдов.

В январе 1825 г. во время традиционных контрактов в Киев прибыли известные уже нам члены Верховного совета польского Патриотического общества — подполковник Северин Крыжановский и князь Антоний Яблоновский. На этот раз польскую сторону на переговорах представлял Яблоновский, а Крыжановский, не участвуя в переговорах, был в курсе их через Яблоновского. С польской стороны в переговорах участвовал и Гродецкий. Переговоры начались на квартире С. Волконского².

Основные вопросы, которые обсуждались на переговорах 1825 г., по свидетельству Пестеля, были следующие: о независимости Польши; о совместном выступлении, а также «о взаимном содействии на случай внешней войны»; об образе правления в Польше; о судьбе цесаревича Константина; о взаимной информации и сношениях с тайными обществами в Западной Европе³. Из этого перечня видно, что подвергались обсуждению в основном те же вопросы, которые обсуждались в 1824 г. Ожидалось, что обе стороны подтвердят принятое соглашение от имени своих обществ.

Не все вопросы обсуждались одинаково детально. Вопросы, по которым было достигнуто соглашение ранее и которые не вызвали споров, глубоко не обсуждались. Центр тяжести падал на спорные и нерешенные вопросы. Именно поэтому вопрос о независимости Польши рассмат-

¹ «Восстание декабристов», т. X, стр. 128.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 7.

³ См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 85—86.

ривался как согласованный и о нем, по выражению Пестеля, было сказано глухо.

Из показаний руководителей польского Патриотического общества видно, что поляки на переговорах 1825 г. снова выдвинули требование о восстановлении независимой Польши в прежних ее границах. Вопрос о русско-польской границе подвергся подробному рассмотрению еще и потому, что в 1824 г. в этой части не было достигнуто определенного соглашения и что у Пестеля теперь был новый по сравнению с «Русской Правдой» подход к решению территориального вопроса. В этих переговорах позиция Пестеля во многом была сходна с мнением членов Северного общества. Уже не было речи о передаче Польше западных губерний России. «Об уступке губерний не было полякам говорено», — записано в показании Пестеля на следствии. Уже не фигурировала карта с начертанной Пестелем русско-польской границей. Она существовала лишь в прежних «собственных наших предположениях», — заметил по этому поводу Пестель. В другом своем показании, напоминая, что Бестужев в 1824 г. избегал говорить с поляками об уступке губерний, Пестель добавляет, что «точно так и во время моего разговора с к[нязем] Яблоновским не было ни о какой губернии упомянуто...»¹ Это свидетельство надо понимать не как простое замалчивание вопроса о судьбе этих земель — о них не упоминалось Пестелем как о подлежащих передаче Польше.

В ответ на заявление Пестеля, что целью русского тайного общества является завоевание свободы как для русского, так и для польского народов, Яблоновский заметил: целью польского общества является «не свобода, а национальность...» В своем показании следствию он признавался, что намерения Пестеля «показались мне совершенно отличными от наших...»² Яблоновский требовал от русских не только признания независимости Польши, но и заверения в том, что они будут содействовать возвращению земель, ранее входивших в состав Речи Посполитой. В отношении независимости Польши Пестель «именем всех обществ», т. е. Южного и Северного, заверил поляков, что «в том дает слово». А что касается «российско-

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 165.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 7.

польских губерний», то можно возвратить то, «что справедливо и возможно будет»¹.

Польского делегата, отражавшего реваншистские настроения руководителей Патриотического общества, не удовлетворял такой ответ. Споры о русско-польской границе продолжались и грозили вылиться в разногласия, которые сделали бы невозможным установление революционного союза. Видя эту опасность, Пестель все же пошел на устранение их, сделав новое предложение. Он нашел выход, приемлемый для обеих сторон, и высказал мысль о том, что самым справедливым было бы спросить мнение населения спорных губерний. По словам Яблоновского, Пестель заявил ему, что, если бы представилось какое-нибудь сомнение, тогда жители спорных провинций «сами изберут, к какому народу пожелают принадлежать»². Такое предложение свидетельствует о том, что Пестель сделал большой шаг вперед, в сторону справедливого разрешения территориального вопроса.

Весьма ценное свидетельство по этому вопросу имеется в показании Маевского, который во время переговоров находился в Киеве и получал подробную информацию от своих товарищей. Ссылаясь на Ворцеля, которого проинформировал Яблоновский, Маевский утверждал, что в соответствии с достигнутым соглашением «русское общество уступало Польше провинции, ранее ей принадлежавшие, кроме губерний Волынской, Киевской и Подольской, которые еще были под вопросом»³. Это значит, что «под вопросом» оказывалась самая большая часть спорной территории, причем как раз та, на которую больше всего и претендовали польские представители. Что же в таком случае «уступало» русское общество? Если это свидетельство дополнить показанием Пестеля⁴ о том, что «об уступке полякам губерний не было говорено», то станет ясно, что речь шла лишь о передаче того, «что справедливо и возможно будет».

¹ См. «Восстание декабристов», т. X, стр. 130. К этому можно добавить свидетельство В. Давыдова, который показал на следствии: «Как мне сказывал Пестель, положено было избегать говорить о границах, но польстить только надеждою, что будет сделана уступка, не могущая обессилить Россию» (см. там же, стр. 204).

² Biblioteka PAN..., wyd. rkp., wol. 2228(1), t. 6, cz. II, l. 46.

³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 126.

⁴ См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 165.

В переговорах 1825 г. центр тяжести территориального вопроса переносится именно в сторону западных польских земель, захваченных Австрией и Пруссией. Идея возвращения их Польше была очень популярной в польском освободительном движении. Как уже упоминалось, эту задачу ставило Патриотическое общество еще тогда, когда во главе его стоял Лукасинский. Многие члены общества, как и Лукасинский, считали необходимым прежде всего возвратить именно эти западные земли, где население было преимущественно польским. Так, например, когда следственный комитет спросил члена Патриотического общества Лелевеля, что он понимает под частью Польши, находящейся под чужим владением, он ответил: «Под частью Польши, находящейся под чужим господством, я понимаю Галицию и княжество Познанское»¹. Эту идею горячо поддерживали и русские дворянские революционеры. Выше уже приводилось высказывание С. Трубецкого по этому вопросу. Пестель и Волконский также считали справедливым воссоединение западнопольских земель с Польшей.

В итоге переговоров по территориальному вопросу в 1825 г. было достигнуто соглашение о поддержке русским обществом польских претензий на западные земли и о помощи в их возвращении. Участник переговоров с польской стороны, Гродецкий, показал на следствии, что «русские... обещали оказать помощь в возвращении земель, захваченных Австрией и Пруссией»². Об этом же свидетельствует и Карвицкий, которому Маевский весной 1825 г. рассказывал о результатах переговоров с русскими. Он сообщил Карвицкому, что предполагаемые к возвращению земли — это западные польские области, в том числе находящаяся под австрийским владычеством часть Галиции³.

Участники переговоров понимали, что воссоединение с Польшей ее западных земель вызовет военное столкновение с Австрией и Пруссией, которые, конечно, добровольно не отдадут захваченные польские земли. А это означало, что союзные Россия и Польша должны быть готовыми встретить противника совместными вооруженными силами.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 196.

² Там же, л. 414.

³ Там же, л. 227.

Так, по-видимому, возникла идея и соответствующее решение о взаимном содействии на случай внешней войны. Предполагалось немедленное создание поляками собственной армии «на случай, если бы Австрия воспротивилась отдать Польше захваченные провинции»¹. Это подтверждается и показаниями членов польского Патриотического общества. Например, как о согласованном условии говорили, что «поляки должны будут преградить своей силой вступление австрийских войск в Россию и должны быть вечно в союзе с нею»².

Серьезному обсуждению подвергся вопрос о будущей форме правления в Польше. Пестель в «Русской Правде» обусловил предоставление Польше независимости тем, что в Польше будет введено такое же государственное устройство, как и в России, т. е. республиканское. Он понимал, что союз и дружба между Польшей и Россией могут быть прочными лишь в том случае, если в Польше, как и в России, будет республиканский строй. Это не соответствовало желанию руководителей польского Патриотического общества.

Яблоновский всячески старался уклониться от прямого ответа на вопрос о будущей форме правления, заявляя, что Патриотическое общество якобы «доселе не рассуждало о предполагаемой форме правления». Наконец, он высказал взгляд общества на этот вопрос в очень осторожной форме, как личное свое мнение. Он заявил, что «правление монархическое, основанное на постановлениях конституционных представителей народа есть самое удобное для нашего отечества»³. Представителям русского общества трудно было согласиться с этим, так как исчезала почва для прочного союза после революции. Поэтому Пестель с жаром, со всем присущим ему красноречием и логикой доказывал необходимость установления в Польше республиканского образа правления. И ему удалось склонить польских представителей на компромиссное решение. Яблоновский в ответ на требование Пестеля о введении в Польше одинакового с Россией образа правления отвечал, что в Польше тайные общества не имеют намерения об устройении республики, в невозможности чего

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 123 (показание Маевского).

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 228.

³ ЦГИАЛ, ф. 1167, д. 15, л. 286 (показание Яблоновского в деле Гродецкого).

он убежден. «Но как он полагает сим временное правление для дальнейшего совещания о народной воле он именем Варшавской директории обещает первоначально принять общий ход в революции...»¹ Яблоновский на следствии пытался отрицать наличие принятого обеими сторонами решения о введении на один год одинакового образа правления, как он отрицал и соглашение о судьбе Константина. Однако показания других участников и свидетелей переговоров полностью восстанавливают истину. В этом отношении характерно свидетельство Гродецкого, который утверждал на следствии, что «о правительстве, которое должно быть установлено в будущем в Польше, русские *убедили* (подчеркнуто мною. — П. О.), чтобы в первый год в возрожденной Польше было установлено правление обязательно такое же, как и в России, в соответствии с предполагаемым новым порядком или законом, а по прошествии года предполагалось Польше свободно установить у себя правление, какое она найдет нужным»².

Было условлено, что Патриотическое общество примет меры к аресту всех членов «высочайшей фамилии», которые в момент революции будут находиться в Польше и будут приняты «меры к отвращению всякого покушения к освобождению их»³. Это было также очень важно, так как предотвращалась возможность членам царской фамилии скрыться в Польше или через ее территорию бежать в страны Западной Европы. С великим князем Константином поляки обязывались поступить «точно так же, как в России поступят с великими князьями»⁴, т. е. убить Константина, предотвратив тем самым возможность ему вернуться в Россию и стать во главе контрреволюционных сил. Это подтверждается показанием Пестеля⁵.

Важным достижением переговоров 1825 г. было соглашение о воздействии на Литовский корпус с целью склонить его части к выступлению в поддержку революции. С этой целью решили завести в Литовском корпусе революционные связи, подыскать людей, главным образом

¹ «Восстание декабристов», т. X, стр. 129 (показание С. Волконского).

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 332—333, 415.

³ «Восстание декабристов», т. X, стр. 129.

⁴ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 89.

⁵ См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 165.

из офицерского состава, на которых бы можно было опереться в момент выступления. Учитывая, что Литовский корпус был укомплектован поляками и русскими, было решено назначить для работы в нем по одному человеку от польского и русского тайных обществ: от русского — Швейковского, от польского Патриотического общества — Мошинского. Им поручалось вербовать членов личного состава Литовского корпуса в тайные революционные общества¹.

Согласован был и вопрос о дальнейшей связи между обществами «как для извещения о обыкновенном течении дел в обществах, так и для экстраординарных совещаний...» С русской стороны это поручалось Волконскому, с польской был выделен Гродецкий. «...Положено было, — показывает Волконский, — чтоб мои сношения были бы через Гродецкого для принятия мер к общим совещаниям между директориями или для сообщения важных происшествий; сношения же по обыкновенному течению дел общества должны были быть через Швейковского с Мошинским и Гродецким...»²

Однако и эта значительно укрепленная система связи не могла удовлетворить возникшие потребности в смысле быстроты и оперативности. Об этом говорил и имеющийся опыт. Нужно было иметь представителя русского общества непосредственно в Варшаве. Характерно, что этот вопрос поднял польский представитель. Признавая, что «необходимо установить постоянные сношения между обществами и что за медлительностью сего средства неудобно продолжать их в Киеве, князь Яблоновский просил наименовать ему живущего в Варшаве члена русского общества, который имел бы от своей Директории надлежащий наказ и полномочие для переговоров с обществом польским»³.

Пестель согласился с этим предложением и обещал, что такое поручение и соответствующие полномочия будут даны члену Южного общества, находящемуся в Варшаве в качестве адъютанта великого князя Константина Павловича подполковнику Лунину. Этот факт подтверждает

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 90 (подробнее об этом см. в III главе книги).

² «Восстание декабристов», т. X, стр. 130.

³ «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 90.

М. С. Лунин

в своем показании Яблоновский. «Мы согласились, — показывает он, — что [под]полковник Лунин, находящийся в Варшаве, будет сношаться со мной или с Крыжановским по всем вопросам, касающимся обоих обществ»¹. С этого момента русское тайное общество имело в Варшаве своего уполномоченного с очень ответственными функциями — не только держать связь с польскими конспираторами, но и решать от имени русского революционного центра все неотложные вопросы, касающиеся согласования действий обеих сторон.

Лунин был весьма подходящей кандидатурой для этих целей. Это был один из старейших и активных членов революционной организации. Его легальное служебное положение в качестве адъютанта Константина Павловича также было весьма кстати. Оно обеспечивало ему возможность быть в курсе всех мероприятий царского правительства, позволяло изучать настроения среди офицеров, а также повседневно сношаться с руководителями польской тайной организации, не вызывая подозрений. Использование Лунина для установления контакта с польскими революционерами, вероятно, было задумано руководителями Южного общества еще раньше. Такое предположение напрашивается в связи с тем, что Лунин в 1822 г., вскоре после того как выхлопотал себе отставку, совершенно неожиданно снова поступил на военную службу и именно в Литовский корпус, находившийся в Польше. Это обстоятельство, удивившее некоторых его знакомых и родственников, впоследствии вызвало подозрение у членов следственной комиссии и доставило Лунину немало затруднений. Следственный комитет прямо поставил Лунину вопрос: «Какие имели вы виды в духе общества при избрании места службы в Литовском корпусе?» «Определяясь на службу в 1822 г., — показал он, — я действовал, по-видимому, согласно правилам тайного общества». Вместе с тем он пытался отрицать свое участие в деятельности революционной организации, утверждая, что, поступая на службу в Литовский корпус, он преследовал цель отдалиться и прекратить сношения с тайным обществом². Эти весьма противоречивые объяснения до-

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 7.

² См. «Восстание декабристов», т. III, Госиздат, М.—Л. 1927, стр. 125—126.

полняются другими свидетельствами и делами Лунина и не оставляют сомнения в том, какую роль играл он в декабристском движении. Даже в Сибири, на каторге он продолжал вести противоправительственную пропаганду, за что был вторично подвергнут аресту и заточен в Акатуйскую каторжную тюрьму. В своих письмах из Сибири он подтвердил, что в Варшаве активно боролся против царизма, угнетавшего польский народ. В письме к сестре от 9 июня 1838 г., высказываясь по поводу смерти Новосильцева, Лунин писал: «Когда он (Новосильцев) был главой дел в Варшаве, я противодействовал принятой им системе, от которой возникли такие скорбные результаты для королевства и для империи». В другом письме, от 21 июля 1840 г., Лунин сообщал: «Я боролся в Варшаве против системы, принятой в Польше, и обнаружил ее гибельные последствия. Меня осудили на смерть. Четыре года спустя Польша восстала, власти низвергнуты, крепости сданы, русские войска прогнаны. В это самое время держали на запоре человека, который предсказал грозу и мог ее отвлечь»¹. Но поскольку о конспиративной деятельности Лунина в Польше не проговорился никто из осужденных декабристов и членов польского Патриотического общества, она так и осталась невыясненной².

Во время встречи была достигнута договоренность по одному из самых важных вопросов — о совместном вооруженном выступлении. Стороны условились, что оба общества начнут революционные действия одновременно. «Пестель требовал от Яблоновского, — показывает Волконский, — чтоб он также именем Варшавской директории обязался не начинать никаких действий до того времени, как от нас будет о сем дано известие, но тогда в назначенное время непременно начать. Яблоновский отвечал согласием от имени польской директории Варшав-

¹ «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма», стр. 40, 59.

² Яблоновский в ответах на вопросы Варшавского следственного комитета не отрицал, что встречался с Луниным в Варшаве, но добавлял: «Лунин же, когда мы с ним виделись, не только ничего не говорил, но вообще избегал всякого политического разговора» (ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 7). Однако Крыжановский показал: «В Киеве князь Яблоновский говорил мне, что генерал Волконский хотел уполномочить... Лунина для сношения с поляками в Варшаве, но я ответил ему, что не хочу вдаваться в это... с тех пор больше ничего об этом не слышал» (там же, л. 58).

ской, но просил, чтоб от объявления дан был всегда месячный срок, для предварительного извещения всех, кому надлежит о сем знать, распоряжений и приготовлений всех способов»¹.

Представители Патриотического общества на этот раз решили посвятить русских в дела своего общества, чего ранее избегали. Они рассказали о составе, структуре и распространении тайных организаций. «Князь Яблоновский сделал также начертание всех способов польских обществ, говорил о распространении оных особенно в войске или служившем в оных, но не говорил только о Варшавской директории, говорил, что в Царстве Польском во всех сословиях есть отрасли обществ в польских же губерниях...»²

Как видим, переговоры 1825 г. отличались большей откровенностью с обеих сторон, прямотой постановки вопросов и искренним желанием найти правильное их решение. Польские представители, будучи убеждены в большой силе русского тайного общества, относились к переговорам более серьезно, чем раньше, прилагая со своей стороны усилия к установлению тесного контакта и взаимодействия. Это в значительной мере результат миссии Пестеля, который потратил немало усилий, чтобы убедить поляков в необходимости совместного с русскими революционного выступления. «Нет середины, — говорил Пестель польским представителям, — вам необходимо объявить себя за нас или против нас. Но мы и без вашей помощи можем оружием даровать себе свободу, а вы, если пропустите представляющийся вам случай, должны будете уже навсегда отказаться от надежды быть народом независимым»³.

Доводы Пестеля повлияли на поведение польских представителей во время переговоров. В ответ Яблоновский заверил Пестеля, что польские революционеры преисполнены решимости действовать совместно с русскими. Он признался, что «прежде они думали не иначе начать действие свое, как при возобновлении каких-либо бурных политических явлений в Европе, ныне же содействие российских тайных обществ должно сблизить (приблизить)

¹ «Восстание декабристов», т. X, стр. 129.

² Там же, стр. 130.

³ «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 89.

ожидаемый час возрождения их отечества»¹. Яблоновский заявил, что «общество наше, сознавая, насколько помощь русских ему будет важна для успеха, охотно обещает совместное действие, лишь бы это ничем не препятствовало нашей цели...» и далее, что «никакие обстоятельства не могут быть нам в этой цели более благоприятными, чем долженствующая начаться революция в России, что поэтому выгода наша является ручательством искренности нашего содействия»².

Атмосфера взаимного доверия, утвердившаяся на переговорах 1825 г., достигнутые соглашения по важнейшим вопросам подготовили условия для заключения окончательного договора о союзе, который предполагалось заключить на следующих киевских контрактах, т. е. в январе 1826 г.³ Польские и русские представители уезжали из Киева с уверенностью в скором совместном выступлении. Об этом свидетельствует краткая, но яркая оценка результатов переговоров, которую дал Яблоновский в беседе с Карвицким вскоре после отъезда из Киева: «Русские, кажется, искренны, и в будущем году все будет кончено»⁴. Имеется также весьма ценное на этот счет свидетельство П. Мошинского, который был хорошо осведомлен о ходе переговоров 1825 г. Касаясь заключенного соглашения, он говорит: «Это был проект будущего договора, который долженствовал быть пересланным обоим обществам для утверждения»⁵. Предполагавшееся заключение союзного договора с польским Патриотическим обществом совпадало с готовившимся съездом Северного и Южного обществ, на котором намечалось окончательно согласовать все спорные программные вопросы, выработать план и определить время совместного вооруженного выступления.

Таким образом, на переговорах 1825 г. господствовала атмосфера, более близкая к взаимопониманию, сделан был большой шаг в сторону тесного боевого взаимодействия. Насколько оптимистично расценивал Пестель установленную связь с польским тайным обществом, видно из свидетельства декабриста Поджио. Пестель говорил ему

¹ «Восстание декабристов», т. X, стр. 129.

² Biblioteka PAN..., wyd. rkp., wol. 2228(1), t. 6, cz. II, l. 46, 47.

³ ЦГИАЛ, ф. 1167, д. 15, л. 288 (показание Яблоновского).

⁴ «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 91.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1167, д. 15, л. 200 (показание Мошинского).

вскоре после окончания переговоров, что поляки «ужасно сильны и только требуют, чтоб мы начали, а уже они обещают свое обещанное содействие»¹.

Весть о достигнутом соглашении быстро распространилась среди членов польского общества и была встречена одобрительно. Об этом говорили как о важном событии. После окончания киевских переговоров Маевский, сообщая об их результатах Карвицкому, говорил, что польское Патриотическое общество уже заключило соглашение с Русским обществом; русские заверили, что получают конституцию, выгодную для обоих народов...² Информация о росте русского тайного общества и решимости русских революционеров в скором времени начать революцию, полученная Яблоновским во время переговоров, не оставляла сомнений в серьезности намерений русских. Это вызвало некоторую активизацию действий польского общества.

В целях объединения сил польского освободительного движения Патриотическое общество вступило в переговоры о слиянии с существовавшим на Волыни тайным Обществом тамплиеров³. «Для совместных действий, направленных к успеху нашей страны»⁴, — так объяснял цель соединения Заблоцкий. За этим несколько туманным определением скрывалась реальная и серьезная подготовка к вооруженной борьбе. Условия соединения обществ требовали от тамплиеров внесения в кассу Патриотического общества 10 тыс. злотых, предназначенных главным образом на подготовку вооруженного восстания⁵. Кроме того, руководство Патриотического общества запросило у тамплиеров сведения о том, сколько они смогут поставить вооруженных людей и лошадей для формирования польских военных частей⁶.

¹ «Восстание декабристов», т. XI, стр. 78.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 227 (показание Карвицкого).

³ Общество тамплиеров (храмовых рыцарей) основано в 1821 г. польским капитаном Ф. Маевским по типу масонских обществ. В обществе была создана четвертая, высшая, степень в которой объявлялась политическая цель общества — независимость Польши путем вооруженного восстания. К 1825 г. общество насчитывало 34 члена. Многие из них одновременно состояли членами Патриотического общества (*Sz. Askenazy, Łukasiński, t. II, str. 80*).

⁴ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 77.

⁵ Там же, л. 76 (показание Заблоцкого).

⁶ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 123 (показание Маевского).

На переговорах было решено вести подготовку и ожидать, когда в России начнется революция. А до этого, как призывал глава Патриотического общества Солтык, нужно «хранить спокойствие, пока в Российском государстве не произойдет совершенная перемена»¹.

После киевских переговоров замечается некоторая активизация во взаимоотношениях между русским и польским тайными обществами. В течение весны и лета 1825 г. состоялись встречи в Бердичеве и Житомире. В мае Швейковский встретился в Житомире с Мошинским. Главным предметом беседы была взаимная информация об установлении связей в Литовском корпусе. Мошинский сообщил, что ездил в распоряжение частей корпуса, но без большого успеха, он узнал лишь, что там «дух, противный нашему». Кроме этого вопроса Мошинский по указанию Яблоновского старался получить подробную информацию обо всем, что происходит в русском тайном обществе². В мае же по письменному указанию Пестеля состоялось свидание Волконского с Мошинским в Бердичеве. Предполагалось, что там будет и Яблоновский, но его в Бердичеве не оказалось. На следствии Волконский не раскрыл подробностей разговора во время этой встречи, ограничившись признанием, что встреча была «по делам общества» и что Мошинский, между прочим, сообщил «некоторые известия о сейме»³.

Важное значение должна была иметь встреча Пестеля с Яблоновским в Бердичеве в 1825 г., о которой было условлено еще во время киевских переговоров⁴. Целью этих переговоров было уточнение и конкретизация некоторых спорных вопросов, «дабы тогда уже положительнее устроить взаимные отношения и предметы соглашения обоих обществ, после свидания к[нязя] Яблоновского с его Директориею».

Близкий друг Пестеля Лорер показал, что в мае 1825 г. полковник Пестель действительно ездил в город

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 77 (показание Заблоцкого).

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 473 (показание Мошинского).

³ «Восстание декабристов», т. X, стр. 133.

⁴ «...Мое свидание с к[нязем] Яблоновским кончилось тем, что мы предназначили для дальнейших переговоров видеться в Бердичеве с ним или с тем, кто от него прислан будет...» («Восстание декабристов», т. IV, стр. 164 (показание Пестеля).

Бердичев. Однако эта поездка не увенчалась успехом. Пестель, возвратившись из Бердичева, сказал Лореру, что он там никого не видел. Это подтверждается и свидетельством самого Пестеля: «Я ни разу в Бердичеве ни одного польского члена не видал»¹. Из свидетельства того же Лорера мы узнаем, что «Пестель ездил в Бердичев неоднократно», не сообщая, однако, с кем и о чем имел беседы. Настоятельное желание встретиться с представителем Патриотического общества объясняется тем, что у ряда членов Южного общества (особенно Васильковской управы во главе с С. Муравьевым и М. Бестужевым) в это время появилось мнение о перенесении начала восстания со второй половины лета на весну 1826 г. Преобладало также мнение в пользу начала восстания не в столице, а здесь, на юге, так как южане рассчитывали использовать все увеличивающийся «дух недовольства» в войсках 3-го корпуса и надеялись, «что первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие и что посланные войска против нас к нам же присоединятся»². Сторонники этого плана предлагали воспользоваться царским смотром войск, намечавшимся на май 1826 г., убить царя и начать восстание³. Этот план, как утверждал Бестужев, одобрялся и некоторыми руководителями Северного общества, в частности С. Трубецким, который заявил Бестужеву, что он «на все согласен и все в полной мере одобряет»⁴. На следствии он показал по этому поводу: «Я поручил Бестужеву-Рюмину уверить Пестеля, что я готов действовать...»⁵ Пестель вначале возражал, считая подобные действия преждевременными. Он «полагал, что нужно еще общество распространить», т. е. добиться увеличения численного состава общества. Но в июле 1825 г. Пестель срочно вызвал к себе в Линцы Бестужева и, когда тот прибыл, дал указание Васильковской управе «самым вернейшим образом приготовить 3-й корпус к восприятию действий на общем смотре в 1826 году»⁶.

В августе 1825 г. неожиданно был отстранен от командования Алексопольским пехотным полком член общества

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 121.

² «Восстание декабристов», т. IX, стр. 112.

³ См. М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. II, стр. 129.

⁴ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 171.

⁵ «Восстание декабристов», т. I, стр. 100.

⁶ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 112, 113.

И. С. Повало-Швейковский. Это встревожило южных декабристов. Возникло подозрение, что командованию стало известно о принадлежности его к тайному обществу. Это могло повлечь за собой раскрытие всего общества. У руководителей Васильковской управы появилась мысль немедленно начать восстание, одновременно известив об этом польское тайное общество с целью получить поддержку поляков и начать совместное выступление. Член Южного общества полковник Враницкий показал на следствии, что Повало-Швейковский заявил товарищам по тайному обществу: «... У меня отняли полк и, видно, хотят всех членов нашего общества по одному разобрать, но до того не надобно допускать... когда один член в опасности, то сейчас надобно начинать действовать. Я сейчас напишу к Пестелю и Мошинскому, чтобы приготовились, дабы всем вдруг начать действие». Как утверждает Повало-Швейковский, мысль о немедленном восстании с привлечением поляков высказал С. Муравьев: «Чего ожидать? легко случиться может, что и другим командирам, принадлежащим к обществу, откажут от полков, и тогда можно ли ожидать какого успеха? надо решиться! и объявил, что он намерен послать в Петербург, Москву, к Пестелю, во II армию и к полякам, чтобы начать действие»¹.

Южные декабристы не решились выступить на этот раз, однако мысль известить руководителей польского тайного общества и выступить совместно является еще одним доказательством того, что декабристы после происшедших переговоров и заключенных соглашений считали польских революционеров своими союзниками.

Новое неожиданное обстоятельство еще более уверило декабристов в возможности и необходимости скорого начала действий. Во время летних так называемых Лещинских лагерей произошло присоединение к Южному обществу целой новой тайной организации — Общества соединенных славян.

¹ «Восстание декабристов», т. XI, стр. 145, 332, 174. Решение о начале выступления подтверждается и показанием С. Муравьева: «В 1825 г. при сборе корпуса в Лещине, когда был отнят полк у Швейковского, решились опять действовать» («Восстание декабристов», т. IV, стр. 258).

4. ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Основание Общества соединенных славян являет собой яркую страницу в истории зарождения революционного союза декабристов с польскими борцами за свободу. У колыбели этой тайной декабристской организации вместе с русскими дворянскими революционерами — офицерами братьями Борисовыми стоял польский шляхетский революционер Юлиан Люблинский.

Если руководители и наиболее влиятельные члены Северного и Южного обществ в большинстве по социальному положению принадлежали к русской аристократии и богатому дворянству, боролись против устоев, на которых держалось их материальное благополучие, то в лице братьев Борисовых мы видим представителей совершенно иной социальной среды. Это был, по выражению М. Н. Покровского, «самый нижний слой не всей общественной пирамиды, но ее верхушки»¹.

Андрей и Петр Борисовы родились в семье окончательно обедневшего дворянина, по существу уже «выпавшего» из этого сословия. Отец их не имел ни земли, ни крепостных и содержал семью на скудное жалованье сельского архитектора. Борисовы из-за бедности не могли учиться в заведениях, куда открывала им доступ принадлежность к дворянству. Их учителем был их собственный отец. Он, видимо, и привил своим жаждущим знаний сыновьям любовь к книгам и страсть к изучению общественных наук. Едва ли не самыми любимыми их книгами были: История древней Греции и Рима, труды французских философов. Чтение книг рано развило у пытливых юношей самостоятельность мышления. «Я любил читать и размышлять, — признается в своем показании Петр Борисов, — всякую новую мысль хотел прежде нежели сделать ее своею разобрать и доказать самому себе истину оной...»².

Знакомство со знаменитыми образами деятелей древней Греции и Рима, изучение трудов французских прогрессивных мыслителей, дополненное непосредственным наблюдением жизни, особенно крепостного гнета, способство-

П. И. Борисов

¹ М. Н. Покровский, Декабристы. Сборник статей, ГИЗ, М.—Л. 1927, стр. 74.

² «Восстание декабристов», т. V, Госиздат, М.—Л. 1926, стр. 22.

вало формирование у юношей революционного сознания. Именно горячее стремление отдалиться делу борьбы за свободу своей родины вскоре привело Борисовых к мысли о создании тайного общества. «Видя разные несправедливости и угнетения в империи и имея воспаленное воображение насчет любви к отечеству, — признавался на следствии Андрей Борисов, — я вознамерился составить тайное общество с той целью, чтобы требовать по усилению оно от государя положительных законов, коим бы он сам был подвластен»¹.

В 1816 г. братья Борисовы поступили на военную службу юнкерами в 52-ю Легкую роту 26-й артиллерийской бригады, стоявшей тогда в местечке Решетиловке, Полтавской губернии.

Перед ними как бы открылась новая, притом неприглядная страница жизни русского общества. Они встретились здесь с чудовищным унижением человеческого достоинства. Жестокость начальников с подчиненными и особенно с рядовыми солдатами превосходила всякое представление. Наблюдая эти картины, сами подвергаясь различного рода унижениям и оскорблениям, Борисовы уже в состоянии были понять, что такое положение в армии порождалось существующим государственным строем. Это еще более укрепляло их в решении вступить на путь борьбы с этим строем, внушило, по выражению Петра Борисова, «дух преобразования»².

Идея борьбы за свободу нашла свое выражение в создании в мае 1818 г. Общества первого согласия³, которое должно было действовать по правилам «Пифагоровой секты»⁴. Это общество вскоре было преобразовано

¹ «Восстание декабристов», т. V, стр. 82. О намерении требовать от монарха «положительных законов» сказано было, очевидно, с целью скрыть от следствия свои республиканские взгляды. Он и его брат Петр не раз в последующих показаниях подчеркивали свою «любовь к демократическому правлению».

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 52. Петр Борисов относит дату основания Общества первого согласия на май 1817 г. (см. там же, стр. 88).

⁴ Общество, основанное в конце VI в. до н. э. греческим философом Пифагором и преследовавшее цели религиозно-нравственного воспитания. Образ Пифагора широко использовался, между прочим, в литературе французского просвещения. Пифагор изображался как борец против тирании и гнета церкви за республиканские идеалы. Особенно богато наделял его такими чертами французский писатель-

в Общество друзей природы. В него Борисовы пригласили юнкера Волкова, а через некоторое время в члены вступили юнкеры Корсун и Лукьянович.

Но и это общество с его полумасонскими «правилами», не шедшими на первых порах дальше нравственного усовершенствования, постепенно перестало удовлетворять растущее революционное сознание его основателей. Действительность требовала более решительных действий и такой тайной организации, которая бы соответствовала политическим идеалам военной молодежи, разделявшей настроения братьев Борисовых.

В 1822 г. в Новоград-Волыньск, где тогда стояла 8-я артиллерийская бригада, в которой находились братья Борисовы, был приведен под конвоем в цепях польский шляхтич Юлиан Люблинский, высланный из Варшавы по месту жительства за участие в тайных революционных обществах. Вскоре, по-видимому, произошло знакомство Борисовых с Люблинским.

Эта встреча и знакомство оказали большое влияние на реализацию плана, задуманного братьями Борисовыми. Именно с этого момента начинается краткая, но интересная история Общества соединенных славян, знаменовавшего собой воплощение русско-польского революционного союза. Два революционных ручейка, пролагая путь в одном направлении, соединились и устремились к единой цели, влившись вскоре в еще более мощный общий поток декабристского движения. Значение этого факта состоит еще и в том, что русские дворянские революционеры братья Борисовы нашли в лице Люблинского человека, политические идеалы которого соответствовали их взглядам.

Это были люди, вышедшие из одинаковой социальной среды, хотя жизнь сложилась у них по-разному.

Что касается Люблинского, то до последнего времени было очень мало известно о его жизни до ссылки в Новоград-Волыньск и, в частности, о его студенческих годах, проведенных в Варшаве. Единственным свидетельством, указывающим на его участие в революционном движении,

революционер Марешаль в изданном им в 1799 г. произведении «Voyage de Pithagore...», в котором автор проповедовал идеи утопического коммунизма. Этот труд был переведен на многие европейские языки. Возможно, что с ним были знакомы также и братья Борисовы.

до последнего времени являлось упоминание в «Записках декабриста И. И. Горбачевского» о том, что «Люблинский (Юлиан) в 1823 г. из Варшавы был приведен в кандалах в Новоград-Волынь, Волынской губернии, за участие в польском тайном обществе...»¹ Слабое исследование источников по этому вопросу привело к тому, что это свидетельство Горбачевского было поставлено под сомнение. М. К. Азадовский, например, сомневается в достоверности приводимого в «Записках» факта об аресте и ссылке Люблинского под надзор полиции в Новоград-Волынь². Такой же точки зрения придерживался и А. Пресняков, вступивший в полемику с М. В. Нечкиной, впервые в советской историографии в 1927 г. обратившей внимание на этот факт в «Записках... Горбачевского» как на вполне достоверный³.

Нет единого мнения о Люблинском и в польской литературе. Так, Л. Баумгартен высказал наиболее близкое к истине предположение, что Люблинский принадлежал к «Союзу свободных поляков»⁴. Он сделал попытку выяснить связи Люблинского с тайными студенческими организациями в Варшаве. Однако, не имея в своем распоряжении документов, проливающих свет на революционные связи Люблинского, он не смог документально обосновать выдвинутое положение. Другой польский историк — Г. Батовский в рецензии на книгу Баумгартена, не отрицая факта участия Люблинского в револю-

¹ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 369.

² См. «Воспоминание Бестужевых», АН СССР, М. 1951, ред., примеч. и комментарии М. К. Азадовского, стр. 784. В комментариях к статье «Рассказы М. и Е. Бестужевых в записках Семевского» М. К. Азадовский пишет: «В какой мере этот рассказ (о Люблинском. — П. О.) справедлив, пока не установлено...» При этом он ссылается на то, что в делах следственной комиссии нет никаких указаний на первый арест Люблинского, сам он в опросных пунктах сообщил: «Под судом и в штрафах никогда не был» («Восстание декабристов», т. V, стр. 414).

³ См. М. В. Нечкина, Общество соединенных славян, М.—Л. 1927, стр. 24.

⁴ L. Baumgarten, str. 104. Свое предположение Баумгартен основал на весьма веском документе, которым является «Рапорт комитета о просмотре бумаг тайной полиции, учрежденного в Варшаве в 1831 г.» Из этого рапорта явствует, что в 1822 г. «Люблинский, вольнянин, ранее секретарь князя Адама Чарторьского, попечителя Виленского университета, позднее учащийся Варшавского университета, был арестован как обвиненный в принадлежности к студенческим обществам и заключен в арсенале».

Юлиан Люблинский

ционных студенческих организациях в Варшаве и ареста его в 1822 г., предполагает, что это не тот Люблинский, который затем явился одним из основателей декабристского Общества соединенных славян, а совершенно другое лицо¹.

Теперь в распоряжении исследователей имеется еще один очень важный документ, помогающий выяснению этого вопроса. Это так называемая «Памятная записка 1829 г., июля 12 дня», являющаяся отрывком автобиографии Люблинского. Она найдена и введена в научный оборот Н. П. Чулковым². Этот документ не оставляет более сомнения в том, что Люблинский — член тайной польской организации, сосланный в Новоград-Волынь, и Люблинский — организатор Общества соединенных славян — одно и то же лицо. В «Памятной записке» говорится, что Юлиан Люблинский родился на Волыни 6 ноября 1798 г. С 1803 по 1809 г. учился в уездном училище. Некоторое время служил в земском суде, затем год учился в Кременецком лицее, после чего поступил в канцелярию попечителя Виленского университета князя А. Чарторьского. В 1819 г. был принят в Варшавский университет, где вскоре примкнул к прогрессивному студенчеству. В 1820 г. Люблинский принимал участие в собраниях студентов, которые устраивались «для взаимного обмена научными сообщениями». Некоторое время власти не препятствовали таким собраниям. Когда стало известно, что на одном из собраний студенты отметили день Конституции 3 мая, власти не замедлили принять предостерегающие меры. Одних выслали из Варшавы, другим велели уехать, а третьим, сделав выговор через университетское начальство, разрешили кончить курс. В числе последних был и Юлиан Люблинский³.

¹ См. «Kwartalnik historyczny» № 2 (7), 1954, Warszawa, str. 142. «Следует, однако, опасаться, — пишет Г. Батовский, — что отождествление (identyfikowanie) этой личности с Люблинским, арестованным в 1822 г. в Варшаве, бывшим секретарем Чарторьского и студентом Варшавского университета... не является правильным, ведь это мог быть другой Люблинский». Г. Батовский, ссылаясь на упомянутые выше предположения М. К. Азадовского, также сомневается в достоверности факта, касающегося ареста и высылки Люблинского, изложенного в «Записках... Горбачевского». Между тем это сомнение не имеет оснований.

² См. «Литературное наследство», т. 60, кв. 1, стр. 246—249.

³ См. там же, стр. 246.

Среди исключенных из университета и высланных из Варшавы был друг Люблинского, член «Союза свободных поляков» Калиновский, с которым Люблинский был в переписке. Через некоторое время за принадлежность к тайному обществу Калиновский был арестован. У него, по-видимому, нашли письма Люблинского, и это послужило поводом к аресту последнего. Люблинский писал, что именно в связи с этим его допрашивали, «посадили в тюрьму и в конце концов, когда ни в чем обвинить не могли, выслали в 1822 г. в окопах в Новоград-Волынь, с тем чтобы он проживал там под надзором полиции и нигде оттуда не выезжал». «Записка» Люблинского подтверждает его знакомство с братьями Борисовыми и участие в основании Общества соединенных славян.

Итак, принадлежность Юлиана Люблинского — одного из руководителей «Соединенных славян» — к тайному революционному обществу в Варшаве не может вызывать никаких сомнений. Что же касается гипотезы Л. Баумгартена о принадлежности Люблинского именно к «Союзу свободных поляков», то она еще нуждается в дальнейшем подтверждении.

Имеющиеся в нашем распоряжении еще неизвестные и не опубликованные документы, хранящиеся в Варшавском государственном архиве древних актов, в сопоставлении с другими данными позволяют сделать некоторое уточнение. Эти документы относятся ко времени пребывания Люблинского в Новоград-Волыньске. Первый из них — доведения полицейского агента Генриха Макрота¹ о беседе с Люблинским, второй — письмо Люблинского графине Замойской. Они содержат новые сведения о его революционных связях, о которых ранее почти ничего не было известно. Тайный агент полиции Макрот, который

¹ Генрих Макрот — известный в то время полицейский агент-провокатор, доставлявший шпионские сведения лично Константину Павловичу. Поступив в 1817 г. на медицинский факультет Варшавского университета, он старался проникнуть в тайные студенческие организации, а потом доносил об их деятельности Константину или начальнику штаба Литовского корпуса ген. Курутте. Ему удалось пролезть в одно из тайных студенческих обществ. Имя Макрота значится в одном из списков участников тайных собраний в Английской гостинице в Варшаве и на квартире студента Адама Замойского (см. «Kwartalnik historyczny», rocznik XVIII, 1904, Lwów, str. 272). Данные о Макроте см. в кн. Sz. Askenazy, Łukański, t. 1, str. 302.

знал Люблинского еще по студенческому кружку в Варшавском университете, был, видимо, подослан в тюрьму к Люблинскому с целью использовать личное знакомство с ним, выведать у него данные о тайном обществе, к которому он принадлежал. Будучи уверен, что Люблинский пожелает иметь свидание с коллегой, и рассчитывая на его откровенность, Макрот стал появляться под окном камеры Люблинского, стараясь привлечь его внимание. Расчет агента оказался верным. Он был замечен Люблинским, жаждавшим с ним поговорить. 25 августа Макрот уже докладывал о том, что ему удалось назначить свидание с Люблинским ¹.

На другой день Макроту удалось увидеться и поговорить с Люблинским. Судя по содержанию донесения, посланного в тот же день великому князю Константину Павловичу, беседа Макрота с Люблинским была продолжительной и велась вокруг вопросов, связанных с деятельностью Люблинского в тайном студенческом кружке.

Донесения Макрота подтверждают, что Люблинский родился на Волыни и прибыл в Новоград-Волынский 16 ноября 1818 г. по паспорту, выданному губернатором Гжицким, и был служащим при маршале. В это время он приобрел некоторое имущество и деньги, что позволило ему содержать мать и сестер. После этого он был секретарем у князя Чарторьского в Пулавах ². Затем он уехал в Варшаву, чтобы закончить свое образование, где одновременно работал в канцелярии комиссии внутренних дел и полиции.

Из беседы с Люблинским Макрот узнал, что он посещал собрания молодежи сначала у некоего Левинского из Белостока. Но, в связи с тем что в доме Левинского проживал агент полиции Сикорский, собрания перенесли в квартиру Добржанского. Молодые люди, которые там собирались, были большей частью студенты. Число их было довольно значительно. Среди них были Добржанский, Левинский, Рачинский, Дзвонковский, Ясинский (чиновник канцелярии генерала Ланге), Лигенца, Смаг-

¹ AGAD, Tajna policia Konstantego, wol. 46, l. 65 (донесения Макрота написаны на французском языке).

² Упоминание о пребывании Люблинского на работе в качестве секретаря у князя Чарторьского имеется также в бумагах попечителя Виленского учебного округа (Госархив Литовской ССР, ф. 721, ед. хр. 22, л. 4, 5).

*Varsovie. Le nommé Lubinski Emprisonné
25. Aout.
6. Septem.
1822.* Le nommé Lubinski Emprisonné
au Corps de Garde près de l'Ar-
senal, a essayé aujourd'hui chez
moi et m'a fait dire qu'il a
très besoin de me parler. Je suis
venu à ce Corps de Garde mais
l'officier du garde ne m'a pas
voulu permettre de me voir avec
le fusil Prisonnier; — je me
suis pourtant approché de la
fenêtre du Prison et Lubinski
m'a voulu dire quelque chose,
mais les soldats m'ont remarqué
et je fus obligé de m'éloigner.
Je m'ai vu seulement qu'il y
viendra demain à 11 heures du
matin — Je connais Lubinski
de ce qu'il a fréquenté avec
moi aux études dans l'Année
depuis de Varsovie.

Фотокопия донесения полицейского агента Макрота о встрече с Юлианом Люблинским в тюрьме 25 августа 1822 г.

ловский, Лей, Михайловский, Грабовский, Зглищинский, Кучковский, Марковский.

29 августа Макрот в очередном донесении сообщил: «Люблинский прислал мне вчера через мальчика моего отца ¹ письмо, которое просил передать в собственные руки графине Замойской» ². Письмо, о котором упоминает Макрот, Люблинский хотел послать через него, надеясь, что тот немедленно доставит его адресату. Вместо этого

¹ Отец Генриха Макрота Тобиаш Макрот был также агентом тайной полиции великого князя Константина. Он являлся личным парикмахером Константина. Это давало ему возможность ежедневно бывать у великого князя, не вызывая подозрений, и лично передавать ему донесения (Sz. Askenazy, Łukasiński, t. I, str. 302).

² AGAD, wol. 46, l. 80. Замойские — родственники Адама Чарторьского. Люблинский, пользуясь тем, что графиня Замойская имела большие связи с правительственными кругами, решил обратиться к ней за помощью.

Jasnie Wielmożna Pani

Wdzięczny panu za należną do tajemny
towarzystwa, przychodzi z prośbą do Jasnie Wielmo-
żnej Pani aby raczyła takżewi wcielić w Kan-
celary, który tym bardziej jest niezgodnym, im
się nieprosząc do żadnej podobnej wzię-
jącej w domu z wotynia, bytem w Kijem Cien-
na Ciastanickim w kancelaryi Jego jako kum-
bram Uniwersytetu w Kijewie, za sekretarza i toż
wielu, stamtąd Jakiżewi swoje swoje zastępcy, ze
Komendantem swym tu w Warszawie, gdzie odbyła
nauka w Uniwersytecie, i zastępcami tu w Kijewie

Wierzę, że pan utracił wszystkie, kłamstwo
i osobista, wolność, i życzę Jasnie Wielmożna Pani
Zastępcy swoje swoje, i doprosić, jakie
niezgodności.

Dziękuję bardzo panu jak zwykle, i
znowu

Фотокопия письма Юлиана Люблинского

Макрот как истый полицейский агент, пренебрегая просьбой, приложил письмо к своему донесению. Этот единственный сохранившийся от додекабристского периода автограф Люблинского и документ, подтверждающий факт его ареста, находится и поныне в бумагах Макрота. Из донесения Макрота также видно, что Люблинский был довольно сдержан в раскрытии своего участия в тайном студенческом кружке и старался умалить свою роль в нем. Вполне естественно, что его заставило насторожиться чрезмерное любопытство Макрота, который, стараясь подробнее выведать о конспиративных связях Люблинского, мог чем-нибудь выдать свое профессиональное любопытство полицейского сыщика и тем вызвать

zwyczajny przypadek do ofiaty, i nie
tu kreowal ani krajomych, ktorych bym wyprawa
toni musiał błagać, z groźbą 24/8, i tożnogo, ale ja
i tego zabrakło.

Chcę Jasnie Wielmożna Pani doprosić, jakie
i wyprawa mieliby z tego niebezpieczeństwa, którego imię
promieć nie może, jacyżewi, niejednym, w miarę
tem bardziej odnieca takżewi, i tożnogo, i tożnogo,
Znajdziemy urzędowaniem swoim

J. W. Lublinski Dobrodzie

D. 9. Wierenia 1822.

na Kuchniański przy Arsenale

Małżonka moja

Juliana Lublinski

графине Замойской от 28 августа 1822 г.

подозрение. Люблинский, однако, назвал фамилии 13 участников тайных собраний, из которых один лишь Калиновский являлся членом «Союза свободных поляков».

Таким образом, эти документы позволяют внести уточнение в гипотезу о принадлежности Люблинского к «Союзу свободных поляков». Они позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что Люблинский принадлежал к одному из тайных студенческих обществ, руководимых «Союзом свободных поляков», что он воспринял революционные идеи этого союза и не изменил своих революционных взглядов после репрессий и высылки на родину. Находясь в Новоград-Волыньске, он, несмотря на полицейский надзор, стал искать единомышленников,

борцов за свободу. Он нашел их в лице русских дворянских революционеров — братьев Борисовых.

Естественно, что братья Борисовы, революционные, республиканские убеждения которых к этому времени сложились окончательно, нашли в Люблинском много созвучного своим политическим настроениям. Люблинский, воспитанный на свободолюбивых идеях, пропагандировавшихся «Декадой», имевший уже опыт борьбы, к тому же знакомый с произведениями Монтескье, А. Смита и других прогрессивных для того времени мыслителей, был высоко оценен братьями Борисовыми. Недаром Петр Борисов, рассказывая на следствии об обстоятельствах знакомства с Люблинским, признает, что он «показался ему человеком опытным». Борисовы пригласили его быть в числе основателей нового общества как человека опытного в конспиративной революционной деятельности.

Но братья Борисовы не сразу открыли перед ним свои новые революционные планы. Проявляя осторожность, они сообщили ему лишь расплывчатые «правила» Общества друзей природы. Эти цели и «правила» для Люблинского с его революционными взглядами представлялись чересчур наивными¹. Такое «прощупывание» взглядов Люблинского достигло цели: Борисовы увидели, что Люблинский по своим воззрениям близок к ним, стали спрашивать его, каковы же его взгляды на тайное общество и тут же предложили ему написать лучшие правила.

Люблинский, будучи связан их доверием, не мог не открыть своего мнения. Это помогло выявить общность взглядов. Оказалось, что Люблинский познакомился с Борисовым как раз в тот момент, когда они сами разрабатывали планы революционной организации. Появление нового единомышленника ободрило Борисовых. Объединение передовых представителей двух братских народов в одном обществе оказало решающее влияние на характер и цели создаваемого общества. В намечавшуюся и в общих чертах уже вырисовывающуюся идею завоевания республики и демократических преобразований, вынашиваемую

¹ «В городе Новоград-Волынске, — показывает Люблинский, — Борисовы старались познакомиться со мною и, успев в том, открыли мне, что они находятся в обществе, но не помню, под каким названием и какая оно была цель... показали мне правила одного общества, но я, рассмотрев, рассмеялся и назвал их маленькими философами...» («Восстание декабристов», т. V, стр. 419).

Борисовыми, влилась новая идея: единение, братский союз славянских народов, высказанная Люблинским.

«Я... сказал им (т. е. братьям Борисовым. — П. О.), — признался Люблинский на следствии, — что лучше будет искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, а то через соединение отраслей славянских, посредством катехизиса или правил, ибо мы все, говорил им, есть славяне и из одного племени происходим»¹.

Истоки этой идеи восходят к идеологии «Союза свободных поляков», боевой орган которого «Декада Польска» писала в одной из статей, что федерация является «лучшей формой существования народов», «вершиной совершенства права народов», ибо «в ней насилие уступает справедливости»². То, что Люблинский высказал эту мысль своим новым друзьям, лишней раз показывает, как тесно был он связан с «Союзом свободных поляков», проникся его идеологией, проводить которую считал своим кровным долгом.

Итак, идея единства славянских народов в борьбе с деспотизмом, высказанная Люблинским, соединилась с идеей республиканского устройства, вынашиваемой братьями Борисовыми. Основатели общества мечтали о том, чтобы знамя свободы развевалось над всеми братскими народами. «Соединить вместе все славянские поколения и сделать оные свободными показалось мне предприятием блистательным, ибо я думал через то доставить счастье не только моим соотечественникам, но даже другим народам»³, — смело говорил на следствии Петр Борисов. В другом показании он несколько конкретизировал свою мысль, признав, что цель создаваемого тайного общества состояла «в том, дабы все славянские поколения, приняв каждое конституцию, более ему приличную, были соединены между собой федеративным союзом»⁴. Эту идею целиком воспринял Люблинский, и в этом чувствуется взаимное влияние представителей революционного движения обоих народов; польские революционные организации того времени не имели еще ясной программы по этому вопросу, так как на первый план выдвигалось национальное освобождение. Общение с Борисовыми помогло ему занять

¹ «Восстание декабристов», т. V, стр. 419.

² «Dekada Polska» № 9, 1821 г., стр. 150.

³ «Восстание декабристов», т. V, стр. 28.

⁴ Там же, стр. 18.

четкую позицию в этом кардинальном вопросе революции. О восприятии им республиканской идеи как своей он признавался и на следствии. «Намерение наше было соединить все славянские народы и составить федеративную республику»¹.

Идея славянского единства на республиканской основе нашла выражение в составленных основателями общества «Правилах» (или «Катехизисе»), а также в тексте клятвенного обещания. Эти документы представляют собой изложение основных программных установок Общества соединенных славян. Они носят на себе печать незавершенности, содержат неясные формулировки, в них заметно сильное влияние полумистических правил и клятв, принятых в масонских ложах. Однако почти каждый пункт пропитан идеей славянского единения, идеей борьбы с деспотизмом и крепостничеством. Для характеристики приведем некоторые из 17 «Правил соединенных славян»:

«Не желай иметь раба, когда сам быть рабом... не хочешь;

Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку ласкать не будешь;

Простота, трезвость и скромность сии блюстительницы сохранят твое спокойствие;

Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих;

Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов; пользоваться же только истинно хорошими обязан;

Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека;

Будешь добродетельным и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести;

Употребишь даже свое оружие, если того нужда будет требовать на защиту невинности, и от несправедливости и мщениа не погибнешь, ибо друзья твои защищать тебя будут;

Будешь помогать своим рассудком и своим оружием друзьям твоим, ибо и они также помогать тебе будут;

¹ «Восстание декабристов», т. V, стр. 412.

Будешь таким, и гордость тирании с своею суетностью падет пред тобою на колена;

Ты еси Славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в середине оных воздвигнешь город и в нем богиню просвещения и своим могуществом на трон посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оно с дороги, тобою начертанной, совращаться не будет;

В портах твоих, славянин, будут цвести торговля и морская сила, а в городе, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станет;

Желаешь иметь сие! соединишь с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя»¹.

Вступающий в Общество соединенных славян должен был на оружии дать торжественную клятву быть верным намеченной цели — бороться за свободу. «Вступая в число соединенных славян для избавления себя от тиранства и возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, — гласит текст Клятвенного листа, — я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь, что для меня есть божество и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели... Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян»².

Идея всеславянского единения с установлением республиканского строя нашла поддержку со стороны части офицеров. Об этом свидетельствует то, что со дня основания Общество соединенных славян непрерывно росло и насчитывало к моменту слияния с Южным обществом 51 члена³. Эта цифра говорит о сочувствии среди русских прогрессивно настроенных офицеров идее братского союза славянских народов и революционного союза с Польшей, в частности.

¹ «Восстание декабристов», т. V, стр. 12—13.

² Там же, стр. 17—18.

³ Подробный список членов общества, составленный М. В. Нечкиной, опубликован в ее монографии «Общество соединенных славян». М. В. Нечкина предполагает, что членов было даже больше, но имена их не нашли отражения в документах и остались нам неизвестными.

Организаторы Общества соединенных славян вслед за его основанием занялись выработкой программных установок, которые они изложили в двух документах — в так называемых «Правилах» и в «Клятвенном обещании».

Петр Борисов, желая отвести вину от Люблинского, в своих показаниях на следствии пытался утверждать, что программные документы написаны им, Борисовым, а Люблинский лишь перевел их на польский язык¹. Однако сам Люблинский в показаниях следствию не отрицал своего участия в составлении программных документов общества. Он признался, что братья Борисовы после высказанного Люблинским неодобрения написанных ими «Правил» Общества друзей природы предложили ему написать лучше. Люблинский, «будучи связан их доверием», высказал свою мысль «искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, а то через соединение отраслей славянских, посредством катехизиса или правил». Борисовы, «согласившись, беспрестанно беспокоили меня, чтобы я к тому приступил, называя меня ленивцем...» Люблинский показывает далее, что «не по своей воле, при совместных советах написал я на польском, а младший Борисов на русском диалектах — и знаки при них же Борисовых положили...», а несколько ниже уточнил: «Правила или катехизис я с Борисовым написал»². Нет оснований не верить Люблинскому и отрицать его соавторство в составлении «Правил» или «Катехизиса».

Что же касается клятвенного обещания, то этот вопрос очевиден и не вызывает различных объяснений: авторами его были Борисовы, а Люблинский лишь перевел его на польский язык. Как бы то ни было, а вопрос об авторстве программных документов не может умалить роль Люблинского как одного из основателей Общества соединенных славян.

Общество соединенных славян не только по названию и цели, но и по составу с самого начала приобрело интернациональный характер, идея русско-польского революционного союза нашла в нем свое конкретное воплощение. Программные документы писались на русском и польском, а также и на французском языках. Из этого видно, что они предназначались для русских и польских читателей — членов тайного общества (известно, что как русские, так

¹ См. «Восстание декабристов», т. V, стр. 28, 30.

² Там же, стр. 419.

и польские дворяне употребляли французский язык наравне с родным). И мы видим, что общество вербовало новых членов как из числа русских, так и из числа поляков.

Вербовка новых членов происходила за счет представителей одной и той же социальной среды: это все или разорившиеся шляхтичи, или же низшие офицеры, выходцы из того же общественного слоя. Некоторые из них ранее состояли в других тайных обществах, но, узнав о существовании Общества соединенных славян, примкнули к нему.

Колоритной фигурой такого рода является шляхтич Фаддей Жебровский, который в начале 20-х годов на Волыни вел работу по распространению Общества филлолатов. Не представляется возможным установить, какую работу проделал Жебровский по распространению тайного филлолатского общества на Волыни¹. Однако он искал революционных связей, и эти поиски привели его к декабристскому Обществу соединенных славян. Он познакомился с П. Борисовым, Люблинским и с другими членами общества. Знакомство их состоялось, по-видимому, вскоре по приезде Жебровского на Волынь². В 1823 г. Жебровский был принят в члены Общества соединенных славян и влился вместе с ним в Южное общество декабристов в 1825 г. В 1824 и 1825 гг. Жебровский совершал продолжительные поездки в Варшаву и Вильно, якобы по делам своего шефа графа Ильинского³. Не исключена возможность того, что он использовал эти поездки для установления контакта с польскими революционными обществами.

Тютчевым и Громницким был принят в общество шляхтич Ипполит Скальмировский⁴. В 1824 г. П. Борисовым и отставным поручиком Красницким приняты в общество служащие имения графа Уварова (близ Новоград-Волынского) поляки Островский и Невенгловский⁵. Послед-

¹ Филлолаты поручали членам общества вести работу на местах. Например, в Кременце — П. Качковский, Фричинский, Левицкий; Рукевич — в Гродненской губернии и Белостокском округе.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 102, л. 16.

³ Там же.

⁴ ЦГИАМ, ф. 48, д. 129, л. 16—17 (показания Тютчева и Громницкого).

⁵ ЦГИАМ, ф. 48, д. 146, л. 6 (показание П. Борисова в деле Островского и Невенгловского). Борисов показывал, что они не были приняты в общество, а были только приглашены в Славянский союз им и Красницким.

них, видимо, завербовал в общество Красницкий, который также служил в имении Уварова и мог хорошо узнать их политические воззрения. Он же познакомил Островского и Невенгловского с П. Борисовым и рекомендовал для приема. После этого новые члены-поляки стали частыми гостями Борисова, познакомились с другими членами общества¹. В том же 1824 г. был принят в общество юнкер 8-й артиллерийской бригады Павел Казимирович Головинский, происходивший из семьи бедного волынского шляхтича².

Борисов питал глубокие симпатии к польским друзьям, становившимся в ряды борцов за общее дело. О симпатиях к полякам и стремлении крепить с ними революционный союз свидетельствует и то, что П. Борисов изучил польский язык.

Из русских в этот период вошли в общество офицеры-артиллеристы 8-й артиллерийской бригады — подпоручик Андреевич, прапорщик Бечаснов, подпоручик Горбачевский; из 9-й артиллерийской бригады — прапорщик Веденяпин, подпоручик Пестов, поручик Пензенского пешотного полка Громницкий, капитан того же полка Тютчев и др.³

Вместе с увеличением числа членов перед обществом встала неотложная задача его организационного оформления. Необходимо было, как вспоминает Горбачевский, «дать новое образование оному, учредить порядок в делах и подвергнуть членов ответственности за их действия». Речь шла о выработке устава, который бы заменил весьма расплывчатые и неясные «Правила», выработанные основателями общества.

Вскоре П. Борисов «написал проект окончательного образования общества», который был обсужден на собрании в марте 1825 г. в местечке Чернихове, близ Житомира⁴. На этом собрании были приняты лишь основные положения: во главе общества должны стоять президент и секретарь, избираемые на один год. Президентом был избран П. Борисов, секретарем — Иванов. Решено было также созвать более полное собрание членов общества

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 146, л. 4—5 (показание Горбачевского в деле Островского и Невенгловского).

² Там же.

³ См. «Восстание декабристов», т. V, стр. 20.

⁴ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 43, 44.

в августе 1825 г., воспользовавшись предстоящим лагерным сбором 3-го корпуса в местечке Лещин¹. Это собрание не состоялось, так как само Общество соединенных славян во время летних маневров 3-го корпуса слилось с Южным обществом декабристов.

Основатели Общества соединенных славян с самого начала проявили стремление к установлению контакта с другими тайными обществами. В материалах следствия имеется любопытное, к сожалению единственное, упоминание о намерении Люблинского установить связь с польским Патриотическим обществом через графа П. Мошинского. Это упоминание мы находим в показании Бечаснова².

Более успешными оказались поиски тайного общества в среде русского офицерства. Речь идет об открытии «славянами» Южного общества декабристов, с которым они слились³. Догадываясь о существовании тайного общества среди офицеров войск, расположенных по соседству, «славяне» через своего члена Тютчева, знакомого с С. Муравьевым-Апостолом по службе в Семеновском полку, получили подтверждение своей догадки. Тютчев после беседы с С. Муравьевым сообщил Борисову, что «сие тайное общество чрезвычайно сильно, и что в скором времени оно начнет переворот в России». Как свидетельствует далее Горбачевский, «сие известие поразило всех славян», и члены общества «требовали, чтобы немедленно были открыты сношения с Муравьевым...»⁴

Известие о существовании тайного Общества соединенных славян произвело не меньшее впечатление на руководителей Южного общества, которые со своей стороны поспешили установить связь с «соединенными славянами». В начале сентября 1825 г. М. Бестужев, до этого дважды встречавшийся с Тютчевым и Борисовым по поводу общества, по приглашению славян прибыл в местечко Лещин, и там, на квартире у подпоручика Пестова (члена общества), состоялась его первая встреча с членами

¹ См. «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 44; М. В. Нечкина, Общество соединенных славян, стр. 53, 55—56.

² «Восстание декабристов», т. V, стр. 276.

³ Подробно о присоединении Общества соединенных славян к Южному обществу рассказано в книге М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян».

⁴ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 44—46.

Общества соединенных славян; на встрече присутствовало около 20 человек¹. Бестужев спросил «славян» о их цели и планах и получил ответ, что «цель их — соединение всех славянских племен в одну республику, но что о планах еще совещаемо не было». Бестужев заметил на это, «что цель их неудобноисполнительна», и произнес пламенную речь в пользу быстрых и решительных действий. Объединяясь, сказал Бестужев, русские должны стремиться «на твердых постановлениях основать свободу в отечественном крае» и что это может совершиться только вооруженной силой. Но, чтобы «избежать долговременности и кровопролития революции французской, необходимо предварительно приготовить хорошую конституцию, дабы, разрушив существующий порядок вещей, его немедленно заменить лучшим». Тут же Бестужев сообщил, что у Южного общества «конституция уже давно сочинена», а потому, если «соединенные славяне» хотят «променять цель невозможную на истинно для России полезную, то они должны присоединиться к нашему обществу»².

Славяне согласились присоединиться, однако потребовали ознакомить их с конституцией Южного общества, копию с которой Бестужев обещал им «немедленно доставить»³. Через два или три дня члены Общества соединенных славян собрались в деревне Млыници, на квартире Андреевича, куда прибыл и Бестужев. Бестужев «читал отрывками» краткое изложение «Русской Правды», называемое «Конституция Государственный завет»⁴.

«Соединенные славяне» с восторгом приняли требования «Русской Правды» об установлении республики, ликвидации крепостного права. «Умы всех были обворожены близким и как бы несомненным преобразованием России»⁵, — так передает атмосферу, царившую на этом собрании, Горбачевский.

Но их волновал также вопрос: не помешает ли слияние с Южным обществом осуществлению поставленной «славянами» цели — освобождению от деспотизма всех сла-

¹ См. «Восстание декабристов», т. IX, стр. 116

² Там же.

³ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 50.

⁴ См. «Восстание декабристов», т. V, стр. 280—281. Текст этого документа см. «Восстание декабристов», т. VII, стр. 213—215.

⁵ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 48.

вянских народов. Глава общества высказал эти опасения Бестужеву: «...Подчинив себя безусловно Верховной думе Южного общества, будем ли мы в состоянии исполнить в точности принятые нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнет ли нас произволу сей таинственной думы, которая, может быть, высокую цель Славянского союза найдет маловажною...»¹

Бестужев-Рюмин постарался рассеять эти опасения и «доказывал, что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию; что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование». С особенной силой Бестужев подчеркнул, что «Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского союза — освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления...» Подводя итог сказанному, Бестужев заключил свою речь словами: «Наше соединение не только не удалит вас от цели, но, напротив того, приблизит к оной»². Доводы Бестужева, подкрепленные чтением выписки из «Русской Правды», окончательно убедили членов Общества соединенных славян в необходимости соединения. «Мысль о силе Южного общества, надежда видеть при своей жизни освобождение отечества и других славянских народов увлекла совершенно славян...» — повествует Горбачевский³. Общество слилось с Южным, образовав две новые управы: Пехотную — под руководством Спиридова и Артиллерийскую — во главе с Горбачевским.

5. РУССКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Присоединение «Соединенных славян» значительно увеличивало силы Южного общества, вселяло уверенность в успех революции. С подготовкой к выступлению связаны встречи Лунина и Пестеля с представителями Патриотического общества осенью 1825 г.

Недавно обнаруженные новые архивные документы позволяют более подробно осветить революционную дея-

¹ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 53.

² Там же.

³ Там же, стр. 54.

тельность Лунина в Варшаве. Донесения тайных агентов свидетельствуют о том, что, несмотря на аресты декабристов и членов польских тайных обществ, Лунин, сам ждавший ареста и вынужденный принимать меры предосторожности, продолжал встречаться с людьми, связанными с революционным подпольем. Лунин встречался с подполковниками Дризенем и Болшвиным¹. Правда, последние не фигурировали на следствии и суде, о них не упоминали подсудимые². Чаще всего Лунин встречался с полковником лейб-гвардии конно-егерского полка Зелионкой, незадолго перед декабрьскими событиями вышедшим в отставку, но не прекратившим связи со своими бывшими сослуживцами. Из показаний некоторых членов Патриотического общества Варшавской следственной комиссии видно, что Зелионка был давно связан с Крыжановским, часто бывал у него в гостях и, по всей вероятности, сам являлся членом польского Патриотического общества.

Зелионка неоднократно принимал участие в обсуждении работы общества³. Он же, оказываясь, пришел на выручку руководителям Патриотического общества, когда им, израсходовавшим на конспиративную работу часть полковой казны, угрожали неприятности, а, возможно, и опасность раскрытия тайного общества. Зелионка, по свидетельству Крыжановского, «дал взаймы» нужную сумму для возмещения потраченных денег из кассы полка⁴.

¹ В донесении агента от 31 декабря говорится, что «подполковник Лунин 30-го ездил на охоту, но вернулся без добычи, а вскоре прибыли к нему подполковники Дризен и Болшвин и отставной офицер Зелионка и долго у него были» (AGAD, Policja tajna Konstantego, ежедневные донесения, кн. 14, л. 571).

² Как русские, так и польские революционеры в большинстве были очень сдержаны в показаниях и старались по возможности не раскрывать своих конспиративных связей. К таким принадлежал и Лунин. На требование следственного комитета, предъявленное в Варшаве 24 марта 1826 г. при предварительном допросе, назвать других руководителей и членов тайного общества Лунин ответил: «Я поставил себе неизменным правилом никого не называть поименом» («Восстание декабристов», т. III, стр. 117). Благодаря этому многим членам тайных революционных организаций удалось избежать ареста и суда.

³ ЦГИАЛ, ф. 1167, д. 16, л. 67.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1345, д. 15, л. 210 (показание Крыжановского в деле Гродецкого). Предположение о принадлежности Зелионки к революционной организации подтверждается и тем, что он активно участвовал в польском восстании 1830—1831 гг., начи-

важное, но, к сожалению, до сих пор малоисследованное событие представляет осенняя «охота» 1825 г. в Оборах под Варшавой, в которой принимали участие видные русские и польские революционеры. В «охоте» приняли участие Крыжановский, Яблоновский, Лунин, Ворцель, И. Мицельский, Зелионка и другие, имена которых следственной варшавской комиссии выяснить не удалось¹.

Весьма существенным моментом в русско-польских революционных отношениях накануне восстания декабристов была встреча Пестеля с членом польского Патриотического общества Петром Лаговским.

Судя по показанию декабриста Лорера, последняя поездка Пестеля для переговоров с представителями польского общества состоялась или в конце лета или в начале осени 1825 г., т. е. незадолго перед восстанием декабристов. Лорер вспоминает о беседе с Пестелем в ноябре 1825 г., во время которой Пестель сказал Лореру, между прочим: «Недавно я ездил в Бердичев, в Житомир, чтоб переговорить с польскими членами, но у них не нашел ничего радостного. Они и слышать не хотят нам помочь и желают избрать себе своего короля в случае нашего восстания»². Этим переговорам Пестель придавал огромное значение ввиду приближавшихся решительных действий. Несомненно, что встреча состоялась, хотя и не могла удовлетворить Пестеля, так как поляки отказывались от совместного выступления в ближайшее время. Пестель глубоко переживал эту неудачу. Отказ поляков, несомненно, усилил его мрачное настроение, вызванное снижением активности членов Васильковской управы Южного общества и несогласованностью ряда принципиальных конституционных положений с Северным обществом. Именно в это время Пестель получил сведения, что правительству уже известно о существовании тайного общества, и он намеревался даже явиться в Таганрог к больному императору Александру I с повинной³.

ная с 29 ноября — момента начала восстания. В ту самую ночь, когда началось восстание, он командовал отрядом повстанцев на улицах Варшавы (см. «Воспоминания Колзакова», «Русская старина», май 1873 г., стр. 600).

¹ ЦГИАЛ, ф. 1345, д. 38, л. 16.

² «Записки декабриста Н. И. Лорера», Соцэкгиз, М. 1931, стр. 79.

³ См. там же, стр. 79.

Об осенних переговорах Пестеля с польской стороной, кроме свидетельства Лорера, почти ничего не известно. В следственных материалах отсутствуют какие-либо упоминания об этом факте. Между тем в польской литературе имеется еще один источник, который незаслуженно игнорируется декабристоведами. Это неопубликованные и потому малоизвестные мемуары видного деятеля Общества тамплиеров, а впоследствии — члена польского Патриотического общества, полковника Петра Лаговского, писанные им в эмиграции в Париже¹.

В опубликованной в 1845 г. в Париже брошюре Стемповского о Лаговском имеется упоминание, что Лаговский «был делегирован для переговоров с Пестелем на Волыни»². Это было как раз осенью 1825 г.³, что совпадает с указанием о поездке Пестеля. Шимон Аскенази, исследовавший рукопись мемуаров Лаговского⁴, передает интересные подробности переговоров Лаговского с Пестелем, которые, как свидетельствует автор рукописи, состоялись в лесу под Луцком. Польский представитель снова выдвинул вопрос о «возвращении польской собственности», т. е. восстановлении Польши в ее прежних границах, как непременном условии выступления поляков в союзе с русскими революционерами в предстоящем восстании. На вопрос Пестеля, где должна, по мнению поляков, проходить будущая русско-польская граница, Лаговский ответил, что Польше должны быть возвращены правобережная Украина и остальные земли, перешедшие к России по второму разделу Речи Посполитой. Пестель на это ответил: «Это слишком много», объясняя, что народы, населяющие эти земли, давно отпали от Польши и совершенно обрусели. Согласились на том, что вопрос о границе нужно решить путем опроса населения, «предоставив народам право решить, какую сторону они изберут». «Предоставим это времени, а теперь поговорим о союзе»⁵, — заключил Пестель.

¹ П. Лаговский умер в Париже в 1843 г. (*Stempowski, Żywot Piotra Łagowskiego, Paryż 1845, str. 10*).

² Там же, стр. 9.

³ «Polska, jej dzieje i kultura», t. III (1796—1830), str. 126.

⁴ Рукопись была приобретена Варшавской Национальной библиотекой, где и хранилась до недавнего времени. По наведенным мною справкам, она погибла во время пожара в период гитлеровской оккупации Варшавы. — П. О.

⁵ *Sz. Askenazy, Łukasiński, t. II, str. 401.*

Приведенное изложение содержания переговоров по территориальному вопросу имеет для нас большую ценность в том отношении, что помогает уяснить окончательную позицию Пестеля, занятую им после петербургских совещаний 1824 г.

Далее, как видно из этого источника, участники переговоров обсуждали вопрос о готовности обеих сторон к совместному выступлению. Пестель заинтересовался, на поддержку кого из польских генералов можно рассчитывать. Лаговский назвал Княжевича и Хлопицкого, о которых Пестель также отозвался с большим уважением, заметив, что остальные генералы, как польские, так и русские, — «глупые дикари».

Что касается русских полковников, то Пестель заявил Лаговскому, что они «все готовы» участвовать в восстании¹. Однако Пестель не услышал от польского представителя заявления о готовности к совместному выступлению, и он имел все основания быть неудовлетворенным встречей.

Вероятно, во время этих переговоров затрагивался вопрос и о приблизительном сроке начала восстания. Пестель сообщил польскому представителю о намечаемом русскими выступлении в мае 1826 г. Основанием для такого предположения является показание члена литовского филиала польского Патриотического общества Гружевского. В начале зимы, показывает он, руководитель филиала Ромер встретил его в Вильно и сказал: «Готовь к весне саблю»². Ясно, что речь шла о вооруженном выступлении весной 1826 г. А это совпадало с планом русских революционеров. Вряд ли такое совпадение было случайным. Вернее всего, что указание руководства Патриотического общества, полученное Ромером, является результатом встречи Лаговского с Пестелем. Не дав Пестелю определенного ответа, Лаговский, очевидно, сообщил в Варшаву о намерении русских выступить весной 1826 г.

Между тем произошли события, требовавшие немедленного действия.

19 ноября 1825 г. в Таганроге скончался император Александр I. Вскоре стало известно и об отказе от престола

¹ *Sz. Askenazy, Łukasiński, t. II, str. 402.*

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 191.

цесаревича Константина Павловича. Эти события застали русские тайные общества врасплох.

Начавшаяся лихорадочная подготовка к восстанию уже не могла дать желаемого успеха. Декабристы обоих обществ не успели даже согласовать свои действия и начать одновременное выступление.

К этому времени относится поездка члена Южного общества Корниловича в Петербург с поручением от С. Муравьева «отклонить Северную управу от пустых споров»¹ и усилить подготовку к восстанию. Корнилович встречался в Петербурге с С. Трубецким, К. Рылевым и другими руководителями Северного общества, информировал о ходе подготовки к восстанию на Юге, в частности о связях с польским тайным обществом. Видимо, в подтверждение достигнутого с поляками соглашения о помощи поляков и совместных действиях Корнилович передал Трубецкому копию письма южан в Варшаву. Как показал на следствии С. Трубецкой, «содержание письма сего состояло в доказательствах, что польскому обществу должно будет стараться извести государя цесаревича, и в уверениях, что русское общество готово всегда помогать польскому, и чтоб польское общество не сомневалось в нем...»² Корнилович, передав это письмо, устно проинформировал руководителей Северного общества о заключенном соглашении с поляками³.

Приезд и переговоры Корниловича в Петербурге состоялись накануне событий 14 декабря⁴, когда уже были намечены план и дата выступления. Возможно, что сообщение посланца Южного общества еще более ободрило северян, придавало им больше уверенности в успехе восстания.

Однако в эти дни на Юге было раскрыто тайное общество. Пестель и ряд других руководителей были аре-

¹ «Восстание декабристов», т. IX, стр. 256.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, л. 22.

³ «О сношениях Южного общества с польским и сделанном условии касательно разделения границ слышал я, но не обстоятельно от Корниловича», — показывал Рылов («Восстание декабристов», т. I, стр. 180).

⁴ Показание Трубецкого: Корнилович «приехал только что перед происшествием 14 декабря... По приезде тотчас приходил ко мне повидаться...» («Восстание декабристов», т. I, стр. 21). Это же подтверждает и Рылов: «Корнилович отдал список упомянутого письма князю Трубецкому при мне, кажется, 13 числа» (ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, л. 26).

стованы, что явилось тяжелым ударом по революционным силам. Вооруженное восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге потерпело поражение. Было быстро разгромлено и вспыхнувшее через две недели восстание Черниговского полка, возглавленное С. Муравьевым.

Накануне восстания Черниговского полка руководители Васильковской управы пытались еще раз добиться от польских революционеров поддержки. С этой целью С. Муравьев ездил в Житомир для переговоров с Мошинским. «В прошедшем декабре 25-го числа, — показывал он, — быв в Житомире, я видел гр. Мошинского, у коего спрашивал, что их общество теперь будет делать?» Мошинский, показывая С. Муравьеву, ответил на это, что «они слишком слабы, чтобы действовать одним, и что будут соображаться с нами». Он условился с Мошинским «в случае начала действий» известить его о том письмом и что число, которое будет назначено как день предполагаемого приезда Муравьева, «и будет именно днем выступления»¹. В эти дни шла лихорадочная подготовка С. Муравьева и его друзей к восстанию.

Во время встречи с Мошинским С. Муравьев хотел передать через него письмо Бестужева Верховному совету Патриотического общества с требованием убить цесаревича Константина. Это было письмо, написанное в конце 1824 или в начале 1825 г., но не врученное полякам и хранившееся у С. Муравьева. Узнав в Житомире о событиях 14 декабря и предполагая, что дела общества плохи, С. Муравьев решил воспользоваться этим письмом, «с тем чтобы вовлечь поляков в такой поступок, после коего им оставалось бы только возмутиться». Однако Мошинский отказался принять письмо, оговариваясь, что «никак не смеет принять писанного мнения, ибо это против законов их Общества». (В Любаре же, узнав о предстоящем аресте, С. Муравьев вместе с другими находившимися у него бумагами сжег это письмо)².

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 259, 262.

² См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 370—371. М. Муравьев-Апостол, видевший это письмо, так передает его содержание: в нем декабристы убеждали поляков, «что нельзя совершить переворота без помощи армии и что, пока цесаревич будет жив, польское общество не может полагаться на свои войска, которые преданы цесаревичу (см. «Восстание декабристов», т. IX, стр. 253).

Показания Мошинского об этой встрече не расходятся с приведенными сведениями. Он также подтверждал, что встреча состоялась. На вопрос Муравьева о том, восстанут ли поляки в случае восстания 3-го и 4-го корпусов, ответил: «Никакой по этому вопросу не имею инструкции, думаю, однако, что наши действия будут регулироваться в соответствии с тем, что предпримет Варшавское общество». На просьбу переслать письмо Варшавскому обществу он ответил, что не может этого сделать, так как не хочет входить ни в какую переписку, добавив: «Приближается время киевских контрактов, значит, сам Яблоновский наверное на них приедет»¹. Мошинский показал также, что С. Муравьев собирался ехать в Петербург для переговоров и, «если бы что решительное произошло», сейчас же уведомить меня «через брата своего». В дополнительном показании он несколько уточнил приведенный разговор с С. Муравьевым и сказал, что на вопрос, были ли события 14 декабря в соответствии с планами тайного общества, С. Муравьев ответил ему, что события произошли вопреки планам общества, но потому, что «пришел подходящий момент для начала решительных шагов»².

Мошинский и в этом показании подтвердил отсутствие твердого решения у руководства польских революционеров в отношении Константина. Он был удивлен, когда узнал о намерении поступить с Константином, как и с остальными членами царской фамилии, ведь он был наследником престола, жил в Польше, женат на польке, и «я считал его главной надеждой нашей»³.

Непосредственно перед самым выступлением восставшего Черниговского полка из Василькова 31 декабря 1825 г. С. Муравьев сделал еще одну попытку связаться с представителями польского Патриотического общества.

Получив сообщение Александра Муравьева о событиях 14 декабря, С. Муравьев заехал в Любар предупредить Артамона Муравьева. В Любаре Бестужев сообщил С. Муравьеву о том, что его должны арестовать. Несмотря на это, С. Муравьев и Бестужев решили отправиться в полк «с намерением, оный собрав, начать действовать»⁴. В день выступления полка С. Муравьев отправил в Киев

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 400—401.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 3, 17.

³ Там же, л. 20.

⁴ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 259.

члена общества Мозалевского с письмами к членам тайного общества. Писем было три: одно генералу, фамилии которого автор «Записок» не приводит, другое майору (или подполковнику) Курского полка Крупенникову, а третье «на имя одного поляка». В письме генералу сообщалось обо всем случившемся в Черниговском полку и выражалась надежда, которую возлагал С. Муравьев на Киев, «где находится так много членов русского и польского обществ»¹.

В письме Крупенникову содержалась просьба присоединиться к восставшему Черниговскому полку. Содержание письма поляку неизвестно.

Источники дают противоречивые показания о судьбе этих писем². Достоверно известно, что письмо поляку Мозалевский передать не смог. Он сам был арестован при выезде из Киева. Письмо ему удалось уничтожить.

Влившись в Южное общество и участвовавшие в восстании Черниговского полка члены Общества соединенных славян также старались использовать свои связи с местной польской шляхтой, чтобы привлечь ее к участию в восстании.

В период подготовки к восстанию руководитель общества П. Борисов составил «памятную записку», излагавшую план восстания, которую через Андреевича представил М. Бестужеву. Один из ее пунктов гласил: «Славяне хотят посредством поляков, состоящих в их обществе, действовать на шляхту и склонить ее к участию в общем деле объявлением всеобщего восстания (*pospolite ruszenie*)»³. Нужно полагать, что декабристы в соответствии с этим планом вели работу среди шляхты, так как шляхта сочувствовала восставшим и в ее среде в этот момент было неспокойно. Об этом свидетельствует донесение старшего адъютанта главного штаба I армии капитана Сотникова, которому было поручено наблюдение за поведением населения в период междуцарствия. Сотников сообщал, что в Киевской губернии «явно обнаруживается участие гражданской части в «заговоре», что «некоторые поветы мед-

¹ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 156.

² См. там же, стр. 159—162; М. К. Авадовский, Затерянные и утраченные произведения декабристов, «Литературное наследство», т. 59, кн. I, стр. 680; «Восстание декабристов», т. VI, Госиздат, М.—Л. 1929, стр. 21.

³ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 108.

лили присягою» Николаю I. Здесь ходили слухи, что «Москва не присягнула» и даже что «польским войскам приказано приготовиться к выступлению в Петербург»¹. В донесении делается вывод, что «поляки намеренно медлят присягою».

Здесь нужно отметить стремление польских революционеров, проживавших в зоне восстания Черниговского полка, оказать помощь и содействие своим русским друзьям. Поляки — члены Общества соединенных славян — выступали вместе с русскими в период восстания Черниговского полка. В «Записках... Горбачевского» рассказывается, что член Общества соединенных славян отставной поручик Красницкий привел к главе общества накануне восстания четырех поляков, «присоединенных им к Славянскому обществу». Эти поляки, имена которых нам не известны, поклялись «действовать и погибнуть вместе с артиллеристами за общее дело». Член общества юнкер Головинский и другие польские революционеры делали попытки поднять местную шляхту на восстание².

Направляясь в расположение 8-й артиллерийской бригады, чтобы сообщить о решении начать восстание, М. Бестужев заехал по пути в имение Коростышев к Г. Олизару и сообщил ему о событиях в Петербурге и Черниговском полку. Олизар со своей стороны сообщил Бестужеву, что Бестужева разыскивают жандармы, и дал ему лошадей. Когда в ту же ночь к Олизару прибыли жандармы, гнавшиеся за Бестужевым, Олизар постарался их задержать у себя подольше, отказался предоставить им лошадей немедленно, заботясь о том, чтобы Бестужев смог уехать подалее от преследователей³.

И. И. Горбачевский в своих «Записках» рассказывает о том, как скрывавшийся после разгрома восстания Черниговского полка декабрист Сухинов нашел приют в семье одного поляка, который спрятал его у себя, а затем, снабдив Сухинова деньгами, «отправил в путь с истинным желанием счастья». И. И. Горбачевский высоко оценил

¹ Сообщение главнокомандующего I армией гр. Сакена начальнику Главного штаба его императорского величества от 3 января 1826 г. (ЦГИАМ, ф. 48, д. 71, л. 2).

² См. «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 112—113.

³ См. «Pamiętniki Gustawa Olizara», Lwów 1892, str. 194, 196; ЦГИАМ, ф. 48, д. 71, л. 6 (показание Бестужева в следственном деле Г. Олизара); ЦГИАМ, ф. 36, св. 10, д. 8, л. 12 (показание Бестужева).

«благородный поступок поляка и его жены» и высказал сожаление, что «имя и фамилия сего великодушного человека останутся неизвестными»¹.

Царизм временно торжествовал победу. Царские жандармы рыскали по городам и воинским частям, хватая и заковывая в кандалы всех заподозренных в принадлежности к тайным обществам. День и ночь мчали в северную столицу — Петербург — кибитки с арестованными революционерами. Заполнялись до отказа казематы Петропавловской крепости. Царизм готовил беспрецедентную по своей жестокости расправу с героями, выступившими с оружием против самовластья.

Вскоре после разгрома Северного и Южного декабристских обществ такая же участь постигла и польское Патриотическое общество. Многие польские революционеры вслед за декабристами были сосланы в Сибирь на каторгу.

* * *

Итак, мы видим, что русские дворянские революционеры, первыми в истории русского революционного движения поднявшие знамя борьбы против царизма и феодально-крепостнического строя, одновременно отстаивали свободу и независимость братского польского народа. Они хотели видеть Польшу не только самостоятельным государством, но и свободным от крепостничества, от оков феодализма и гнета самодержавия.

Требование независимости Польши и осуществления в ней социальных реформ нашло свое конкретное отражение в программном документе Южного общества декабристов, в его конституционном проекте — «Русской Правде». Положения «Русской Правды» по польскому вопросу являлись реальной базой для установления прочного союза революционных сил обоих народов в их борьбе против общего врага — русского царизма. Русские дворянские революционеры стремились к уничтожению недоверия и вражды, посеянных между обоими народами политикой царского правительства и польских магнатов, и установлению революционного союза. С этой целью руководители Южного общества установили связь с польским тайным Патриотическим обществом.

¹ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 192.

Благородные стремления русских борцов за свободу встретили понимание со стороны представителей прогрессивного крыла польского освободительного движения, сознававших, что успех в борьбе за независимость и социальные реформы может быть достигнут только в результате объединения с революционными силами России.

Однако к моменту установления связи и началу переговоров в руководстве польского тайного общества преобладали представители польского магнатства и высшей чиновничьей бюрократии, ставившие своей целью лишь независимость Польши и вынашивавшие реваншистские планы возвращения украинских, белорусских и литовских земель. Они были противниками социальных реформ, их пугала революционная программа декабристов. Консервативное большинство Верховного совета Патриотического общества всячески препятствовало окончательному утверждению договора о русско-польском революционном союзе. В результате не было выработано конкретного плана совместного вооруженного выступления во время революции. Когда события потребовали немедленных решительных действий, русские революционеры, начавшие восстание в Петербурге и в Черниговском полку, не получили поддержки со стороны польского тайного общества. Это явилось одной из причин поражения восстания декабристов и повлекло за собой разгром как русских, так и польских тайных революционных обществ, дало возможность временного торжества монархических сил, еще более усилило разгул реакции.

Вместе с тем установление связи между русскими и польскими тайными обществами, переговоры и заключенные соглашения имели большое значение для дальнейшей борьбы против царизма, за свободу и независимость Польши. Было положено начало установлению революционного союза братских народов, и это служило примером в борьбе новых поколений революционеров.

ГЛАВА III

СВЯЗИ ДЕКАБРИСТОВ С ОБЩЕСТВОМ ФИЛОМАТОВ. ВОПРОС О РУССКО-ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ В ОТДЕЛЬНОМ ЛИТОВСКОМ КОРПУСЕ

1. СВЯЗИ ДЕКАБРИСТОВ С ОБЩЕСТВОМ ФИЛОМАТОВ

Революционные связи декабристов с польским освободительным движением проходили не только по линии Южного общества и польского Патриотического общества. Нить прослеживается и по другим каналам, хотя и не всегда выявляется четко.

Большой интерес в этом отношении представляет исследование вопроса о связи декабристов с польским тайным Обществом филломатов в Вильно, возникшим вначале среди студентов Виленского университета, а затем завоевавшим более широкую сферу влияния. Это общество, несмотря на то что оно не успело выработать четкой программы, являлось частью левого, наиболее прогрессивного крыла в польском освободительном движении. Общество филломатов несколько отличалось от Патриотического общества по социальному и возрастному составу. Его члены — студенты Виленского университета — в большинстве своем являлись выходцами из среды мелкой, разоряющейся шляхты и провинциального чиновничества.

В университетах молодежь знакомилась с произведениями прогрессивных мыслителей, жадно воспринимала идеи французской буржуазной революции, внимательно следила за развитием национально-освободительного движения в странах Западной Европы. Все это способствовало формированию прогрессивных взглядов студенческой молодежи. Из среды студенчества выдвигались наиболее прогрессивные для того времени люди, выступавшие

в условиях нарастающего кризиса крепостнического хозяйства против господствовавшей социальной и политической системы. Мелкошляхетский элемент виленского студенчества явился той средой, в которой возникло и развернуло свою деятельность Общество филоматов. Основанное группой передовых студентов, объединившихся вокруг Адама Мицкевича, Томаша Зана, Яна Чечета и др., общество оформилось в конце 1817 г., почти одновременно с первыми декабристскими организациями в России.

Первоначально общество состояло из небольшой группы студентов, в которую входили: Юзеф Ежовский, Францишек Малевский, Томаш Зан, Казимир Пясецкий, Юзеф Ковалевский, Ян Чечет, Адам Мицкевич, Теодор Лозинский, Викентий Будревич, Игнатий Домейко, Онуфрий Петрашкевич, Ян Соболевский. Президентом общества был избран Ежовский¹.

Общество приняло устав, проект которого был составлен Томашем Заном совместно с Адамом Мицкевичем. В первоначальном проекте устава не было выражено политической цели, а речь шла главным образом о вопросах, связанных с учебным процессом. Он не удовлетворил членов, и при обсуждении они старались, по словам Ежовского, придать ему больше серьезности.

Общество филоматов с самого начала предполагало серьезные политические цели, избрав для конспирации безобидное название². Ценное упоминание об этом мы находим в мемуарах одного из филоматов — Игнатия Домейки: «Как было сделать, чтобы не вызвать подозрения у правительства... — пишет он, — ухватились за науки, потребность учения, просвещения как цель общества, чтобы в случае его открытия было чем заслониться от врага...»³

¹ См. «К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг.», Варшава 1898, стр. 20; Государственный архив Литовской ССР, ф. 567, д. 1317, тетрадь 24, л. 15 (показание Ежовского).

² Филоматы — по-гречески любители наук. Общество с таким названием существовало в Виленском университете еще в 1804—1805 гг. В нем состояли студенты и некоторые преподаватели. Общество было легальным и имело целью взаимную помощь в изучении наук. Членом такого же общества, основанного в 1805—1806 гг., был Иахим Мелевель, в то время студент, а впоследствии ученый-историк и революционный деятель.

³ *J. Domejko, Fiłageci i fiłomaci*, Poznań 1872, str. 7.

Характерной чертой основателей общества было стремление охватить своим влиянием как можно больше студенческой молодежи. С этой целью была выработана такая структура общества, которая позволяла вовлечь в общество побольше студентов и в то же время сохранить строжайшую конспирацию. Численно небольшое Общество филоматов, оставаясь законспирированным, создало вокруг себя несколько легальных и полуполигальных студенческих кружков, которые фактически являлись низшими степенями Общества филоматов, его отраслями. Так возникли «Союз литераторов», «Союз натуралистов» и др. В 1820 г. по инициативе Томаша Зана было создано Общество лучистых (*promienistych*)¹, выработаны 15 правил, содержащих главным образом требования хорошего поведения и прилежного учения. «Правила» были представлены ректору университета Малевскому и были утверждены им. Используя это общество как легальное прикрытие, филоматы развернули политическое воспитание студентов. Основным методом были «маевки», устраиваемые за городом, на которых Томаш Зан и другие филоматы произносили антимонархические речи, читали стихи политического содержания². Сведения об этом дошли до университетского начальства, и собрания «лучистых» были запрещены. Это обстоятельство побудило филоматов провести реорганизацию общества и усилить конспирацию.

Отобрав из числа «лучистых» около 40 человек, наиболее проверенных, Зан основал тайное Общество филаретов. От каждого члена общества было взято письменное обязательство хранить в тайне свою принадлежность к последнему³. Общество было разделено на отделения (грона). Всего было создано шесть отделений, в основном соответствовавших факультетам университета. Для удобства отделения получили наименования цветов: желтый, розовый, белый, голубой и т. д.⁴ Во главе каждого отделе-

¹ Официально оно называлось Обществом друзей полезной забавы (см. «К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи», стр. 22).

² «Korespondencja fiłomatów», t. II, Kraków 1920, str. 101.

³ См. «К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи», стр. 24.

⁴ См. Государственный архив Литовской ССР, ф. 567, д. 1538, л. 49. Из отчета Зана о работе Общества филоматов видно, что к концу 1820 г. оно насчитывало 101 члена.

ния был поставлен член Общества филоматов. По отношению к филоматам филареты являлись низшей, подчиненной степенью. Следовательно, филареты и филоматы — разные степени одного и того же тайного общества.

Зан, являясь главой Общества филаретов, разработал устав организации, состоявший из 72 статей. Эти статьи в изложении Зана для следственной комиссии содержат нравственно-воспитательные правила, в них не видно политических требований. Если они и были, то Зан, конечно, предпочел умолчать о них по вполне понятной причине. Политические требования в уставе филаретов могли быть изложены лишь в завуалированной форме, так как это общество с его шестью отраслями являлось низшим, подготовительным звеном, члены которого еще не были посвящены в политические цели. В связи с тем, что другого устава вообще не было обнаружено, были сделаны выводы о том, что Общество филоматов не преследовало политических и особенно революционных целей. Так, польский историк Г. Мосцицкий считает, что деятельность филоматов была «искусственно преувеличена шумом, поднятым правительством»¹.

На самом же деле в виленском тайном обществе, особенно в его высшем звене — у собственно филоматов, руководивших филаретами, кипела бурная политическая жизнь, разрабатывались революционные планы. Отголоски этой жизни дошли до нас в протокольной записи речей и рефератов, произносимых и обсуждаемых на тайных собраниях руководителей общества, а также в переписке филоматов, относящейся к описываемому периоду². Это очень мало исследованное, но весьма ценное наследие содержит сведения о политических и социальных взглядах филоматов.

Самой значительной чертой программных установок филоматов является требование широких социальных преобразований и прежде всего немедленной ликвидации феодально-крепостнических отношений, освобождения кре-

¹ *H. Mościcki, t. I, zesz. 3, str. 478.*

² Эти документы, не попавшие в руки властей, хранились частью в семье филомата Онуфрия Петрашкевича, частью у друзей филоматов. В 1913—1934 гг. они были изданы Польской Академией наук и составили в общей сложности семь томов (*Archiwum Filomatów, cz. I — Korespondencja, Wyd. Jan Czubek, tt. I—IV, Kraków 1913; cz. II — Materiały do Historii towarzystwa Filomatów, Wyd. St. Szpotanski i St. Pietraszkiewiczówna, tt. I—III, Kraków 1820—1834*).

стьян от гнета помещиков. «Не могут ни просвещение страны, ни земледелие двигаться быстрым шагом вперед, — писал в своем трактате Ян Чечет, — пока не будет уничтожено позорнейшее, многими веками и предрассудками укорененное препятствие — неволя крестьян, так противная естественному праву, здравому рассудку... так приводящая в стыд людские сердца»¹. В архиве филоматов сохранились материалы, в которых описывается крайне тяжелое положение крепостного крестьянства. Так, в докладе филомата Хлевинского мы читаем, что «обнищавший уничтожаемый крестьянин бросал свое хозяйство, так как был не в состоянии выносить тяжелые повинности, налагаемые паном...»² В этом же докладе упадок земледелия объясняется тем, что «богатые паны угнетают подневольных крестьян». Многие филоматы стояли за то, чтобы не откладывать освобождение крестьян, а приступить к этому в ближайшее же время и чтобы члены общества показывали в этом личный пример. В этом мы видим аналогию с действием некоторых русских дворянских революционеров, таких, как Якушкин и др. В 1821 г., когда обсуждался филоматами проект нового устава общества, Рукевич с одобрения товарищей требовал внести в устав специальный пункт о том, что каждый член, принадлежащий к высшей степени Общества филоматов, имеющий крепостных крестьян, «должен в течение 6 лет по овладению имением или от времени получения этой степени научить молодых крестьян читать и писать, начиная от лучших и почтенных (*roszczywuch*) хозяев и освободить их от крепостной зависимости, т. е. дать им волю»³. Неизвестно, было ли принято это требование, но важно уже то, что оно выдвигалось и ставилось на обсуждение.

Наряду с требованиями ликвидации феодально-крепостнических отношений филоматы ставили своей задачей борьбу за свержение царского самодержавия. Общество филоматов, говорил его член Казимир Пясецкий, должно готовить силы народа к тому, чтобы «вырвать власть из рук деспотов». Во имя осуществления этой цели, продолжал Пясецкий, «каждый член должен быть готов принести в жертву для дела народа и народного счастья как иму-

¹ *«Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 368*

² *«Archiwum Filomatów», cz. II, t. II, str. 203.*

³ Там же, стр. 423—442.

щество и капиталы, кто их имеет, так и свою жизнь»¹. Этот призыв перекликается с лозунгом «Смерть тиранам!», появившимся в виде надписей на стенах домов в Вильно в мае 1823 г.² Все это не оставляет сомнений в том, что филоматы призывали к революционному свержению монархии.

Наряду с этим филоматы, как и русские дворянские революционеры, придавали большое значение просвещению народа, которое должно было, по их мнению, служить одним из средств к достижению высшей цели. «Народ нужно просветить до такой степени, — говорил Пясецкий, — чтобы он понял выгоды конституционного правления и вредность деспотизма, чтобы он проникся любовью к родине, патриотизмом, чтобы каждый любил родину, отстаивал ее свободу». Мысль о необходимости введения конституции и представительного правления выразил Ян Чечет в одном из своих трактатов, представленных на обсуждение филоматов: «Счастье народа зависит равно от сознательности граждан, как и от доброты правительства; не могут быть добрыми граждане там, где плохое правительство». «Настоящее правительство там, где благо народа зависит не от воли, каприза и насилия одного, а от общественных советов»³. «Сеять в народе сознание своих прав»⁴, — призывал филоматов и один из руководителей общества филоматов Михаил Рукевич.

Характерно, что антимоноархические, революционные идеи пропагандировались не только в кругу руководителей Общества филоматов, но и в его низших отраслях — среди филаретов. Об этом имеется весьма ценное для нас свидетельство члена одного из филаретских отделений Малафеева. Малафеев, по национальности русский, учился в Виленском университете и там вступил в тайное общество. Будучи по окончании университета на службе в ведомстве рязанского генерал-губернатора, он был вынужден в 1826 г. дать подписку о непринадлежности к тайным обществам. Он признался, что еще в 1819 г. в университете

¹ «Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 358.

² Государственный архив Литовской ССР, ф. 567, д. 1327, л. 77 (отношение виленского генерал-губернатора Корсакова на имя ректора Виленского университета Твардовского от 12 мая 1823 г.). Корсаков утверждает, что надписи сделали студенты.

³ «Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 367—368.

⁴ Там же, стр. 252.

принадлежал к тайному обществу, участвовал в тайных собраниях филаретов, которые происходили «в разных домах в уединенных улицах города и обыкновенно начинались поздно вечером и продолжались за полночь. Занимались там чтением переводов сочинений и разговорами. Последние были исполнены отзовами, противными верности самодержавной власти и оказывающими недоброжелательство всероссийскому престолу, который называли ярмом неволи»¹. В свете этого свидетельства неубедительным представляется утверждение проф. Г. Мосцицкого, что «только высшая степень тайной организации Виленского университета занималась политическими задачами»², а также утверждение Л. Баумгартена, будто филаретов интересовало лишь «углубление национальной культуры»³.

Другой важной чертой Общества филоматов, позволяющей считать его частью наиболее прогрессивного течения в польском национально-освободительном движении, является то, что борьбу за национальное освобождение филоматы тесно связывали с проведением социальных реформ. Они поднялись до понимания того, что задачу национального освобождения можно решить только при условии, что в борьбу за независимость будут вовлечены народные массы и прежде всего крестьянство. Они видели также, что поднять народ на борьбу за национальную независимость можно лишь при условии, что будут сняты с него оковы крепостнического гнета. Правда, и у филоматов проявлялась классовая ограниченность шляхетских революционеров. Объединение национальных сил они намеревались достигнуть посредством установления классового мира внутри нации, устранения антагонизма между плебейскими массами и эксплуататорами. «Когда крепостным будет дана свобода и собственники (т. е. помещики. —

¹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 24, д. 397, л. 1, 2. Малафеев утверждал, что общество, членом которого он состоял, было Обществом друзей просвещения, являвшееся «частным отделением» Общества лучистых. Но это явная ошибка, так как в 1819 г. Общества лучистых еще не было. Термин же «друзья просвещения» как раз и подходит к филоматам, имевшим именно эту легальную цель. Вероятнее всего, что Малафеев состоял в одном из отделений филаретов, так как в числе филоматов, т. е. высшей, руководящей степени тайного общества, его имя не значится, а в общем списке филаретов имеется и его фамилия.

² H. Mościcki, t. I, zes. 3, str. 478.

³ L. Baumgarten, str. 30.

П. О.) будут обходиться с ними как с людьми... наступит классовый мир, и тем самым умножатся силы для борьбы за национальную независимость, и паны и крестьяне совместно будут добиваться национальной свободы», так как сами паны не могут быть свободны, пока не дадут свободы своим крестьянам¹, — говорится в одном из докладов филомата Лозинского, прочитанном на собрании общества 7 мая 1821 г.

Филоматы внимательно следили за событиями, происходившими в других странах Европы. Революционные события в Неаполе, Испании, Греции, слухи о создании тайных революционных обществ в России, в Царстве Польском вдохновляли филоматов на решительные действия. Об общем духе, господствовавшем у филоматов в то время, говорит выступление Томаша Зана на одном из приемов вновь вступающих в общество. Настало время, сказал он, когда восходит заря счастья. «... Дух счастливой перемены разливается быстро и в короткое время наполнил все европейские народы, вздрагивает земля и неожиданно извергаются вулканы... А наша страна, стонущая под тяжестью несправедливости и гнета, подавленная тьмой..., разве ты не будешь искать собственного улучшения (porządku)?»²

В литературе остается невыясненным, какой позиции придерживались филоматы в вопросе о восстановлении прежних границ Речи Посполитой. В имеющихся в научном обороте документах этот вопрос не получил отражения. И это дает основание предполагать, что филоматы, как и подавляющее большинство шляхетских революционеров, не выдвигали этого вопроса, не считали его главным. Основная часть членов Общества филоматов принадлежала к мелкой шляхте литовских, белорусских и украинских губерний, стояла близко к массе народа, населявшего эти территории, и могла видеть всю необоснованность требования восстановления Польши в границах 1772 г. Кроме того, имеется весьма важное свидетельство Адама Мицкевича, позволяющее судить о его отношении к территориальному вопросу, а также и об отношении к нему других деятелей освободительного движения — польских литераторов. Читая курс лекций о славянских литера-

¹ «Archiwum Filomatów», cz. II, t. II, str. 381—382.

² «Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 14—15.

турах в Париже в 1842 г., Мицкевич специально останавливался на вдохновляющей роли литературы и польской поэзии XIX в. Особое внимание он уделял разбору песни поэта Выбицкого, пользовавшейся большой популярностью. В песне поэт, призывая легионеров, двигавшихся из Италии и Франции на освобождение своей родины, говорил: «Вислу мы пройдем и Варту». В этом месте Мицкевич специально обращал внимание своих слушателей (преимущественно поляков) на то, «что в этих песнях нет упоминания ни о Немане, ни о Днепре, ни о том, что они должны принадлежать Польше». Заметив, что многие польские «политики» призывали к завоеванию старых восточных границ Польши, Мицкевич еще раз подчеркивал, что польские поэты «не разделяли иллюзий политиков»¹. Приведенная цитата показывает, что и сам Мицкевич не разделял этих иллюзий. А ведь Мицкевич был одним из самых авторитетных руководителей Общества филоматов, он был, по выражению филоматов, «душою общества»².

Общество филоматов, объединившее в своих рядах наиболее прогрессивных представителей польской и литовской студенческой молодежи, ставило перед собой задачу борьбы в основном за те же идеалы, за которые боролись русские дворянские революционеры.

Общность задач создавала условия для тесного союза виленских молодых борцов за свободу с русскими дворянскими революционерами. Такое взаимное стремление, несомненно, было у обеих сторон, хотя осуществление его затруднялось условиями конспирации и по этой причине не приняло характера прочных, постоянных связей.

Историю развития связей декабристов с виленскими филоматами можно разделить на два периода. Первый относится ко времени существования Общества филоматов и характеризуется случайными связями, обменом информацией, заимствованием форм и методов работы при посредстве людей, близко стоявших по своим взглядам к революционному лагерю. Второй связан с установлением личного контакта декабристов с Мицкевичем и другими филоматами, сосланными в Россию после разгрома царским правительством Общества филоматов.

¹ А. Мицкевич, Собрание сочинений в 5 томах, т. 4, М. 1954, стр. 373, 374.

² J. Domejko, str. 11.

Условия сурового полицейского режима, требовавшие строгой конспирации, препятствовали установлению связей между русскими и польскими революционерами. Однако и в этой тяжелой обстановке революционеры умели находить средства узнавать своих единомышленников и устанавливать с ними контакт. Такая связь зародилась в самом начале 20-х годов на севере России, в Петербурге, где находился центр Северного общества декабристов. Важную роль в этом играли поляки, жившие в русской столице. Одним из них был Викентий Пелчинский, работавший в петербургской канцелярии министра статс-секретаря Соболевского. Пелчинский, формально не принадлежавший к тайным обществам, был человеком прогрессивных взглядов. Об этом свидетельствует то, что в Петербурге он сблизился с передовыми русскими литераторами, в частности с Н. И. Гнедичем¹, который являлся членом «Вольного общества любителей российской словесности», объединявшего передовых представителей русской культуры, идейно близких к декабристам. Членами этого общества, как известно, были К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка и другие декабристы. Гнедич, кроме того, являлся членом литературного общества «Зеленая лампа» — побочной управы «Союза благоденствия», его легальной отрасли, был в тесной дружбе с декабристом А. П. Юшневским².

Пелчинский настолько сошелся со средой прогрессивных русских литераторов, что в июне 1822 г. был избран в члены-корреспонденты «Вольного общества любителей российской словесности» и присутствовал на двух заседаниях общества, в сентябре и октябре 1822 г., в работе которых принимали участие декабристы К. Рылеев и А. Бестужев³. Можно предполагать, что между Пелчинским и руководителями Северного общества декабристов существовал и личный контакт. В архиве филоматов сохранились упоминания о том, что он, уже будучи в Петербурге, в 1820 г. решил вступить в Общество филоматов и в одном

¹ «Korespondencja Filomatów», t. III, str. 207—208.

О своем знакомстве с Гнедичем Пелчинский сообщал в письме к филомату Ежовскому от 23 марта 1821 г.

² См. И. Н. Медведева, Гнедич и декабристы. Сборник «Декабристы и их время», М.—Л. 1951, стр. 103.

³ Этот факт, в частности, приводится польским историком С. Фишманом в его статье «Z problematyki pobytu Adama Mickiewicza w Rosji». «Kwartalnik instytutu Polsko-radzieckiego» № 1 (14), Warszawa 1956 г., str. 5.

из писем по этому поводу заверял своих виленских друзей из тайного общества, что не подведет их¹. Неизвестно, стал ли Пелчинский формально членом виленской тайной организации, но фактически он играл важную роль связного филоматов с декабристским лагерем в Петербурге. Филоматы поддерживали с ним письменную связь и получали от него интересующую их политическую информацию. Пелчинский снабжал филоматов и новой политической литературой. Особенно часто писал Пелчинский филомату Ежовскому, родственником которого являлся. Часть переписки его с филоматами сохранилась и позволяет судить о характере информации и сведений, интересовавших филоматов. В частности, он сообщил Ежовскому 17 ноября 1820 г. о высылке Пушкина из столицы на Юг «за то, что его муза плохо признавала указы». В свою очередь Пелчинский просил, чтобы ему сообщали обо всем, что происходит в Вильно. Регулярную связь с Варшавой Пелчинский поддерживал и через Петрашкевича, одного из филоматских корреспондентов. Петрашкевич, уезжая после окончания Петербургского университета в Варшаву, получил задание создать там тайную организацию и подобрать людей в высшую степень, которые бы вместе с виленскими филоматами вошли в общую руководящую группу².

Нуждаясь во взаимной информации о ходе создания тайного общества в Варшаве и других событиях, филоматы изыскивали способы надежной пересылки подобной корреспонденции. Пелчинский посоветовал для подобных сообщений использовать не почту, которая могла подвергнуться проверке, а хотя и смелый, но более надежный способ — эстафету, которая ходила от министра статс-секретаря Соболевского, с чиновниками канцелярии которого Пелчинский успел завести близкое знакомство, к цесаревичу Константину в Варшаву и обратно в Петербург³. Корреспонденция пересылалась также через родственников виленских филоматов, прибывавших в Петербург⁴.

Большая часть писем не сохранилась: они были уничтожены из соображений конспирации. Вместе с уничтожен-

¹ «Korespondencja filomatów», t. III, str. 19—20.

² Там же, стр. 21, 143.

³ «Korespondencja filomatów», t. II, str. 282; t. III, str. 15.

⁴ Korespondencja filomatów, t. II, str. 310.

ными письмами, вероятно, исчезли и следы многих связей филоматов с русскими революционными обществами.

Филоматы вели учет своих членов, уезжающих из Вильно в другие города. В архиве филоматов сохранился список таких людей, в котором в соответствующей графе указывалось, где находится тот или иной член общества.

В Петербурге в то время из филоматов находились: Ян Гориан, Доминик Орлицкий, Каетан Пшенишевский; первые два работали инженерами, род занятий третьего не обозначен¹. Кроме того, в Петербурге служили юнкерами в конной артиллерии бывшие студенты Виленского университета филоматы братья Шемиоты — Игнатий и Бруно, а также члены филоматского общества «Виленского университета кандидаты» Викентий Бобинский и Иосиф Шадкевич². Можно предполагать, что живущие в Петербурге филоматы общались между собой и с Пелчинским. Последний сообщал Ежовскому в марте 1820 г., что «здесь есть несколько мыслящих поляков»³. В свете изложенного Пелчинский, скромный работник одного из столичных департаментов, предстает перед нами как человек, через которого поддерживалась связь виленского ответвления польского освободительного движения с русскими революционерами.

В конце 1819 г. приехал в Петербург прогрессивно настроенный поляк Зориан Доленга-Ходаковский⁴, известный уже в то время этнограф и историк, исследователь древней истории славянских народов. При помощи русских друзей Ходаковскому удалось опубликовать в «Вестнике Европы» свою новую работу на русском языке: «Разыскания касательно русской истории», в которой резко критиковались антиисторические положения только что вышедшей в свет «Истории государства Российского» Карамзина.

¹ «Archiwum filomatów», cz. II, t. III, str. 255—256.

Список составлен по состоянию на август 1822 г.

² ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, св. 6, д. 27, л. 11, 17.

³ «Korespondencja filomatów», t. III, str. 78. Пелчинский часто встречался с приезжавшим в Петербург прогрессивно настроенным профессором Виленского университета Онацевичем. «Был у меня несколько раз Онацевич, — сообщал Пелчинский 16 августа 1821 г. Ежовскому, — который... сообщил мне некоторые подробности об университете» (см. там же, стр. 408).

⁴ Псевдоним А. Чарноцкого.

Взгляды Ходаковского на происхождение славян и критика Карамзина целиком разделялись историками-декабристами, в частности Корниловичем, А. Бестужевым, А. Муравьевым и др., а также польскими прогрессивными историками, особенно Лелевелем, Суrowецким и др. Ходаковский сближал с русскими дворянскими революционерами взгляд на ряд социальных проблем. Он выступал за ликвидацию феодально-крепостнических отношений, за демократические преобразования государственного строя. В Петербурге Ходаковский вошел в личный контакт с В. Г. Анастасевичем и другими русскими учеными. В это же время он тесно сблизился с Пелчинским. «Ходаковский бывает у меня довольно часто...», — сообщал Пелчинский Ежовскому в мае 1820 г.¹ Приехав через некоторое время из Петербурга в Москву в связи со сбором материалов для своей новой работы, Ходаковский и здесь установил знакомство с представителями русского прогрессивного лагеря, в частности с Н. Полевым².

Доказательством наличия связи филоматов с русскими борцами за свободу является и факт заимствования форм и методов пропаганды свободолюбивых идей среди народа. Считая, что одним из важнейших средств объединения народа для достижения двуединой цели — независимости Польши и социальных преобразований — является народное просвещение, филоматы сделали попытку организовать сеть общеобразовательных школ для молодежи. Они использовали для этого так называемую ланкастерскую систему обучения. Филоматы надеялись таким образом подготовить «хороших членов для общества, хороших студентов для университета и хороших людей для страны». Они планировали организовать ланкастерские школы не только в Вильно и в Виленской губернии, но также в Минской, Гродненской губерниях и в Белостокском округе. На одном из собраний было вынесено решение добиваться организации при Виленском университете специальных курсов для подготовки учителей, изыскав средства для этого путем сбора пожертвований³. Многие филоматы сами выезжали в уезды для основания школ и организа-

¹ «Korespondencja filomatów», t. II, str. 79.

² См. «Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого», СПб 1888, стр. 71, 213.

³ «Archiwum filomatów», cz. II, t. II, str. 122, 383.

ции в них обучения по ланкастерской системе. Так, например, филомат Малевский организовал такую школу в местечке Шорсы, Новогрудского уезда. Он сообщал оттуда Яну Чечету, что много времени уделяет ланкастерской школе, но что труды не пропали даром: школа открыта и в ней одновременно занимаются 250 учеников¹.

Известно, что декабристы также уделяли очень большое внимание народному просвещению. Описанные филоматские мероприятия проводились как раз в то время, когда в России развертывало свою деятельность созданное в 1819 г. «Союзом благоденствия» «Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения», которое по существу являлось одной из легальных отраслей тайной декабристской организации. Во главе общества стояли декабристы. Председателем комитета общества был Ф. Н. Глинка; секретарями работали В. Кюхельбекер и С. Трубецкой. Это «Вольное общество» занималось организацией ланкастерских школ, изысканием средств на их содержание. Декабристы видели в ланкастерских школах не только средство быстрого и дешевого обучения молодежи грамоте, но и важное средство пропаганды революционных идей. Дело в том, что для обучения употреблялись таблицы, состоящие из специально подобранных текстов, наполненных политическим содержанием. В России в ланкастерских школах использовались таблицы, составленные одним из руководителей «Союза благоденствия» — М. Ф. Орловым (который был почетным членом «Вольного общества»), совместно с декабристом В. Раевским, являвшимся ревностным пропагандистом и организатором ланкастерских школ на юге России. В. Раевский заведовал одной из таких школ, учрежденных в Кишиневе в 16-й дивизии, командиром которой был Орлов².

Царское правительство бдительно следило за содержанием текста таблиц — требовалось обязательное утверждение цензурой. Несмотря на это, в таблицах, составленных декабристами, изобиловали тексты с такими, например, фразами: «Хоть хлеба кроха, да воля своя», «Воды и царь не уймет» и т. д. Встречались и такие слова, как

¹ «Korespondencja filomatów», t. III, str. 399.

² См. В. И. Семевский, Идея декабристов, стр. 431; П. Е. Щеголев, Декабристы, ГИЗ, М.—Л. 1926, стр. 29.

«конституция», «свобода», «равенство», вставленные в таблицы, по-видимому, В. Раевским¹.

В недавно найденных и исследованных С. Б. Паиной материалах о деятельности «Вольного общества по учреждению школ взаимного обучения» обнаружены документы о проникновении таблиц Орлова к вилениским филоматам. Филоматы для своих школ достали именно те таблицы, которые составил М. Орлов².

К периоду деятельности Общества филоматов относится и попытка со стороны Южного общества декабристов установить связи с вилениской тайной организацией. К сожалению, прямых данных о встречах и знакомствах Бестужева в Вильно, кроме встреч с К. Радзивиллом в 1823 г., не сохранилось. Причиной тому явились условия конспирации. Время пребывания Бестужева в Вильно было неудачным для установления тесного общения с филоматами. Повсюду рыскали сыщики Новосильцева, которые пронохали о филоматах. Запрещена была организация «лучистых», у ряда руководителей — Мицкевича, Зана, Лозинского — были произведены обыски³. Тем не менее Бестужеву удалось установить связь с некоторыми руководителями Общества филоматов. Отсутствие прямых документальных данных, которые могли бы осветить этот чрезвычайно важный момент, восполняется свидетельством Мицкевича, который в третьей части своей поэмы «Дядя» запечатлел пребывание Бестужева в Вильно и его связи с вилениской революционной молодежью.

В сцене на балу у Новосильцева Мицкевич воспроизводит беседу Бестужева с поляком Юстином Подем, в образе которого автор воплотил тип молодого польского революционера, горячего юношу, способного подчас на необдуманные, хотя и героические, действия против сатрапов царизма. Этой горячности юноши Мицкевич противопро-

¹ ЦГВИА, ф. 530 «Л», оп. I, д. 648, ч. II, л. 632.

² Два польских учителя (по-видимому, близкие к филоматской среде) — Павлович и Дашковский, обучавшиеся в Петербургской школе «Вольного общества», перевели эти таблицы на польский язык с целью использовать их в школах Вильно и литовских губерний. Вскоре таблицы были доставлены в Вильно и отпечатаны в университетской типографии Антонием Марцишевским. Министерство просвещения, узнав о переводе таблиц Орлова на польский язык, запретило их употребление. Руководству университета было поставлено за это на вид.

³ Sz. Askenazy, Łukasiński, t. II, str. 148.

ставил трезвую рассудительность Бестужева — революционера, умудренного опытом, умеющего подчинить чувство мести расчетливой планомерной борьбе.

Юстин Поль говорит Бестужеву, указывая на сенатора:

«Всадить бы нож ему в утробу,
Иль хоть пощечину влепить.»

Бестужев:

Лишь бестолку сорвешь ты злобу, —
Что пользы одного убить!
Они вам поднесут гостинца —
Закроют университет.
Мол, «все студенты — якобинцы», —
И нации погубят цвет.

Юстин Поль:

Но за мученья он заплатит,
За кровь, за это море слез.

Бестужев:

Псов у царя на псарне хватит,
Хотя б издох какой-то пес...»¹

Кто же такой Юстин Поль, с которым русский революционер Бестужев ведет такой откровенный разговор? Это не вымышленный персонаж, а подлинная личность. Его имя мы находим в числе членов виленской революционной организации². Следует иметь в виду, что не только Юстин Поль и Бестужев, но и большинство других героев поэмы, а также их действия не вымышленные, а действительные. Все это позволяет утверждать, что перед нами рассказ о конкретном факте, свидетельство современника и участника встреч Бестужева с виленскими революционерами-филоматами.

Узнать об Обществе филоматов и его членах Бестужев мог от К. Радзивилла, так как члены виленского филиала Патриотического общества не только хорошо знали о существовании Общества филоматов, но и были связаны с ним через Томаша Зана, принятого в 1822 г. в Патриотическое общество³. Общество филоматов было включено Патриотическим обществом в общий план освободительной борьбы. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что виленский филиал, получив указание варшавского центра организовать подготовку захвата виленского

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 3, М. 1952, стр. 234—235.

² «Archiwum filomatów», cz. II, t. III, str. 250—255 (список филаретов).

³ ЦГИАМ, ф. 1068, д. 981, л. 32. Зан был принят в Патриотическое общество в феврале 1822 г.

Адам Мицкевич

арсенала в случае восстания, решил поручить эту операцию филоматам¹.

Довольно широкие революционные связи филоматов в Петербурге дополнялись контактом русских с польскими революционерами других обществ, приезжавшими в Петербург. Как уже указывалось, такая договоренность о взаимопомощи была достигнута в переговорах Крыжановского с Бестужевым и С. Муравьевым в 1824 г. Руководители Южного общества декабристов не замедлили сообщить об этой договоренности с поляками руководителям Северного общества, которые оказывали помощь приезжавшим в Петербург польским революционерам. Об этом свидетельствует в своих показаниях С. Трубецкой, который оказал помощь приезжавшему в Петербург в 1824 г. члену польского Патриотического общества Олизару².

Это обстоятельство, а также наличие связей филоматов с русскими революционерами делает понятным то, что высланные в Россию в связи с делом филоматов руководители этого общества — Мицкевич, Ежовский, Малевский, прибыв в столицу России в ноябре 1824 г., сразу были приняты в среде декабристов как свои единомышленники и друзья.

Имя Адама Мицкевича известно было среди прогрессивной части русского общества, его произведения высоко ценились декабристами как по своему художественному мастерству, так и по свободолюбивому содержанию. Популяризации произведений великого польского поэта способствовал прежде всего русский поэт-революционер,

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 174—175 (показание Грузевского). Указание о захвате арсенала привез из Варшавы Грузевский. Когда он передал его руководителям виленского филиала, они были озадачены: «Чем же мы его захватим?» Тогда член общества Ходзько сказал: «Это могли бы сделать студенты».

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, л. 24, 25 (показание С. Трубецкого в деле Корниловича).

В чем выражалась помощь С. Трубецкого Олизару, неясно. По-видимому, Трубецкой помогал Олизару связаться с влиятельными людьми, близкими к правительству, для улаживания его дела в связи с доносом генерала Гертеля о том, что во время переизбрания в губернские маршалы Олизар произносил перед шляхтой Киевской губернии речи, «угрожающие общественному спокойствию». Олизар хотел лично обратиться к царю, но не был им принят («Pamiętniki Gustawa Olizara», Lwów 1892, str. 144).

один из руководителей Северного общества декабристов — К. Ф. Рылеев. Изучив польский язык, он в 1822 г. перевел на русский язык фрагменты баллад Мицкевича «Лилия» и «Свитезянка»¹. Свободолюбивая поэзия Мицкевича, как и его деятельность в качестве одного из организаторов и руководителей тайного революционного общества, снискали у декабристов большую любовь. Он «был по духу братом этих революционеров уже в Вильно»².

Мицкевич и прибывшие с ним филоматы пробыли в Петербурге около трех месяцев и часто встречались со своими русскими друзьями. Известно, что новый 1825 г. они встречали вместе с декабристами в квартире Рылеева, где жил в то время Бестужев. В дневнике Александра Бестужева сохранилась запись: «31. XII. Среда. Дежурный. Вечером до 11 часов у нас сидели Мицкевич, Ежовский и Малевский. Пили за Новый год»³. Есть предположение, что Адам Мицкевич встречался также с Грибоедовым и Одоевским, Каховским и другими декабристами⁴. О том, насколько декабристы доверяли Мицкевичу, считая его своим, свидетельствуют их откровенные разговоры в его присутствии. Как сообщает в своих мемуарах сын поэта Владислав Мицкевич, на одном из собраний декабристов был провозглашен тост за смерть царя. Присутствовавший там Мицкевич отказался поднять свой бокал. Чтобы рассеять смущение русских друзей, Мицкевич ответил, что подобные тосты являются всегда «бессильным и бесплодным бахвальством», что если кто искренне желает смерти царя, пусть сейчас же вооружается и идет во дворец, и тогда, он, Мицкевич, пойдет с ними. Тогда А. Бестужев бросился обнимать Мицкевича⁵. Об участии в тайных совещаниях вспоминает и сам Мицкевич. Он с восхищением отзывается о русских революционерах. «Тайные общества, — пишет он, — состояли из самых благородных, самых деятельных, восторженных и чистых представителей русской молодежи». На собраниях, в которых участвовал Мицкевич, произносились речи и распевались песни, «приво-

¹ В. Смазев, Среди русских друзей, «Иностранная литература» № 4, 1955 г., стр. 183.

² St. Żalkiewski, Adam Mickiewicz, «Nowe drogi» № 1, 1955 г.

³ См. «Иностранная литература» № 4, 1955 г., стр. 182.

⁴ M. Jastrun, Mickiewicz, Warszawa 1944, str. 74.

⁵ L. Gomolicki, Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji Warszawa 1949, str. 37.

дившие в ужас поляков-заговорщиков, находившихся тогда среди русских»¹.

Скоро Мицкевичу и Ежовскому пришлось расстаться со своими друзьями-декабристами. В начале 1825 г. они были высланы в Одессу, получив назначение преподавателями в Ришельевский лицей. История сохранила для нас замечательный документ, являющийся новым подтверждением тесной дружбы и взаимопонимания между польскими дворянскими революционерами — виленскими филоматами и декабристами. Это — рекомендательное письмо, которое написали К. Рылеев и А. Бестужев в Одессу поэту Туманскому, близкому к декабристам, и вручили уезжавшим туда Мицкевичу, Ежовскому и Малевскому.

«Рекомендую тебе Мицкевича, Малевского и Ежовского. Первого ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талант. Друг его Малевский — тоже прекрасный малый. Познакомь их и наставь; да приласкай их бедных... Будь здоров и осторожен и люби нас. Рылеев то же говорит и чувствует, что я...», — писал Александр Бестужев. «Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишнее: по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт — любимец нации своей...»², — следовала приписка Рыльева на этом же листке. Такая исключительная по своей теплоте рекомендация лишней раз доказывает, что филоматы и декабристы знали друг о друге как о членах тайных революционных обществ. О высоком доверии Рыльева и Бестужева к Мицкевичу и его друзьям говорит и то, что они, не боясь, пересылали через них Туманскому очень важный конспиративный документ, который по почте послать «невозможно», а другим путем «не было случая», а также предостережения и дружеский выговор, которые они давали Туманскому, намекая на какое-то неосторожное письмо последнего: «Да и ты сумасшедший: вздумал писать такие глупости, что у нас дыбом волосы встают. (Sic!) Где ты живешь? Вспомни, в каком месте и веке! У нас что день, то вывозят с фельдъегерями кое-кого...»³

¹ А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, стр. 388, 385.

² А. Мицкевич, Собр. соч., т. 5, М. 1954, стр. 613.

³ Там же. Поэт Василий Туманский — член Общества любителей российской словесности, близкий друг Кюхельбекера, Рыльева и Бестужева.

Мицкевич с Ежовским, а вслед за ними через два дня и Малевский выехали в Одессу через Витебск, Могилев, Чернигов и Киев. Этот маршрут был избран, по-видимому, не случайно: филоматы, по предположению ряда исследователей, намеревались побывать на киевских контрактах в надежде встретиться там с представителями Польского Патриотического общества. К сожалению, точных данных о встрече не сохранилось.

Мицкевич, отправляясь на юг России, мог рассчитывать найти там передовую общественную среду. В Одессе в то время часто собирались члены русских и польских тайных обществ. Именно там он познакомился с членом польского Патриотического общества Мошинским¹. В самом Одесском лицее многие учащиеся были настроены «вольнодумно». Об этом свидетельствует анонимное донесение управляющему лицеем графу Витту от 15 декабря 1826 г., из которого видно, что «воспитанники Одесского лицея показывают ... опасный образ мыслей, почерпанный ими из запрещенных сочинений...»²

Мицкевичу и Ежовскому не пришлось работать в Одесском лицее. Официальная версия гласит, что это произошло из-за отсутствия там вакансий. Но это не так. Дело в том, что царь побоялся оставить филоматов в Одессе, где Мицкевич мог завязать новые связи. Вслед за выехавшими из Петербурга, начальником Главного штаба его императорского величества бароном Дибичем «по высочайшему повелению» министру просвещения Шишкову было послано отношение следующего содержания: «Государь император, усмотрев из рапорта о приезжающих, что 26 минувшего января выехали отсюда в Елизаветград определенные в Ришельевский лицей кандидаты Виленского университета Ежовский и Мицкевич, высочайше повелеть соизволили, что кандидатов и профессоров Виленского университета, выписанных оттуда по последним происшествиям, не определять в Ришельевский лицей и вообще в южные провинции, но в самые внутренние, как-то: в Пермскую, Вятскую, Вологодскую и прочие»³. Витт был уведомлен о мнении царя и заявил прибывшим к нему

¹ L. Gomolicki, str. 68—70; S. Fiszman, Z problematyki pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, «Kwartalnik instytutu polsko-Radzieckiego» № 1(14), Warszawa 1956 г., str. 29.

² ЦГВИА, ф. 410, д. 58, л. 1.

³ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/847, св. 10, д. 8, л. 3.

Мицкевичу и Ежовскому, что вакансий нет. Несмотря на это, изгнанники решили ехать в Одессу в надежде дождаться вакансий.

Царская полиция ни на минуту не упускала Мицкевича и Ежовского из виду. Не остались незамеченными их одесские встречи с польскими революционерами и переписка с друзьями в Вильно. К Мицкевичу был приставлен специальный соглядатай — полицейский агент, который сообщал по начальству, с кем Мицкевич водил знакомство. В одном из донесений агента сообщалось, что к Мицкевичу и Ежовскому заходили «два неизвестных поляка»¹. Возможно, это были упомянутый выше П. Мошинский и его друг Ксаверий Саббатин, также участник польского освободительного движения, в 1831 г. сосланный в Сибирь за участие в польском восстании. В этих встречах, вероятно, участвовали жившие в Одессе одновременно с Мицкевичем Ежовский и Малевский. Последний устроился там на работу в канцелярию новороссийского генерал-губернатора Воронцова².

Летом 1825 г. Мицкевич совершил путешествие в Крым, где встречался с Олизаром³. Вслед за Мицкевичем тем же путем совершил поездку в Киев, Одессу и Крым Грибоедов. Это обстоятельство позволяет сделать предположение, что он имел какое-то поручение от Северного общества к Южному обществу. Во время этой поездки намечалась встреча Грибоедова с близким к польским революционерам волынским помещиком Генрихом Ржевусским⁴. Грибоедов писал Одоевскому из Киева 10 июня 1825 г.: «Приглашают меня обязательно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра; хотят меня там познакомиться с Ржевусским». Эта встреча не состоялась, так как

¹ А. Рябинин, Мицкевич в ссылке в Одессе в 1825 г., «Былое» № 4(32), 1925 г., стр. 159.

² Подробнее об одесских встречах Мицкевича см. С. Я. Боровой, Мицкевич накануне восстания декабристов, «Литературное наследство», т. 60, кн. I, стр. 409—474.

³ L. Gomolicki, str. 81; М. В. Нечкина, Грибоедов и декабристы, АН СССР, изд. 2-е, М. 1951, стр. 466—467.

⁴ Генрих Ржевуский — волынский помещик. В описываемый период был известен либеральными взглядами, находился в дружеских отношениях с некоторыми членами польского революционного Патриотического общества, в частности с Г. Олизаром. Хорошо был знаком также с Адамом Мицкевичем, с которым совершил в 1825 г. путешествие по Крыму.

Мицкевич в салоне княгини Зинаиды Волконской импровизирует среди писателей.

С картины Г. Г. Мясоедова.

Ржевусский уже уехал с Мицкевичем в Крым. Заезжал Грибоедов и на дачу Олизара в Крыму, но и там уже Ржевусского не застал.

Через некоторое время Мицкевич, Ежовский, а вслед за ними Малевский получили разрешение переехать в Москву. Мицкевич был принят на работу в канцелярию военного генерал-губернатора князя Голицина. В Москве же работали Ежовский и Петрашкевич; Ежовский преподавал греческий язык в университете, а Петрашкевич был преподавателем в педагогическом институте¹. Переезд Мицкевича в Москву совпал с декабрьскими событиями 1825 г. Несмотря на всеобщую подавленность и страх, вызванный арестами декабристов, Мицкевич, пренебрегая опасностью, установил в Москве знакомство с прогрессивными деятелями — литераторами.

Через год, когда Мицкевич уезжал из Москвы в Петербург, хлопотать об издании «Конрада Валленрода», Вяземский писал Жуковскому: «Рекомендую тебе Мицкевича, польского поэта, которого знаешь по крайней мере по слуху; узнай его лично и, верно, полюбишь... Он — это прекраснейшая поэзия, товарищ его — Малевский — прекрасная проза. Приласкай их: они жертвы чванства и подлости Новосильцева»². При содействии Н. А. Полевого и Вяземского Мицкевич был введен в салон княгини Зинаиды Волконской, где познакомился с Пушкиным и сблизился с ним, несмотря на кратковременное знакомство. «Как-нибудь напишу о нем более пространно, — писал Мицкевич филомату Одынцу о Пушкине в марте 1827 г., — теперь лишь добавлю, что я знаком с ним и мы часто встречаемся. Пушкин почти одного со мной возраста... в разговоре очень остроумен и увлекателен; он много и хорошо читал, знает новейшую литературу; его понятия о поэзии чисты и возвышенны. Написал теперь трагедию «Борис Годунов»; я знаю из нее несколько сцен в историческом жанре, они хорошо задуманы, полны прекрасных деталей»³.

У Мицкевича сохранились самые теплые воспоминания о знакомстве и дружбе с Пушкиным. Впоследствии он посвятил ему много проникновенных воспоминаний. Их

¹ L. Gomolicki, str. 81, 123.

² А. Мицкевич, Собр. соч., т. 5, стр. 615.

³ Там же, стр. 380.

сближала не только поэзия, но и общность политических взглядов. В Пушкине Мицкевич видел поэта-революционера. Вот как отзывался он о пушкинском «Кинжале» и подобных произведениях: «... Для того, чтобы отважиться написать нечто подобное в России, нужно больше смелости, нежели для того, чтобы поднять мятеж в Париже или в Лондоне». Только счастливый случай, писал Мицкевич, — ссылка Пушкина из Петербурга — спасла его от виселицы или каторги¹. Как о друге и брате говорил Мицкевич о Пушкине в стихотворении «Памятник Петру Великому»:

Шел дождь. Укрывшись под одним плащом,
Стояли двое в сумраке ночном.
Один, гонимый царским произволом,
Сын Запада, безвестный был пришелец;
Другой был русский, вольности певец,
Будивший Север пламенным глаголом.
Хоть встретились немного дней назад,
Но речь вели они, как с братом брат².

Мицкевич и все филоматы тяжело переживали поражение восстания декабристов и расправу над ними. Свое сочувствие русским борцам за свободу и ненависть к царизму Мицкевич выразил в своем стихотворении «Русским друзьям»:

Вы помните ль меня? Среди моих друзей,
Казненных, сосланных в снега пустынь угрюмых,
Сыны чужой земли! Вы также с давних дней
Гражданство обрели в моих заветных думах.
О где Вы? Светлый дух Рылеева погас,
Царь петлю затянул вокруг шеи благородной,
Что, братских полон чувств, я обнимал не раз.
Проклятье палачам твоим, пророк народный!
Нет больше ни пера, ни салбли в той руке,
Что, воин и поэт, мне протянул Бестужев.
С поляком за руку он скован в руднике,
И в тачку их тиран запряг, обезоружив³.

Мицкевич посылал «во льды полуночного края» свой привет, который звучал, «как радостный призыв свободы и весны». Этим посланием, как и Пушкин своим «Посланием в Сибирь», Мицкевич хотел подбодрить своих русских друзей в их тяжелой каторжной жизни.

¹ См. А. Мицкевич, Собр. соч., т. 4, стр. 92—93.

² А. Мицкевич, т. 3, стр. 266.

³ См. там же, стр. 285—286.

2. ВОПРОС О РУССКО-ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ В ЛИТОВСКОМ КОРПУСЕ

Части Отдельного литовского корпуса, сформированного в 1815 г. по повелению императора Александра I, были расположены в Виленской, Гродненской, Минской, Подольской губерниях и в Белостокском округе. Такое размещение имело важное стратегическое и тактическое значение. Действия корпуса могли оказать серьезное влияние на ход и исход действий восставших. Успех был в большой мере обусловлен тем, на чьей стороне будут находиться войска корпуса во время революции. Декабристы Южного общества, имея на левом фланге контрреволюционные войска Литовского корпуса, не могли быть уверены в успехе намечавшегося похода на Москву и Петербург, так как царское правительство не замедлило бы бросить части Литовского корпуса на подавление восстания¹. И наоборот, революционизирование войск Литовского корпуса, выступление его на стороне восставших или хотя бы нейтрализация его во много раз увеличили бы шансы на успех революции. Поэтому как декабристы, так и польские революционеры стремились узнать о настроении офицеров Литовского корпуса и создать среди них тайные революционные организации. Этот вопрос занимал видное место в русско-польских революционных переговорах. Член Верховного совета Патриотического общества Крыжановский при первой же встрече с представителями Южного общества С. Муравьевым и М. Бестужевым сообщил, что он располагает сведениями о недовольстве некоторых офицеров Литовского корпуса, а также о брожениях среди солдат². Это свидетельствовало о том, что была почва для проведения в частях корпуса революционной пропаганды.

Во время переговоров 1824 г. не было достигнуто соглашение о методах ведения революционной работы среди

¹ Так оно впоследствии и случилось: как только в Петербурге стало известно о восстании Черниговского полка, Николай I немедленно дал указание главнокомандующему Отдельным литовским корпусом цесаревичу Константину Павловичу направить войска корпуса на подавление восстания, «чтобы помешать развитию этого зародыша мятежа» (см. «Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи», М.—Л. 1926, стр. 175).

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 103 (показание Крыжановского).

офицеров Литовского корпуса. На следующей встрече представителей обоих обществ, в январе 1825 г., в Киеве было принято решение о необходимости установить в Литовском корпусе революционные связи. Так как корпус был укомплектован и польскими, и русскими офицерами, предполагалось, что работу по созданию там тайных организаций будут вести как русское, так и польское тайные общества¹. Стороны договорились о выделении от обоих обществ по одному представителю для ведения работы в Литовском корпусе. Южное общество поручило это Повало-Швейковскому, Патриотическое общество — графу П. Мошинскому. Швейковский и Мошинский должны были держать между собой постоянную связь и информировать друг друга и свои центры о ходе работы².

Работа по созданию тайной революционной организации в Литовском корпусе, предпринятая декабристами и польскими революционерами, по-видимому, вначале не имела большого успеха. Однако связь с офицерами корпуса все же была установлена. В показании следственной комиссии Мошинский признал, что летом 1825 г. ездил в распоряжение частей Литовского корпуса и в Луцк, где был расквартирован Минский полк, и познакомился с полковником Ермоловым³.

Волконский признался Петербургскому следственному комитету, что по поручению Пестеля ездил летом 1825 г. в Бердичев для встречи с Мошинским, избрав для этой поездки благовидный предлог — продажу лошадей на бердичевской ярмарке. Значительное место в беседе Волконского с Мошинским занимала, по-видимому, работа в Литовском корпусе. Мошинский известил об учреждении общества в одном из полков Литовского корпуса. Это было настолько важное известие, что Волконский, не дожидаясь случая лично передать его Пестелю, немедленно сообщил ему об этом через другого члена общества — штабс-капитана Фокта⁴.

¹ См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 165.

² «Мы согласились, — показывает Яблоновский, — что Швейковский, который находится в Радомысле, будет сноситься с Мошинским для получения сведения, особенно о духе, господствующем между офицерами Литовского корпуса» (ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. I, л. 7; см. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 283).

³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 473.

⁴ См. «Восстание декабристов», т. X, стр. 133.

В пользу предположения о наличии в составе Литовского корпуса офицеров, уже связанных с тайными революционными организациями, говорит и показание декабриста Давыдова, который сказал, что слышал от Волконского или Пестеля, что в Минском полку «поляки имеют членов». В другом показании Давыдов свидетельствовал, что польское тайное общество распространено по Царству Польскому, присоединенным губерниям и Литовскому корпусу. «Сие я знаю через Пестеля»¹, — добавляет Давыдов. Любопытно, что даже после того, как произошел бунт в Литовском пионерном батальоне, т. е. в одном из подразделений Литовского корпуса, и там в связи с этим было раскрыто тайное Общество военных друзей, Варшавский следственный комитет в своем донесении Константину от 3 января 1827 г., очевидно, из угодничества перед ним, вопреки фактам утверждал: «Литовским обществом (имеется в виду литовский филиал Патриотического общества. — П. О.)... даже не сделано и попытки присоединить к себе офицеров сего корпуса: тому причиною было известное всем вообще хорошее расположение умов в сей части войск»².

В Отдельном литовском корпусе была тайная революционная организация — Общество военных друзей. Из-за скудости архивных документов и других источников вопрос о связи ее с другими тайными обществами и, в частности с декабристами, остается до сего времени наименее выясненным. Однако революционные события 1825 г. давали основание предполагать связи «военных друзей» со всем революционным лагерем, выступавшим на борьбу с русским царизмом. В самом деле, не успел еще новый император Николай I прийти в себя от потрясения, вызванного восстанием на Сенатской площади, как в Петербург прилетела новая страшная для него весть: солдаты и офицеры одного из подразделений Отдельного литовского корпуса — Литовского пионерного батальона — возмутились и отказались присягать новому монарху. То, что это возмущение произошло вслед за восстанием в Петербурге и почти одновременно с восстанием Черниговского полка, позволяет поставить вопрос о взаимосвязи этих

¹ См. «Восстание декабристов», т. X, стр. 201, 204.

² «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 90.

событий. Недаром правительство Николая I сразу же стало искать нити, связывающие эти революционные очаги.

Но если легко было раскрыть связь между Южным и Северным обществами декабристов благодаря доносам предателей, то нащупать контакт этих обществ с тайной организацией в Литовском корпусе — Обществом военных друзей — не удалось. Правда, Петербургский следственный комитет искал эту связь лишь на Юге, основываясь на показаниях руководителей Южного общества о предпринимавшихся там попытках создать тайную организацию в Литовском корпусе. Но допрошенный об этом Пестель 22 июня 1826 г. заявил, что ни об Обществе военных друзей, ни о его руководителях — Игельстроме, Вегелине и др. — «не слышал». Отрицательные ответы дали также С. Волконский, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин и А. П. Юшневский¹. Расследование не коснулось возможных связей по линии польского Патриотического общества, хотя некоторые намеки на связь по этой линии имеются в документах, относящихся к деятельности польского Патриотического общества и виленского Общества филематов, которые были связаны через своих членов с литовским филиалом Патриотического общества. Еще в 1823 г. руководящий центр Патриотического общества дал поручение прибывшему в Варшаву представителю литовского филиала общества Гружевскому узнать, есть ли тайные общества в России². Ценным в этой связи является свидетельство одного из деятелей польского освободительного движения — М. Мохнацкого, писавшего впоследствии, что Центральный комитет общества давал также указание своему агенту в Вильно разузнавать, «не предпринимают ли чего русские военные»³. Польский историк Г. Мосцицкий, комментируя это свидетельство, предполагает, что Центральный комитет имел в виду именно Литовский корпус, прежде всего его офицеров, с которыми предполагалось установить связь и создать там тайную организацию⁴.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 24, л. 8, 81—87; ЦГВИА, ф. 36, д. 39 (о беспорядках в Литовском пионерном батальоне), л. 17.

² ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. II, л. 174 (показание Гружевского Варшавскому следственному комитету).

³ М. Mochnicki, t. I, str. 245.

⁴ Н. Moczicki, t. I, zes. 3, str. 481.

Установление связей с военнослужащими затруднялось тем, что среди членов литовского филиала не было военных. Кроме того, большинство членов Патриотического общества, входивших в литовский филиал, жили главным образом в Вильно и его окрестностях и не имели поводов для поездок в расположение воинских частей.

Несравненно большие возможности для связей с военными имело Общество филоматов, многие члены которого после окончания университета возвращались нередко в свои губернии и, живя в расположении воинских частей, легко могли входить в контакт с офицерами. Одним из таких людей был член Общества филоматов Михаил Рукевич. Окончив в 1820 г. Виленский университет, Рукевич возвратился на свою родину в Белостокский округ и проживал в деревне Мильковщина. Он часто ездил в Белосток, где работал учителем права собрат по обществу филоматов Зигмунд Новицкий, ставший впоследствии одним из руководителей Общества военных друзей. По поручению Общества филоматов Рукевич развернул энергичную подготовку к созданию тайных организаций, начав с подбора соответствующих людей. Он регулярно информировал своих виленских друзей — руководителей общества — о ходе работы. «Занимаюсь сейчас чтением и подыскиванием людей, которые могут быть мне полезны со временем», — писал он Яну Чечету из Белостока 18 августа 1821 г. В другом письме своим филоматским друзьям Рукевич сообщал, что занимается подбором людей, которые бы могли «действовать в соответствии с общей целью», и заверял: «Будьте уверены, что лишь только смерть может отделить меня от вас и от общей нашей цели»¹.

Через Новицкого Рукевич познакомился с учеником Белостокской гимназии Феликсом Ляховичем. При помощи последнего в гимназии вскоре была создана тайная организация «Согласных братьев» («Zgodnych braci»). Заметив большие организаторские способности у Ляховича, Рукевич в 1823 г. поручил ему создание такого же общества в свислочской гимназии. С этой целью Ляхович перевелся в эту гимназию и блестяще выполнил поручение². К концу 1823 г. в тайном обществе, созданном

¹ «Archiwum Filomatów», cz. II, t. III, str. 97, 100.

² ЦГВИА, ф. 410, д. 61, л. 2 (копия донесения ректора Виленского университета Пеликана на высочайшее имя от 17 февраля 1827 г. о тайном обществе в Вильно).

в Свислочи, состояло уже 20 членов. В том же году общество «Согласных братьев» было переименовано в общество «Зорян», так как это название ярко выражало политический характер организации, хотя и в символической форме: «Свет Зари предшествует лучам солнца»¹.

Завершив работу по созданию общества в Свислочи, Ляхович возвратился в Белосток и принялся за укрепление здешнего общества и увеличение его состава. В этот период в общество были приняты учащиеся: Людвиг Вронский, Ян Высоцкий и др. — всего 10 человек².

Осенью 1823 г. Рукевич и Новицкий были арестованы по делу Общества филоматов. Но за недостатком явных улик они были освобождены и возвращены на места прежнего жительства с установлением над ними полицейского надзора. Несмотря на это, Рукевич продолжал революционную деятельность с еще большей энергией. Главное внимание теперь он обращал на установление связи с офицерами Литовского пионерного батальона, располагавшегося в трех верстах от его имения Завыки, в местечке Брянск. Можно предполагать, что именно Рукевич получил соответствующее поручение от руководителей литовского филиала Патриотического общества³.

Рукевичу сравнительно нетрудно было узнать о настроении офицеров Литовского корпуса и войти в тесное знакомство с военными, настроенными наиболее революционно. В Несвижском карабинерном полку служил друг его детства и земляк поручик Гофман⁴. Рукевич имел связи и в Самогитском гренадерском полку, где служил его родственник Завадский. Вскоре Рукевич познакомился

¹ ЦГВИА, ф. 410, д. 61, л. 8. Любопытно, что членами свислочского общества были не только учащиеся, но также отставной штабс-капитан В. Сперский, аптекарский ученик Ю. Чайковский, землемер Ф. Окинич.

² Там же.

³ Обширный материал о деятельности Рукевича по созданию Общества военных друзей имеется в следственном деле аудиторского департамента Литовского корпуса «О возмущении в Литовском пионерном батальоне», хранящемся в Государственном военно-историческом архиве. Там же хранятся мало изученные материалы о конспиративной деятельности Игельстрома и других членов общества, представляющие для исследователя большую ценность (ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. 1, 2, 3).

⁴ «С Рукевичем знаком с самого нашего детства, — показывал Гофман на следствии, — а в 1823 г. возобновил оно здесь в Белостоке...» (ЦГВИА, ф. 9 «Л», оп. 2, д. 45, ч. I, л. 290).

с командиром 1-й роты Литовского пионерного батальона капитаном Игельстромом, через него с его двоюродным братом поручиком Вегелиным.

Знакомство с Игельстромом и Вегелиным имело особенно важное значение в осуществлении мысли о создании тайной революционной организации. Выше упоминалось, что Игельстром и Вегелин в бытность свою в Волынском уланском полку принадлежали к новогрудской масонской ложе «Узел единства», с членами которой был знаком Мицкевич. Не исключено, что Мицкевич лично был знаком с Игельстромом и Вегелиным и мог рекомендовать их Рукевичу как надежных людей для работы по созданию тайного общества. Такое предположение напрашивается и потому, что весьма осторожный и опытный в конспиративной деятельности Рукевич быстро сошелся с ними, доверил им свою сокровенную цель и сделал их ближайшими помощниками в основании Общества военных друзей. Так он мог поступить, только располагая проверенными сведениями относительно их политических воззрений.

Рукевич не обманулся в своих расчетах. Пребывание Игельстрома и Вегелина в новогрудской ложе и общение в ней с деятелями польского и русского освободительного движения способствовали формированию у них революционного мировоззрения. Наиболее прогрессивно настроенные члены новогрудской ложи образовали тайную организацию под названием Общество друзей. Ее основателями были офицеры Волынского уланского полка: поручик Хелмицкий, поручик Володзько, штабс-ротмистр Куликовский. Общество друзей ко времени его раскрытия насчитывало 25 русских и польских офицеров, служивших в Волынском уланском полку. Общество преследовало революционную цель, которая, однако, не была выдана следствию. Члены организации заранее договорились о своих показаниях, уничтожили все компрометирующие их документы, в том числе и «правила» общества¹.

Мысль о создании тайного общества вынашивал и Игельстром, который после участия в новогрудской ложе не представлял себе жизни без политической борьбы.

¹ Подробные сведения о создании и деятельности Общества друзей содержатся в упомянутой статье С. С. Ланда (см. «Литература славянских народов», стр. 43—53, 60).

В одном из своих показаний он писал, что задумал и начал создавать свое общество в 1824 г., прежде чем познакомился с Рукевичем, и поделился тогда же своей мыслью с Гофманом и Требинским¹.

По предположениям Игельстрома тайное общество должно было быть узкой организацией культурно-воспитательного характера с преобладанием элементов масонства.

Но уже почти с самого начала Игельстром имел намерение использовать культурно-воспитательные мероприятия для прикрытия более широкой революционной цели. Об этом свидетельствует член общества подпоручик Петровский: «Капитан Игельстром был первым, который старался внушить, что каждый должен стараться заводить тайные общества, говоря сначала нам, что партия будет иметь главную цель: благо человечества...»² Это в достаточной мере свидетельствует о том, что Игельстром и Вегелин были подготовлены к тому, чтобы действовать вместе с Рукевичем. Они часто бывали в небольшом имении Рукевича Завыки, которое он держал на правах арендатора. Там, кроме них, бывали: Требинский, Гофман, поручик Петровский. Впоследствии стали приглашать также руководителей общества «Зорян» — Людвига Вронского, братьев Феликса и Марцелина Ордынских³. На этих встречах Рукевич вел беседы о создании тайного общества. Он был «побудительной причиной поселившейся мысли... к заведению и усовершенствованию между военными офицерами тайных обществ, содействуя им своими советами к распространению таковых»,⁴ — сказано в заключении аудиторiatского департамента Литовского корпуса по делу о возмущении в Литовском пионерном батальоне.

Отголоски этих бесед дошли до нас в показаниях членов Общества военных друзей. Как свидетельствует поручик Гофман, Рукевич «охотно рассказывал» своим друзьям о виленском Обществе филوماتов, а также о том, что «сам был замешан».

Очевидно на этих беседах речь шла и о направлении общества, его целях, причем подвергались тщательному

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 1125.

² Там же, л. 890, 930.

³ Там же, л. 920.

⁴ «Восстание декабристов», т. VIII, Госиздат, Л. 1925, стр. 239.

обсуждению предположения Игельстрема о характере общества. «Рукевич представлял мне пользу просвещения, взаимной помощи и проч.», — показывал Игельстром. Но, говорил Рукевич, «как бы сильно ни было желание введения хорошей нравственности, каждый человек сам по себе не может в сем случае сделать большого успеха; почему полезно было бы составить общество, которое, действуя общими силами, скорее могло бы достичь желаемой цели»¹.

Окончательно Общество военных друзей оформилось к лету 1825 г.² По своей структуре и программе оно во многом напоминает Общество филоматов. Да это и понятно. Общество филоматов проделало уже порядочный путь в своем развитии, накопило некоторый опыт конспиративной работы, выработало более совершенную организационную структуру, а по политическим воззрениям стояло на уровне передовых революционных организаций Польши того времени. Рукевич в беседах с друзьями-офицерами сумел поднять их политическое сознание и убедил построить новое тайное общество по типу Общества филоматов и принять его структуру. Так называемые Правила общества были, по-видимому, выработаны также Рукевичем или под его сильным влиянием, так как во многом похожи на соответствующие правила или уставы филоматов. Характерной чертой общества являлась строгая конспирация. Из созданных трех степеней только члены высшей, составлявшей комитет общества, его руководящий центр, знали состав всех степеней. Низшие же степени даже не знали одна о другой. Члены общества клятвенно обещали: «О существовании общества, действиях комитета, числе и именах членов никому из непринадлежавших к оному никогда не объявлю». Особенно тщательно конспирирован был руководящий центр общества — комитет, в который входили Игельстром, Вегелин, Гофман, Требинский и Петровский. Председателем общества был избран Гофман³. Первейшей задачей членов общества

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 1075.

² Датой основания общества можно считать утверждение правил, которое состоялось на первом собрании, в июне 1825 г. (там же, л. 1079).

³ Весьма любопытно, что во главе общества был поставлен не Рукевич и не Игельстром, а Гофман. Рукевич, являвшийся организатором общества, не стал во главе его, по-видимому, по двум при-

было распространение его среди военнослужащих Литовского корпуса. Это являлось главной обязанностью как членов общества, так и его комитета.

Свою конспиративную деятельность руководители общества намерены были распространить на весь Литовский корпус. Предполагалось образовать широко разветвленную сеть общества во всех полках корпуса, организации которых должны были являться низшими степенями, подчиненными комитету.

Такой намечавшийся размах деятельности Общества военных друзей говорит нам о многом. Его организаторы надеялись встретить сочувствие, понимание со стороны офицеров, желание принадлежать к тайному обществу, служить возвышенной цели. Целью, способной увлечь передовое офицерство, могла быть лишь борьба за свержение деспотизма, за демократические преобразования. Это было время, когда всюду создавались тайные общества с революционными целями, когда все передовое в русском и польском народах кипело ненавистью к царскому самодержавию и готово было подняться на борьбу с ним. Стояло ли Общество военных друзей на уровне этих задач? Ответ на это можно найти лишь в показаниях его членов, так как общество к моменту его раскрытия находилось еще в начальной стадии развития и не успело выработать четкой программы с ясно очерченной целью. В распоряжении исследователя имеется лишь один документ — Правила общества, да и то только в устном изложении Требинского, сделанном для следственной комиссии, и уже

чинам: во-первых, потому, что он, не будучи военным, формально не мог входить в число членов общества, так как первоначально, до присоединения к обществу «Зорян», первый пункт правил общества гласил: «Общество военных друзей должно состоять из одних только военных, служащих в Отдельном литовском корпусе». Возглавлять общество в таком случае должен был Игельстром как старший по чину и самый активный после Рукевича организатор общества. Но он отказался, видимо, из скромности. На этот счет имеется свидетельство Петровского, который показывал на следствии, что «Игельстром уговаривал Гофмана стать во главе общества, а сам отказывался для того, чтобы через то не обнаружить своего самолюбия» (ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 897, 970).

Избрание главой общества Гофмана послужило основанием для ошибочного вывода о том, что якобы он же был и основателем Общества военных друзей. К сожалению, к такому выводу пришли и авторы первого тома «Истории БССР» (см. «Гісторыя Беларускай ССР», т. I, АН БССР, Мінск 1955, стр. 227).

поэтому требующем известной осторожности при его анализе. В изложении Требинского общество выглядит очень безобидным, его цель — «просвещение себя и других, взаимная помощь, благо общее»¹. Зачем же в таком случае обществу нужна была строгая конспирация? Требинский, однако, при всем очевидном стремлении не раскрывать подлинной цели общества все же проговорился, дав, хотя в довольно туманном выражении, понятие о скрытой цели — благо всеобщее. Это весьма лаконичное признание все же дает нам ключ к выяснению вопроса о цели общества. Здесь уместно вспомнить, что одна из первых тайных декабристских организаций заключала эту же цель: общественное благоденствие, под которым скрывалась довольно определенная политическая цель: уничтожение самодержавия, ликвидация феодально-крепостнического строя, демократические преобразования. Эта политическая цель была известна только членам, принадлежащим к высшей степени общества. Точно так обстояло с этим и в Обществе военных друзей. Петровский был единственным членом общества, который выдал сокровенную тайну, свято сохраненную остальными членами руководящего центра.

Главной целью общества была «вольность». Петровский узнал об этом тогда, когда был введен в высшую степень общества как один из членов комитета. Низшим же степеням политическая цель общества была неизвестна.

Стремясь распространить свое общество в частях Литовского корпуса, руководители Общества военных друзей не упускали из виду работу среди передовой части учащейся молодежи и прогрессивной интеллигенции. Этот вопрос, по-видимому, обсуждался на собраниях общества сразу же после его основания. Надо было решить вопрос о судьбе уже созданного Рукевичем и его помощниками тайного общества «Зорян». И он был решен. Хотя нет документов, проливающих свет на ход обсуждения этого вопроса, однако видно, что он решался уже после основания Общества военных друзей, а именно на втором собрании его членов.

На первом собрании, как свидетельствует Игельстром, состоявшемся примерно в июне 1825 г., в местечке Брянск,

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 970.

² ЦГВИА, ф. 530 «Л», д. 642, л. 466.

т. е. там, где стоял Литовский пионерный батальон на «тесных квартирах», была проведена присяга и утверждены правила общества. «Первый раз (т. е. на первом собрании. — П. О.) утверждали правила и присягу», — показывает Игельстром. В утвержденных правилах речь шла о военных и ни слова не было сказано о членах из числа гражданских лиц. Второе собрание состоялось через месяц в селе Зелянове, на нем был поставлен на обсуждение вопрос о судьбе общества «Зорян» и тех из близких Рукевичу интеллигентов, которые уже участвовали или были тесно связаны с конспиративной деятельностью, но формально еще не принадлежали к тайному обществу. Было принято чрезвычайно важное решение о присоединении общества «Зорян» и группы конспиративных товарищей Рукевича к Обществу военных друзей. Как свидетельствует Игельстром, объявлено было составление Общества согласия¹, куда вошли канцелярист белостокского главного суда Людвиг Вронский, служащий белостокского дворянского собрания Александр Гриневицкий, шляхтич Ян Высоцкий, также Феликс Ордынский. Следует подчеркнуть, что все члены Общества согласия (как и члены Общества военных друзей) представляли передовую часть обедневшей шляхты и интеллигенции, вышедшей из ее среды².

Общество согласия, будучи включенным в состав Общества военных друзей, составило его вторую степень. Начальником ее был утвержден член комитета Общества военных друзей Требинский.

Присоединенное белостокское общество «Зорян» составило третью — низшую степень Общества военных друзей под начальством Людвиг Вронского. Члены этой степени — Карл Ордынский, Янович, Борковский и др.³

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 1079 (показание Игельстрема).

² В отношении Высоцкого, Вронского, Гриневицкого, Ордынского сказано в следственных материалах, что они «недвижимого» имущества не имеют (ЦГВИА, ф. 1 «Л», оп. 2, д. 45, ч. II, л. 69, 73, 74, 79). Из них только у Вегелина было «за матерью» в Волынской губернии 600 душ крепостных да у Гофмана была деревня в Лидском уезде, Гродненской губернии, состоявшая из 25 домов. Все остальные «крестьян не имели» (ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. II, л. 1107 — о службе подсудимых). Из этой же среды все офицеры-руководители общества: Игельстром, Петровский, Требинский.

³ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 794 (показание Требинского).

Решено было присоединить к обществу и свислочских «Зорян», с этим поручением ездил в Свислочь Высоцкий¹, ранее состоявший в этой организации.

Таким образом, Общество военных друзей вскоре после его основания превратилось из сравнительно узкой тайной организации военнослужащих в более широкую организацию, вовлекавшую в свои ряды прогрессивные элементы местной интеллигенции и революционно настроенной шляхты. Тем самым несколько расширилась социальная база общества, а с нею и сфера влияния. Членов общества волновали те же вопросы, они выдвигали такие же требования, что и русские дворянские революционеры. Следовательно, они были их естественными союзниками в борьбе против самодержавно-крепостнического строя.

Общность цели «военных друзей» с русским революционным лагерем создавала благоприятные условия для установления прямого контакта с русскими декабристскими обществами. Этому способствовало и то, что в Обществе военных друзей, являвшемся по своему национальному составу польским², наряду с поляками были и офицеры русской армии (Игельстром, Вегелин; Требинский, будучи «веры греко-российской», также мог считать себя русским).

Стремилась ли руководители Общества военных друзей к установлению связи и контакта с декабристскими обществами в России и имели ли успехи в этом? Исчерпывающего ответа на этот вопрос, к сожалению, в источниках мы не находим.

Однако материалы о возмущении в Литовском пионерном батальоне, хранящиеся в архиве, содержат некоторые данные для положительного ответа. На основании показаний Игельстррома можно констатировать, что «военные друзья» знали о существовании в России тайных обществ. Информация о русских тайных обществах шла, по-видимому, через Рукевича, который мог ее получать, используя виленские связи филوماتов. На вопрос следственной комиссии, что побудило его к принятию присяги на верность новому императору Николаю I, Игель-

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 136, ч. VI, л. 1.

² Из 45 членов общества всех трех степеней 41 был польской национальности.

стром, долго уклонявшийся от ответа, вынужден был, наконец, признать, что «мысль к непринятию присяги получил я первоначально от того, что Рукевич объявил мне, что в Санкт-Петербурге находятся две партии, из чего я заключил, что должны быть междоусобия». «Узнав от Рукевича о партиях в С.-Петербурге, — показывал далее Игельстром, — я объявил ему мое намерение держать сторону его императорского высочества цесаревича, посему он советовал послать офицеров в близлежащие полки, дабы уговорить их держаться стороны его высочества цесаревича»¹.

Игельстром не сказал, как он понимал слова «две партии». Но вряд ли он имел в виду некоторые разногласия в правительственном лагере по вопросу о будущем наследнике престола, порожденные лишь тем, что многие не знали об официальном отказе Константина Павловича. Как только это стало известно, все близкие к правительству чиновники немедленно присягнули Николаю. Остается наиболее вероятным предположение, что Игельстром намекал на существование в Петербурге антиправительственной партии, т. е. тайного общества декабристов.

Что же касается заявления Игельстррома о появившемся у него намерении «держать сторону» Константина, то это, несомненно, был тактический ход, рассчитанный на то, чтобы скрыть от следствия истинные цели своей тайной организации. Известно, что такая тактика была свойственна и многим участникам восстания 14 декабря, выдвинувшим лозунг присяги Константину не потому, что они хотели видеть его на русском троне, а с целью не допустить воцарения Николая. Это сходство тактических приемов само по себе весьма любопытно и говорит лишь в пользу предположения о наличии контакта между «военными друзьями» и декабристами.

Игельстром, по-видимому, больше всего опасался, как бы следственная комиссия не обвинила руководителей Общества военных друзей в связи с декабристами, что дало бы ей основание рассматривать это общество как декабристскую организацию со всеми вытекающими из этого для членов общества тяжелыми последствиями. Участь Игельстррома и всего руководящего ядра общества осложнялась тем, что, как упоминалось выше, Петров-

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. II, л. 1080.

ский оказался нестойким и, выдав сокровенную цель общества, мог проговориться и о большем. Положение можно было спасти только упорным молчанием других членов комитета, опровержением показания Петровского, единодушным отрицанием политической цели. Поэтому, когда Требинский, впавший в отчаяние после предъявления ему показания Петровского, готов был его подтвердить, Игельстром решил удержать товарища от такого губительного шага. Он ухитрился передать Требинскому записку, где упрекал его в слабости и призывал быть стойким до конца. «...Ежели бы было более Петровских, — писал он, — тогда твои предположения могли бы сбыться, но один подлый свидетель по законам — недостаточная причина к осуждению — могут подозревать»¹.

Вслед за этим он написал Требинскому вторую записку: «Ананий! Неужели ты хочешь уподобиться Демосфену, который с таким красноречием уговаривал афинян взять оружие и первый бежал с поля чести? Неужели ты ставишь ни во что священные узы чести, связывающие тебя с так многими особами? Я не говорю о себе. Моя участь решена... Но вспомни, сколько особ остается, которые могут быть спасены, а ты хочешь погубить их!»² Неужели женщина, девушка должна превзойти тебя в твердости духа³. Ананий, я больше тебя теряю, я лишаюсь всего, что может усладить дни наши, но ничего не в состоянии заставить меня хоть на минуту колебаться. Преодолей себя и будь опять тем Ананием, который поступками своими заслужил всеобщее уважение. В горестном положении моем оставь приятную надежду, что я не ошибся

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 489. Эту записку Игельстром, находясь в заключении, сумел передать Требинскому через находившихся еще на свободе членов общества Ордынского, Вронского и Гриневичкого. Игельстром выбросил ее в окно подошедшему Ордынскому, который передал ее Вронскому, тот передал Гриневичкому, последний ухитрился вручить ее Требинскому (там же, л. 573).

² Речь идет о тех членах общества, которые еще оставались на свободе. Это, главным образом, присоединенные к Обществу военных друзей члены общества «Зорян».

³ Игельстром здесь имеет в виду сестру Рукевича Ксаверию, которая, спрятав от следствия вещи и бумаги Игельстрома, привезенные к ней после ареста владельца его денщиком, «запиралась в принятии оных, как равно и обо всем ей известном не učinила признания», — как сказано в заключении следственной комиссии. Игельстром ставил в пример Требинскому ее стойкое поведение.

в тебе, и не заставь меня краснеть за то, что я тебя как истинный друг любил и еще люблю»¹.

Следственная комиссия не добилась ни от Требинского, ни от других членов комитета полного признания или подтверждения показания Петровского. Вопрос о политической цели общества, таким образом, для следствия остался невыясненным.

Комиссия сосредоточила свое внимание на другом важном вопросе — о связи Общества военных друзей с тайными обществами декабристов. Следователи ухватились за показание Игельстрома об его осведомленности относительно «двух партий» в Петербурге, о чем он проговорился в одном из первых своих показаний, и он вынужден был признаться, что об этом ему стало известно от Рукевича, чем поставил последнего под серьезную угрозу. Вероятно, мучимый раскаянием за сделанную оплошность, которое усиливалось тем, что сам Рукевич не сознался в этом на следствии, Игельстром решил взять весь удар на себя. Желая уведомить Рукевича о намерении искупить свою вину перед ним, он послал ему записку следующего содержания: «Если вы попали в сеть, которую я вам расставил, не запинаясь обвините меня. Верьте всему, что господин полковник² будет говорить. Подумайте о вашей участи и об участи ваших сестер³. Ежели не найдете других средств к оправданию, обвиняйте меня во всем и верьте, что мне весьма приятна будет возможность облегчить участь особ, для которых я не перестану во всю жизнь питать искреннейшую дружбу»⁴. Как увидим ниже, Игельстром сдержал свое слово. Он сообщил следственной комиссии, что желает дать дополнительное показание, и 26 мая 1826 г. показал следующее:

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, л. 488, 489. Записка эта была перехвачена жандармами и приобщена к делу, фигурируя в дальнейшем как новая улика против Игельстрома.

² По-видимому, Игельстром имеет в виду следователя, ведшего допрос Рукевича.

³ У Рукевича было три сестры: старшая жила в Белостоке, будучи женой градского судьи Кроликовского, две младшие — Корнелия и Ксаверия, жили вместе с братом в деревне Завыки, Белостокского округа.

⁴ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. II, л. 1273. Письмо написано на французском языке. Здесь приводится текст русского перевода, имеющегося в деле. Эта записка, как и приведенные выше письма к Требинскому, не имеет даты.

«21-го декабря прошлого 1825 года, будучи здесь, в Белостоке, и проходя из лавок к дому Рукевича, был встречен на Васильковской улице незнакомым мне жидом, который спросил меня: не я ли капитан Игельстром? Получив удовлетворительный ответ, вручил он мне письмо, которое было запечатано оплаткою. Развернув оное, я читал (после обыкновенных извинений незнакомца, что пишет ко мне) следующее: — Я еду из Петербурга, где по получении известия о кончине блаженной памяти государя императора Александра Павловича изволила пожаловать в Санкт-Петербургский Сенат ее императорское величество Мария Федоровна с его императорским величеством Николаем Павловичем, предлагая признать его императорское величество, Николая Павловича, законным наследником, уверяя при том, что пылкость его высочества цесаревича может послужить ко вреду государства. Но гвардия, которая в сие время собралась около Сената, по данному ей знаку закричала: — Да здравствует государь император Константин Павлович! — чем принудила всех бывших в Сенате к учинению присяги на верность его высочеству цесаревичу. Впоследствии по полученным будто бы известиям из Варшавы, что его высочество цесаревич отказывается от престола, приказано было привести к присяге на верность его императорскому величеству Николаю Павловичу все находящиеся в Санкт-Петербурге войска, но оные такой присяги не приняли и решились ожидать прибытия его высочества цесаревича. После сих подробностей я уверен, что весь Литовский корпус не будет хладнокровно взирать на то, что законного наследника лишают престола; тем более, что, служа под начальством оного, все члены сего корпуса узнали характер своего начальника и верно будут держать сторону его императорского высочества.

Имеют честь быть и прочее — К : х : л : б : к : р. —

Получив письмо, я тотчас сжег оное, но говорил о нем Вегелину и Требинскому, которые могут истину сих слов подтвердить. Что касается Рукевича, то, видя из некоторых вопросов, что комиссия имеет его в подозрении, и полагая, что, сложив всю вину на него, я не увеличу предстоящего ему наказания, решился я сказать, что имею известие о партиях петербургских от него; но действительно от Рукевича я никаких известий не имел.

Подсудимый Литовского пионерного батальона капитан Игельстром»¹.

Показание Игельстрома о письме, полученном от Кюхельбекера, сильно встревожило других находившихся под судом членов Общества военных друзей. Они прекрасно понимали, как может повлиять на них эта новая улика, оказавшаяся в руках следствия. Следственная комиссия немедленно допросила об этом других подсудимых. Но как Требинский, так и Вегелин не подтвердили показания Игельстрома. Вегелин на вопрос следственной комиссии, говорил ли ему Игельстром о получении в декабре 1825 г. из Петербурга «от неизвестной особы какого-либо письма насчет происшествия в Петербурге», ответил: «Мне капитан Игельстром оного письма не показывал и не говорил о нем никогда»².

Страх по поводу нависшей над ним опасности со всей откровенностью высказал Требинский. Он называет показание Игельстрома «несправедливым», «коим он запутывает дело и, сближая сим мнимым письмом Кюхельбекера с петербургскими бунтовщиками, может навлечь большое подозрение на наше общество, не имеющее в виду (сколько мне было известно) никаких вредных намерений»; Требинский с ужасом в предвидении тяжких последствий добавляет, что «таким показанием Игельстром может повредить всем и погубить совершенно меня»³.

Не удовлетворившись отрицательными ответами Требинского и Вегелина, следственная комиссия продолжала выяснять правдоподобность показания Игельстрома. Председатель комиссии генерал-майор Перрен приказал Требинскому написать записку и передать ее «будто бы потаемно» Игельстрому. В записке Требинский просил объяснить причины, побудившие Игельстрома дать такое показание. Записка была в присутствии Перрена передана в дверную щель Игельстрому, от которого Требинский «получил на оную в то же время словесный ответ: что он таким показанием вредит только самому себе и спасает Рукевича, что сие также сделано им и для того, дабы заставить лучше обходиться с нами, ибо хотя и было обещано господином презусом (т. е. председателем следственной комиссии. — П. О.), что после откровенного признания

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 865.

² Там же, ч. II, л. 1158.

³ Там же, л. 1134.

арест наш облегчится, однако же до тех пор не последовало никакого облегчения...»¹

Как видно из этого свидетельства, Игельстром, давая новое показание, руководствовался двумя побуждениями весьма благородного свойства: своим откровенным признанием отвести вину от Рукевича и облегчить участь других подсудимых. У следственной комиссии, по-видимому, не возникало сомнений относительно искренности признания Игельстрома. Требовалось лишь свидетельство самого Кюхельбекера.

Председатель следственной комиссии генерал-майор Перрен писал 3 июля 1826 г. командиру Литовского корпуса:

«...Комиссия военного суда, заключая из подписи письма, что оное было писано коллежским асессором Кюхельбекером, который известен был здесь проездом своим в Варшаву... желая удостовериться в истине показания Игельстрома, считает нужным к достижению таковой иметь при деле объяснение помянутого Кюхельбекера, когда именно, через кого и на чье имя писал он таковое письмо...»²

По-иному отнесся к этому цесаревич Константин. Он не поддержал просьбу ретивых следователей по вполне понятным соображениям: следствие по делу декабристов в Петербурге заканчивалось, завершено оно было в основном и по делу Общества военных друзей. Новые же допросы грозили большой затяжкой, тогда как царское правительство спешило поскорее разделаться с революционерами, дело о которых и так наделало много шума и волновало умы. Кроме того, Константину новые открытия в Литовском корпусе не сулили ничего приятного для его репутации как главнокомандующего, которая и так была сильно уязвленной в результате раскрытия тайного общества. Выполняя волю главнокомандующего, командир Отдельного литовского корпуса генерал-лейтенант Довре сообщил следственной комиссии 9 июля 1826 г., что «относительно показания капитана Игельстрома насчет полученного якобы им через неизвестного жидка от коллежского асессора Кюхельбекера письма, то его императорское высочество цесаревич изволил отозваться, что это есть не

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. II, л. 1158 (показание Требицкого).

² ЦГВИА, ф. 530 «Л», д. 642, оп. I, л. 96.

что более, как выдумка подсудимого, не заслуживающая никакого внимания, но клонящаяся к запутанности и проволочке дела, а потому запретить изволил комиссии впредь принимать к рассмотрению своему подобные предметы, а судить капитана Игельстрома за те вины, которые уже открыты, не запутывая оных отвлеченными обстоятельствами»¹.

Насколько достоверно показание Игельстрома и не было ли это в самом деле «выдумкой подсудимого»?

Польский историк профессор Г. Мосцицкий, первым из исследователей обративший внимание на этот документ, скрепленный собственноручной подписью Игельстрома, полностью верит ему как неопровержимому свидетельству наличия связи и контакта между декабристами и руководителями Общества военных друзей².

Приведенные выше мотивы, побудившие Игельстрома дать показание о письме Кюхельбекера, дают некоторое основание сомневаться в достоверности этого факта. Тем не менее полностью игнорировать существование приведенного показания Игельстрома, как это имеет место в нашем декабристоведении, как представляется, нет оснований. Конечно, показание Игельстрома осталось без подтверждения его Кюхельбекером, допрашивать которого, как мы видели, командование Литовского корпуса сочло не нужным. А он как раз и мог бы внести полную ясность в этот вопрос.

Весьма ценное упоминание на этот счет имеется в «Записках... И. И. Горбачевского». Повествуя о беседах руководителей Общества соединенных славян с Бестужевым-Рюминым по поводу присоединения к Южному обществу в сентябре 1825 г., Горбачевский вспоминает, что Бестужев объявил об открытии следов существования тайного общества между офицерами Литовского корпуса³. Несомненно, что в этом случае имелось в виду Общество военных друзей. Значит, руководители Южного общества осенью 1825 г. уже располагали сведениями о существовании Общества военных друзей. Вполне естественно, что они стремились разузнать о нем побольше, сообщить Север-

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 866.

² H. Mościcki, t. I, zeszyt 3, str. 496. Г. Мосцицкий приводит выдержки из показания Игельстрома, однако полностью оно еще нигде не было опубликовано.

³ «Записки... И. И. Горбачевского», стр. 52.

ному обществу и использовать все средства, чтобы связаться с «военными друзьями». Не исключена возможность, что им уже было известно о руководителях тайного общества в Литовском корпусе и что общество это занимало видное место в планах декабристов. В таком случае вполне правдоподобным и понятным явилось бы желание Кюхельбекера, несмотря на то что восстание в Петербурге потерпело поражение, не терять еще надежды на поддержку движения со стороны тайной организации в Литовском корпусе; что же касается содержания письма Кюхельбекера в изложении Игельстрома, то несомненно, оно «приглашено» им. Не мог же убежденный республиканец Кюхельбекер всерьез призывать присягать Константину.

Одним из возможных звеньев, связывавших «военных друзей» с декабристами, мог быть брат члена Общества военных друзей Петра Воеховича Александр, служивший в Петербурге в кадетском корпусе. При аресте у Петра Воеховича было обнаружено несколько писем от Александра, содержание которых позволяет судить о его интересах и политических настроениях. Александр подробно информировал брата о культурных событиях, особенно в литературном мире¹.

Возникает вопрос: имелась ли у Кюхельбекера возможность прислать письмо Игельстрому, мог ли последний получить его, как он признает в показании? Известно, что Кюхельбекер бежал из Петербурга поздно вечером 14 декабря. В своем показании следственному комитету он указывает маршрут, по которому следовал в Варшаву: «Отправившись из С.-Петербурга, я шел пешком, а где мог дешево нанять лошадей, то нанимал и ехал. Проходил через Софию, Гатчино, Рожествен, Лугу, Порхов, Великие Луки, Усвят, Витебск, Оршу, Борисов, Минск, Слоним, Каменец Литовский, Высокое Литовское, а между Дороговичином и Гранном перешел в Царство Польское; потом следовал через Соколов, Венгров, Ливо, Станиславово, Окунев и из оного в Варшаву»².

Как показывал на следствии крепостной человек Кюхельбекера Семен Балашов, совершивший со своим господином путь до местечка Цеханович под Белостоком, они почти безостановочно ехали из Петербурга до села Горки,

¹ ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 125.

² «Восстание декабристов», т. II, Госиздат, М.—Л. 1926, стр. 144.

Великолукского уезда, и только в Горках задержались на 5 или 6 дней, после чего, на второй день рождества, т. е. 26 декабря, выехали дальше на Запад. Кюхельбекер мог послать упомянутое письмо Игельстрому по прибытии в Горки, т. е. числа 19 или 20 декабря. Расстояние от Великолукского уезда до Белостока не превышает 350 км, и оно могло быть свободно преодолено за двое суток на лошадях, особенно если принять во внимание экстренный характер записки (Игельстром указывает, что письмо было передано 21 декабря. Но это очевидная ошибка, так как в официальном документе — выписке аудиторiatского департамента — указано, что Игельстром, «отлучась без позволения начальства», уехал в Белосток 22 декабря и в этот же день явился к начальнику штаба корпуса генерал-майору Вельяминову 2-му¹).

Заслуживает внимания и то, что Игельстром выехал в Белосток как раз 22 декабря. До этого дня он, отстраненный в сентябре 1825 г. от командования 1-й пионерной ротой «за найденные в оной неисправности» и сославшись после этого на болезнь, большей частью находился у Вегелина, в деревне Филиппах, Белостокского округа, совещаясь с ним о планах деятельности тайной организации. Допустимо, что, получив сообщение от Кюхельбекера, он решил немедленно повести агитацию в воинских частях за отказ от присяги Николаю и начало действий. Вероятно, с целью узнать подробности из Петербурга и ориентироваться, как действовать дальше, Игельстром в Белостоке зашел к начальнику штаба Отдельного литовского корпуса генерал-майору Вельяминову 2-му, который уже получил приказ генерала Довре о проведении присяги и направил Игельстрома в местечко Брянск, в расположение его батальона, с этим приказом. Одновременно Вельяминов сообщил Игельстрому приказ генерала Довре о возвращении Игельстрома в свой батальон — командовать той же 1-й пионерной ротой². Игельстром сделал вид, что подчинился приказу начальства и выехал из Белостока³.

¹ См. «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 233.

² ЦГИАМ, ф. 1, эксп. III, отд., д. 1136, ч. I, л. 7.

³ На совещании 22 декабря с Рукевичем и другими членами общества было решено использовать присягу для возмущения. Как свидетельствует Петровский в своем показании: «Игельстром имел намерение не присягать еще прежде получения от начальника штаба конверта, с которым отправлялся в местечко

Получив от Вельяминова пакет с манифестом и предписание о присяге, он не отправился сразу в Брянск, как было ему приказано, а еще в Белостоке зашел к содержащемуся на гауптвахте Требинскому, просил его и караульного офицера уговаривать офицеров не присягать Николаю. Он послал в местечко Брянск подпоручика Петровского к Вегелину, чтобы тот уговорил 3-ю роту не присягать. Проездом через Бельск Игельстром возмущал к тому офицеров Самогитского гренадерского полка. Прибыв в Брянск, Игельстром употребил «все средства к возмущению офицеров и нижних чинов пионерного батальона не присягать» Николаю. В результате принятых мер Игельстром «возмутил весь батальон к неповиновению...»¹

Возмущение в Литовском пионерном батальоне было сломлено, и на другой же день его солдаты и офицеры были приведены к присяге, а организаторы возмущения: Игельстром, Вегелин, Гофман, а также Рукевич, члены открывшегося Общества военных друзей, были арестованы, преданы военному суду аудиторiatского департамента Литовского корпуса и осуждены на каторгу на разные сроки, разделив, таким образом, участь декабристов. По приговору суда, состоявшегося в 1827 г., Игельстром, Вегелин, Рукевич и др. были сосланы в Восточную Сибирь, туда, где томились на каторге декабристы.

Итак, многочисленные факты свидетельствуют о наличии связей русских дворянских революционеров не только с Патриотическим обществом, но и с другими тайными польскими обществами, существовавшими в первой четверти XIX в. Они неопровержимо подтверждают стремление к установлению взаимного контакта с обеих сторон.

При рассмотрении вопроса о связях декабристов с Обществом филوماتов, «Союзом свободных поляков» и об установлении революционных связей в Литовском корпусе в центре внимания исследователя оказывается, естественно, выяснение личных контактов русских и польских борцов за свободу.

В отношениях декабристов с членами «Союза свободных поляков», с Обществом филوماتов отсутствовали

Брянск, ибо, как я припомнил, он мне о сем его намерении говорил еще прежде, убеждая меня поехать в 47-й егерский полк, чтобы дать там знать, чтобы не присягали никому, кроме как его высочеству цесаревичу...» (ЦГВИА, ф. 9 «Л», д. 45, ч. I, л. 898).

¹ «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 235—236.

официальные переговоры по той простой причине, что к 1823 г. — времени усиленных поисков декабристами связей с польским национально-освободительным движением — оба тайных студенческих общества были уже разгромлены.

Руководителей Общества филوماتов, высланных царским правительством во внутренние губернии России, встретили в кругу декабристов как самых близких друзей, хотя до этого они и не были лично знакомы. Их сроднила борьба за общие цели, они были друзья «по чувству и образу мыслей». Эта замечательная характеристика, данная филоматам Рылеевым, не нуждается в комментариях.

Знаменательным является именно наличие взаимопонимания, солидарности между русскими и польскими революционерами, которые цементировали русско-польский революционный союз, являлись прочной основой для его развития и укрепления.

Новые материалы, извлекаемые из архивов, позволяют перейти от предположений, догадок к более определенным выводам и в вопросе о русско-польских революционных связях в Литовском корпусе. Наличие их теперь не вызывает сомнения, об этом свидетельствует деятельность декабриста Лунина, являвшегося связующим звеном между русским и польским тайными обществами. Прослеживаются эти связи и между Обществом военных друзей в Литовском корпусе, с одной стороны, и декабристами — с другой. Однако этот вопрос требует дальнейшего внимательного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поражение декабристов имело тяжелые последствия и для польского освободительного движения. Вслед за арестами членов Южного и Северного декабристских обществ последовали аресты членов польского Патриотического общества, возобновившаяся деятельность которого и связь с декабристами были вскрыты во время следствия в Петербурге. Аресту подверглись на этот раз все члены Верховного совета Патриотического общества и многие члены на местах. Общество прекратило существование. В Варшаве начал работу созданный «по высочайшему повелению» следственный комитет по делу о польском тайном обществе. Затем дело было передано на рассмотрение сеймового суда Польского королевства, который вынес сравнительно мягкие приговоры всем, за исключением Крыжановского, который был обвинен в том, что вел переговоры с русскими революционерами (Яблоновский за то, что сделал полное признание и выдал остальных членов общества, получил мягкое наказание). Многим польским революционерам стало ясно, какой ущерб нанесен общей борьбе тем, что руководители Патриотического общества не поддержали выступления декабристов. Член Патриотического общества М. Мохнацкий писал впоследствии, что «счастливая возможность, которая снова не так скоро появится, была нами упущена, почти отвергнута». Касаясь переговоров с декабристами, он писал: «Русские заговорщики хорошо понимали интересы свои и польские; они приступили к переговорам с откровенностью, с доброй верой, но, к сожалению, не нашли в польском обществе

чего искали: взаимной откровенности и того самого, что их оживляло, — совместного действия...»¹

Мохнацкий пишет, что, когда произошло вооруженное выступление декабристов, полякам надо было «взяться за оружие». Он осуждает бездействие Верховного совета Патриотического общества в такой решительный момент и проводит сравнение с прежним, революционным руководством общества, когда во главе его стоял Лукасинский, замечая, что «Лукасинский не колебался бы ни одной минуты...»²

Русские и польские революционеры твердо верили, что дело декабристов и дело родившегося русско-польского революционного союза все же не пропало, что «великие замыслы, хотя даже они и плохо исполнены, не теряют своего значения» и что, «возможно, мы в близком будущем увидим, как сквозь мглу, счастливую долю и для нас и для них»³.

Зародившиеся в 20-е годы XIX в., на заре русского революционного движения, русско-польские революционные связи в дальнейшем развивались и крепились. Героический подвиг первых русских борцов за свободу, выступивших с оружием против царизма и провозгласивших единение революционных сил России и Польши, нашел горячий отклик среди поляков. С разгромом Патриотического общества польское национально-освободительное движение не прекратилось. Вскоре преимущественно в военной и студенческой среде снова усилилось брожение. В 1828 г. в Варшаве, в офицерской школе подхорунжих, возникло тайное военное общество, организованное инструктором этой школы подпоручиком Петром Высоцким. К обществу примкнули студенты и представители варшавской интеллигенции⁴. Примкнул к обществу и ряд членов разгромленного Патриотического общества, в том числе Маврикий Мохнацкий, Ксаверий Брониковский. Активное содействие обществу оказывал Иоахим Лелевель, который возглавил левое, демократическое крыло общества, стоявшее за республику.

В конце 20-х годов обстановка в Европе снова стала накаляться. Июльская революция 1830 г. во Франции,

¹ М. Мохнацкий, т. II, стр. 250—251.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 253, 254.

⁴ См. «История Польши», т. I, стр. 436.

победа бельгийского народа в борьбе против владычества Нидерландов, подъем национально-освободительного движения в Италии — все эти события вдохновляли польских борцов за независимость. Тайное военное общество в 1830 г. быстро увеличивалось. Назревало вооруженное восстание. Распространившиеся слухи об осведомленности правительства о деятельности общества побудили его руководителей начать вооруженное восстание, которое и вспыхнуло 29 ноября 1830 г.

Восставшее в ноябре 1830 г. революционное население Варшавы почтило память пяти декабристов, казненных Николаем I: Пестеля, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Рылеева и Каховского, принявших мученическую смерть за общее дело, за польскую и русскую свободу. Массовое участие в панихиде ярко свидетельствует о том, насколько популярными в польском народе были декабристы; о понимании поляками того, что декабристы боролись за общее дело русского и польского народов. Панихида вылилась в могучую демонстрацию солидарности с идеями, за которые боролись декабристы. Это произошло как раз в тот день, когда польский сейм провозгласил детронизацию Николая I. Чествование памяти декабристов было организовано по инициативе восстановленного перед восстанием польского Патриотического общества. Вот как описывает это событие очевидец его Мохнацкий.

«Настал день 25 января, день, во всех отношениях памятный, когда население Варшавы чествовало память мертвых русских республиканцев Пестеля и Рылеева, а сейм свергал с трона живого Николая. С утра рынки и площади заполнились народом, а палаты — депутатами... Члены студенческой гвардии, те именно, которые перед днем 29 ноября были заключены в тюрьме Кармелитов, несли гроб на карабинах, сложенных накрест. Гроб был черный, лежал на нем лавровый венок, переплетенный трехцветными лентами. На пяти щитах начертаны великие имена: Рылеева, Бестужева-Рюмина, Пестеля, Муравьева-Апостола и Каховского. Процессия двинулась с площади Казимира. На траурном изголовье вместо короны или орденов лежала впереди трехцветная кокарда — девиз европейской свободы. Нес ее молодой капитан гвардии. Далее шли три других капитана, недавние студенты университета. То были мистры церемонии; вслед за ними со спущенным в знак траура оружием шествовал отряд студентов...

Посреди них развевалось перевязанное крестом голубое знамя университета, за гробом шло несколько отрядов гвардии... Неисчислимая масса народа разных сословий и пола заполняла улицы и окна помещений, где проходила процессия. Ей сопутствовало несколько десятков офицеров национальной гвардии, а также отряд вольных стрелков... На пути к восточной каплице¹ на Подвалье, где духовенство греко-униатского обряда служило траурную обедню, процессия задержалась у колонны Зигмунта...»²

Чествование восставшими варшавянами памяти казненных декабристов глубоко взволновало русских дворянских революционеров, томившихся на каторге в Восточной Сибири. Поэт-декабрист А. И. Одоевский выразил эти чувства в стихотворении «При известии о польской революции»:

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!
И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу...»³

Восстание потерпело поражение, в силу того что польские аристократы и богатая шляхта, ставшие у руководства восстанием, склонялись к сделке с царизмом. Основная масса населения — крестьянство — осталась равнодушной к восстанию, так как возглавлявшая движение шляхта отказалась пойти на освобождение крестьян от феодальных повинностей. Консервативные руководители восстания, в том числе большинство польского сейма, не помышляли ни о каких социальных реформах, прониклись лишь идеей восстановления Польши в границах 1772 г. Как отмечал Ф. Энгельс, польское восстание 1830 г. не было национальной революцией⁴.

¹ Часовня.

² М. Мохнацкий, т. II, стр. 204—206.

³ А. И. Одоевский, Полное собрание стихотворений, Л. 1958, стр. 142.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 492.

Замечательно, что левое крыло восстания провозгласило те же идеалы, за которые боролись декабристы, — ликвидацию феодально-крепостнического строя. В декабре 1830 г. революционно настроенные участники восстания, главным образом молодежь, открыли Патриотическое общество (Патриотический клуб), председателем которого был избран Лелевель. Общество объединяло левые элементы восстания, стремившиеся установить контакт с городскими низами и крестьянством и вовлечь их в освободительную борьбу. Наиболее последовательным и решительным сторонником этой идеи был Лелевель. Исходя из убеждения о необходимости сочетания национально-освободительной борьбы с осуществлением социальных реформ, он выступил с предложением о наделении крестьян землей на собрании Патриотического общества в печати и перед сеймом¹.

Лелевель добивался принятия сеймом специального обращения к русским с призывом объединить силы в борьбе с царизмом, напоминая о примере декабристов. В проекте обращения говорилось, что восставшие поляки «охотно присоединяются» к принципам, изложенным в соглашении, заключенном князем Яблоновским от имени польского тайного общества с русским тайным обществом. «Восстаньте за наше дело, — призывал Лелевель, — и мы, отстаивая свое, поможем вам». «Мы... заявляем перед лицом бога и людей, что ничего не имеем к русскому народу, что никогда не думаем покушаться на его целостность и безопасность, жаждем оставаться с ним в братском согласии и вступить в братский союз»².

Эмигрировавшие после поражения восстания за границу польские революционеры продолжали отстаивать свободу и независимость своей родины. При этом они постоянно обращали свои взоры к русским борцам за свободу, не оставляя надежды на совместное выступление против царизма.

Созданный во Франции польский эмигрантский Национальный комитет во главе с Лелевелем в своем обращении к русским в августе 1832 г. писал, что имена декабристов, погибших за свободу русского и польского

¹ *J. Lelewel*, str. 9—15.

² Там же, стр. 7—8. Проект был отклонен по настоянию Адама Чарторьского.

Иоахим Лелевель

народов, «навсегда останутся в памяти русских, равно дороги сердцу поляка»¹.

Сей дальнейшая борьба, которую вели представители революционно-демократического крыла польской эмиграции, проводилась под лозунгом «За нашу и вашу свободу!», родившимся в дни восстания. После поражения восстания 1830—1831 гг. польские эмигранты—сторонники революционно-демократического крыла польского национально-освободительного движения — основали общину (громаду) «Грудзенз» и новую группу общества «Люд польский», принявшую позже название «Умань», в которых объединились наряду с революционными интеллигентами также эмигрировавшие солдаты повстанческой армии, бывшие польские крестьяне и рабочие. Эти организации явились непосредственным предшественником будущего революционного рабочего движения. Главной своей задачей они ставили борьбу против феодально-крепостнического строя. Активными деятелями громад были революционные деятели ноябрьского восстания Тадеуш Кремповецкий, Станислав Ворцель и др. В 1835 г. громада выпустила манифест, в котором провозглашались «свобода польского крестьянина, свобода всех трудящихся» Польши. В манифесте говорилось: «Наше отечество — это польский народ, оно всегда было отделено от отечества шляхты. И если были какие взаимоотношения между польской шляхтой и польским народом, они были взаимоотношениями, какие бывают между убийцей и жертвой». В манифесте, выпущенном позднее, проводилась идея единства и союза с революционным движением в России: «Россия, которая терпит то же самое, что и мы... — разве не соединит сил своих с нами против общего зла? Россия, которая была с нами в 1825 г.; Россия, которая, как братьев старших, принимала нас в глубинах Сибири в 1831 г.; Россия, которая в 1839 г. хотела вернуть к жизни Польшу и оказать ей помощь против своих угнетателей, разве теперь будет против нас? Разве она откажется от имени Пестеля, Муравьева, Бестужева, которые вместе с Завишей и Конарским среди тогдашнего эгоизма сверкают, как звезды, своей жертвой на Востоке»².

В 1848 г., в годовщину казни царизмом польского революционера Шимона Конарского, польские эмигранты

¹ J. Lelewel, str. 219.

² «Trybuna Ludu», 31. X. 1955 г.

в Бельгии во главе с Лелевелем отметили его память вместе с памятью казненных и замученных декабристов. «Тени Пестеля и Бестужева, Рылеева и Муравьева, Каховского и Конарского оберегают нашу совесть, чувствуют биение наших сердец, углубляют нашу дружбу»¹, — говорил Лелевель на траурном митинге.

Видный деятель польского национально-освободительного движения, член Патриотического общества, участник восстания 1830—1831 гг., а впоследствии один из ближайших друзей Герцена — Станислав Ворцель в своей речи на одном из собраний польских эмигрантов в 1834 г. заявил о будущем Польши и России: «Господство тирана в обеих этих странах должно быть заменено властью народа, и их должны соединить общие узы»².

Декабристы, несмотря на неудачу первой попытки совместного с поляками выступления против царизма, твердо верили, что дальнейшие взаимоотношения с поляками должны развиваться по линии укрепления союза русских и польских борцов за свободу, что союз этот имеет глубокие корни в обоих народах. Декабристы относились с горячей симпатией к польским революционерам, членам Патриотического общества и участникам восстания 1830—1831 гг., разделившим судьбу русских борцов за свободу и томившимся вместе с ними на каторге в Восточной Сибири. Декабристы всячески, чем и как могли, старались оказать польским изгнанныкам участие и посильную помощь. И. Д. Якушкин пишет, что в марте 1828 г. в Читу, где тогда находились многие декабристы, в том числе он сам, прибыли Игельстром, Вегелин и Рукевич. Декабристы, находившиеся в Чите, «приняли их, как товарищей»³.

Один из участников польского освободительного движения — Юстиниан Рудинский, сосланный в Сибирь на каторгу по делу Конарского, пишет в своих воспоминаниях, что он познакомился там со многими декабристами, которые старались окружить поляков вниманием, оказывали неимущим денежную помощь. С особой теплотой он вспоминает о встречах с С. Г. Волконским, А. Юшневским и Артамоном Муравьевым, которые, пишет он, «встретили нас не только дружественно, но по-приятель-

¹ J. Lelewel, str. 250.

² B. Limanowski, Stanisław Worcel. Życiorys, str. 48.

³ «Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина», стр. 113—114, 599.

ски, ...взялись помогать нам, чем только смогут...» «Мы получили от декабристов запас сахара, чаю и табаку, — пишет далее Руцинский, — мы не могли отказаться от принятия этой жертвы, сделанной совершенно по-дружески». Декабристы добились у властей снятия кандалов с польских ссыльных, снабжали их литературой. Когда Руцинского перевели в Тобольскую губернию, Юшневский переслал с ним письмо к декабристам Пуцину и Оболенскому, жившим после отбытия каторги на поселении в Туринске. Они встретили Руцинского сердечно, и он прожил с ними в Туринске три года. Особенно близко он сошелся с Пуциным, с которым до самой его смерти переписывался¹.

Декабрист Лунин также имел близкое общение с польскими изгнанниками. Будучи уже на поселении в деревне Урик, под Иркутском, Лунин, как известно, вел антимонархическую пропаганду, за что был заключен в 1841 г. в Акатуйскую тюрьму. Там он встретился с организатором тайного общества в варшавской школе подхорунжих, начавшей восстание 1830 г., Петром Высоцким и другими польскими революционерами. Через год польские друзья снесли на своих руках тело умершего Лунина на кладбище и предали его земле².

Много ссыльных поляков, главным образом участников восстания 1830—1831 гг., проживало в городе Кургане, Тобольской губернии. Там они общались с декабристами Розеном, Фохтом, Лорером, Лихаревым и др.³ Член Северного общества Михаил Бестужев, сосланный на каторжные работы в Нерчинские рудники, подружился там с основателем Общества военных друзей Михаилом Рукевичем, у которого обучался польскому языку⁴.

Личное общение польских и русских революционеров на каторге и в ссылке способствовало лучшему взаимопониманию, устранению существовавшего взаимного недоверия. Один из польских изгнанников — Руфил Пиотровский, пишет в своих воспоминаниях о встречах с декабристами: «Судьба сближает людей, а тем более уже сое-

¹ J. Rućinski, Pamiętniki zesłania na Sibir, Lwów 1895, str. 56—57, 59—60.

² «Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberyi przez Agatona Gilera», t. I, Lipsk 1867, str. 112, 115.

³ См. барон А. Е. Розен, Записки декабриста, СПб 1907, стр. 199—201.

⁴ См. «Воспоминания Бестужевых», стр. 280.

диненных одинаковыми целями. Увидев этих благородных русских, мучеников за свободу и апостолов будущего счастья своей отчизны — России, у меня «исчезло все, что отличало поляков от русских: мне казалось, что я вижу своих соотечественников, моих братьев и верных друзей моей отчизны — Польши»¹.

Польские изгнанники встречали сочувствие и со стороны многих русских людей, не причастных к движению декабристов, но разделявших их прогрессивные идеи. В мемуарах побывавших в сибирской ссылке польских революционеров имеется множество теплых воспоминаний о стремлении русских простых людей облегчить положение ссыльных поляков, оказать им внимание. Госпитальный врач, рискуя навлечь на себя гнев начальства, оставил уже выздоровевшего Шимона Токаржевского, приведенного из тюремной камеры, желая чтобы он подольше пользовался хотя бы относительной свободой, насколько позволял режим госпиталя². Даже многие конвоиры-солдаты выражали сочувствие полякам, во время работ старались помочь при переносе тяжестей или требовали выполнения работы полегче.

Многие командиры воинских частей Кавказа, куда были сосланы рядовыми некоторые польские дворяне-революционеры, приближали их к себе, обходились с ними товарищески, часто навлекая на себя тем самым гнев высшего начальства. Об одном из подобных эпизодов повествует сохранившийся в архиве рапорт главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом фельдмаршала Паскевича-Эриванского от 21 ноября 1829 г. на имя императора Николая I по поводу «коротких отношений» генерал-майора Раевского со служащими под его начальством рядовыми, бывшими членами польского Патриотического общества Ворцелем (Николаем) и Карвицким. В рапорте сообщалось, что Раевский относился к ним по-дружески и даже «допускал их к своему столу»³. Такое отношение генерала к политическим преступникам возмутило царя, и он приказал: Раевского, допустившего «самое короткое и неприличное обращение с некоторыми лицами, принад-

¹ «Pamiętnik z pobytu na Syberyi Rufila Piotrowskiego», Poznań 1861, str. 174.

² «Siedem lat katorgi. Pamiętnik Szymona Tokarzewskiego. 1846—1857», Warszawa 1907, str. 191—193.

³ ЦГВИА, ф. 410, д. 78, л. 2—3.

лежавшими к злоумышленным обществам и определенными впоследствии рядовыми во вверенный ему полк, до того даже, что приглашал их к столу своему», подвергнуть наказанию: сделать Раевскому «строгий выговор, посадив его под домашний арест при часовом на 8 дней»¹.

В. Кюхельбекер, заключенный в Динабургскую крепость до высылки в Сибирь, не был забыт местными польскими борцами за свободу. Узнав, что русский революционер томится в Динабургской тюрьме, молодой поэт Александр Рыпинский вместе с друзьями Александром Понговским, Тадеушем Скржидлевским навещали в 1829—1830 гг. Кюхельбекера. Часто им сопутствовала сестра Понговского Людвиг, которая в свое время навещала филоматов во время заключения их в Виленской тюрьме. Рыпинский перевел для Кюхельбекера на русский язык «*Spiewy historyczne*» Немцевича. Этот большой души человек, отзывался впоследствии о Кюхельбекере Понговский, был истинным сыном своей родины, как Рылеев, Бестужев и Пестель. Тот, кто знал его ближе, любил, уважал и ценил². Вероятно, дружба с польскими революционерами, большой интерес к польской литературе побудили Кюхельбекера заняться изучением польского языка. «Я учусь по-польски...», — писал он сестре Юстине Карловне из Динабургской крепости. Скоро он уже читал произведения польских поэтов в подлиннике. «...Мицкевича читаю довольно свободно, Одынца тоже; но Немцевич для меня трудненок», — писал он 20 октября 1830 г. «Поэты их — Немцевич, Одынец, Мицкевич — достойны всякого уважения»³, — писал Кюхельбекер сестре.

Русско-польский революционный союз, начало которому положили дворянские революционеры в 20-е годы XIX в., рос и укреплялся, приобретая все больше сторонников. Он нашел свое воплощение в связях русских революционных эмигрантов с польскими в середине XIX в. Этот период связан с именем Герцена, который в своих статьях в «Колоколе» отстаивал свободу и независимость Польши и не

¹ ЦГВИА, ф. 410, д. 78, л. 6.

² См. Д. В. Кацнельсон, Воспоминания Рыпинского о встречах с Кюхельбекером в Динабургской крепости, «Литературное наследство», т. 59, кн. I, стр. 515. Рыпинский и Понговский — участники восстания 1830—1831 гг.

³ В. Н. Орлов, В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке. Сборник «Декабристы и их время», стр. 37. Это письмо без даты, но нужно полагать, что оно написано в 1829 или в 1830 г.

раз предоставлял страницы «Колокола» для выступлений деятелей польского освободительного движения. Он сблизился с руководителями этого движения в эмиграции — Ворцелем, Лелевелем и др., вел с ними обширную переписку, всячески поддерживал их в борьбе за свободу и независимость Польши. В начале 60-х годов вместе с тайной организацией «Земля и воля», вступившей в контакт с польским освободительным движением, Герцен призывал к укреплению этого союза.

В. И. Ленин, отмечая заслуги Герцена в русском и международном революционном движении, высоко оценил его борьбу за укрепление русско-польского союза и независимость Польши: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»¹.

В новую эпоху, когда на историческую арену вышел пролетариат как самостоятельный класс, традиции русско-польского революционного единства укрепились, умножились новыми примерами боевого содружества революционных сил обоих народов. Под руководством коммунистических партий сложилась и окрепла в совместной борьбе против эксплуататоров и интервентов подлинная пролетарская солидарность и дружба народов СССР и Польши.

Дружба народов СССР и Польши, основанная ныне на самых надежных принципах пролетарского интернационализма и солидарности, на общности интересов и стремлений, крепка, как никогда раньше. Она углубляется и крепнет благодаря всестороннему — политическому, экономическому и культурному — сотрудничеству, благодаря многочисленным контактам и связям, объединяющим оба народа в борьбе за построение коммунистического общества, за сохранение и упрочение мира во всем мире.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 13.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ РУССКО-ПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЮЗА	24
1. Рост антифеодального и национально-освободительного движения — важнейшая предпосылка возникновения революционных организаций в России и Польше	—
2. Первые революционные общества в России и их отношение к Польше. Декабристы и их социально-политическая программа	38
3. Революционные общества в Польше. Патриотическое общество и его программа	47
Глава II. ВОПРОС О РУССКО-ПОЛЬСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ СОЮЗЕ В ЮЖНОМ И СЕВЕРНОМ ОБЩЕСТВАХ ДЕКАБРИСТОВ	69
1. Проблема Польши в конституционных проектах Никиты Муравьева и «Русской Правде» Пестеля	—
2. Установление связи Южного общества декабристов с польским Патриотическим обществом. Переговоры 1824 г.	81
3. Переговоры 1825 г.	115
4. Общество соединенных славян	132
5. Русско-польские революционные связи накануне восстания декабристов	153
Глава III. СВЯЗИ ДЕКАБРИСТОВ С ОБЩЕСТВОМ ФИЛОМАТОВ. ВОПРОС О РУССКО-ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ В ОТДЕЛЬНОМ ЛИТОВСКОМ КОРПУСЕ	165
1. Связи декабристов с Обществом филوماتов	—
2. Вопрос о русско-польских революционных связях в Литовском корпусе	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214

Ольшанский Прохор Николаевич
Декабристы и польское
национально-освободительное движение

Редактор *И. Бачило*

Младший редактор *Ю. Мочалова*
Оформление художника *Л. Городского*
Художественный редактор *Н. Еремина*
Технический редактор *Р. Москвина*
Корректоры *Г. Ефимова* и *И. Щербакова*

Сдано в набор 10 января 1959 г. Подписано в печать 19/IX 1959 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 3,56. Печатных листов 11,68. Учетно-издательских листов 12,32. Тираж 5000 экз. А-01671. Заказ № 1347
Цена 5 р. 95 к.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Отпечатано с матриц типографии № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького в типографии № 5 Управления полиграфической промышленности Ленсовнархоза.

Ленинград, Красная ул., 1/3.

